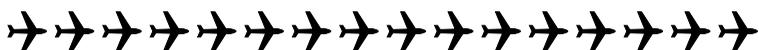

РАФАИЛ ЕВРЕИНОВ

БУДНИ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

ПУБЛИЦИСТИКА

пос. Мурмаши
2004

РАССКАЗЫ

ВЕТРЯННАЯ БЛОНДИНКА

(из воспоминаний о вечерней школе)

Это была молодая особа, имевшая довольно высокий рост, но не совсем стройную фигуру. На голове у нее красовался рог из волос, а на ногах туфли нового образца, с каблуками, немного меньше лошадиных копыт. Она часто любила менять свои платья и считала, по-видимому, себя очаровательной особой.

Глаза ее были подобны синим чернилам, а волосы время от времени смачивались перекисью водорода. Лет ей от роду было: не более двадцати пяти.

И вот такая дама преподавала у нас и историю и географию. Ее уроки, я называл: уроками отдыха и веселья, так как у нее можно было отвечать, ничего не зная, но, тем не менее, получать приличные отметки, и вволю посмеяться. Порой наши шутки доводили ее до белого каления и, она выходила из себя, и в таких случаях становилась похожей на какую-нибудь хорошо начищенную деталь, на каком-либо агрегате. На пять минут наступало затишье, а затем потоки слов вырывались из ее рта с редкими, но бурными выкриками. Истерика быстро заканчивалась. Успокоившись, она

снова приступала к уроку, а затем смеялась вместе с нами над каким-нибудь курьезным случаем.

Жила она одиноко, при школьном интернате. Часто ходила в кино или на танцы. По существу она резко отличалась от других учителей тем, что была близка с нами, учениками вечерней школы. На наши шутки она не жаловалась, но все же за свой переменчивый характер получила прозвище «ветряная», а за волосы «блондинка».

1954

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

В одном большом городе жила маленькая семья, состоявшая из мужа и жены. Оба они служили в одном и том же учреждении, и оба, по-видимому, любили друг друга. Люди, они по характеру почти одинаковые, имевшие, конечно, свои особенности. Муж был довольно культурным человеком (он окончил институт), но ужасно жадным, а она (тоже окончила этот же институт), кроме того, имела кой-какой жизненный опыт.

Благодаря этому жена сумела направить мысли супруга по-своему разуму, и заставила его плясать под свою дудку. Все было бы ничего, ибо такая жизнь мужу нравилась, но вся беда состояла в том, что у него была старая мать, отдавшая все свои силы на обучения сына. Мать пенсионерка. Все равно, какой бы мать не была, на старости лет помогать ей необходимо, и понятно, что он пытался оказать ей однажды помощь, ибо пенсия была мала, но молодая жена воспротивилась. Она с криками и упреками набросилась на него.

Все-таки на своем решении он настоял, но уже мать получила гораздо меньше, чем она предполагала.

Между тем молодая женоушка требовала себе всякие наряды и подарки, вроде золотых часов, разнообразных духов и бижутерии.

Мне надо быть во всех отношениях культурной – чисто мещанская точка зрения; но такая культура, конечно, не давала ей развития, ибо не смотря на то, что рядом были великолепные музеи, знаменитые театры и другие общественные заведения, где можно было отдохнуть и набраться ума-разума; они все свободное время сидели дома, и строили планы счастливой супружеской, заметьте будущей, жизни. Тема эта избита, но, тем не менее, она целиком поглощала их.

Зачастую он говорил за чаем: «Знаешь что, моя милая, надо бы накопить побольше денег, и затем заводить собственное хозяйство. Как я мечтаю о том времени, когда услышу мычание собственной коровы, кудахтанье кур и лай цепных собак, охраняющих мое добро. И тут они вместе принимались обсуждать свое будущее. Свинки, чтобы гуляли на дворе, жирные свинки; и продать можно, восторгалась она. Вот тогда наша жизнь будет радостной.

Так шло время, летели дни скучные и однообразные; даже ложась спать под супружеское одеяло, и тесно прижимаясь друг к другу, вместо любовных ласк, они мечтали о счастливом будущем.

Но вот мирная жизнь нарушилась, тем, что старая мать написала сыну письмо, в котором описывала свое положение. Вот, с этих пор у них началась действительно веселая жизнь. Он хотел посылать понемногу, каждый месяц матери денег, но

она и слушать не хотела об этом «Ты забываешь все наши планы, ты забываешь, что у тебя жена, ты хочешь сделать меня нищей»,- кричала она ему, сопровождая крики битьем посуды. Сначала он подчинялся ее требованиям, но затем до него что-то дошло, и тогда он стал действовать по своему усмотрению. На их споры и крики сбегались все квартиранты, дабы на завтра пустить сплетню.

Вообще квартирные склоки (семейные склоки), в коммунальных квартирах прямо таки обожают. Порою эти споры приводили их обоих к бешенству и они в таких случаях, как говорится, лезли на стенку, или нещадно колотили друг друга; и уходили на работу так и не позавтракав.

Были такие дни, когда ни он, ни она не желали топить печь, и мерзли всю ночь напролет. Матери от этого было не легче, ибо их разногласия ее мало устраивали. Жизнь шла по-прежнему. Жена клала деньги в сберкассу, а он иногда посылал матери ничтожную сумму.

Скучна и однообразна эта история; длится она у них, и по сей день.

1954

КАРЬЕРА

Это случилось со мной еще в первые дни после демобилизации из армии; но так как действие предлагаемого рассказа начинается раньше, мы перенесемся в армейские будни, если, разумеется, никто не протестует.

Это был удар, напоминающий удар поленом по голове, но с последствиями гораздо более серьезными, исключая, правда, пролома костей черепной коробки; или сотрясения мозга; почему скоро станет понятно.

Имея надежды на будущее, кончая курс училища, я неожиданно оказываюсь за бортом...и не только я – со мной за бортом оказались десятки товарищей–курсантов. Не буду описывать все жизненные пертурбации, но все же упомяну о том, что, наконец, получив звание лейтенанта отправляюсь домой, имея в кармане ресурсы - достоинство отверженных – достаточные, вполне, для человека, отказавшегося от излишеств, и выразившего надежду о манне небесной; и в то же время имея в голове моей тысячи самых радужных надежд.

Теперь я уже без погон, но поскольку у меня нет еще гражданского платья, хожу в форме без знаков отличия, временно удовлетворяясь превратностями жизненного пути.

Как и всякий молодой человек, я ежедневно ходил в клуб или к знакомым, или еще куда-нибудь; но чаще всего на танцы, где моя, было завершенная карьера вдруг дала о себе знать, причем, самым решительным образом. Случилось это так...

После танцев, я, как и прочие, поспешил в раздевалку, но как это поется: и ни туды, и ни сюды, исчезла моя шинель, моя новая шинель, необходимая не как шинель, а как верхнее одеяние, которое, более или менее, спасало меня от мартовской непогоды.

Поиски оказались напрасными. Однако, после того, как публика разошлась, я обнаружил в углу раздевалки, конечно, шинель, но, увы, не свою.

Дело в том, что клуб посещали солдаты из ближайшего гарнизона, и кто-то из них спутал, или взял в обмен, как у нас говорят, мою шинель. К сожалению, замена оказалась великоватой, а в ее чудо - карманах я обнаружил папиросы и конфеты, густо пересыпанные махоркой, и плюс ко всему перчатки, засаленные, как и обновка. Отсюда я определил принадлежность шинели либо мотористу, либо шоферу, либо ангелу, совершившему привычную пакость. Вдобавок, ко всему обнаруженному, на воротнике оказалась нашивка с фамилией владельца.

На другой вечер – это было уже воскресенье – я снова отправился на танцы; причем в клуб заявился в этой шинели с погонями рядового, чем и

привлек внимание всех знакомых; да и в самом деле, можно было подумать, что я их надул; разве вероятно это: курсант, офицер, гражданский и вдруг просто солдат, и, надо признаться, что их чарующие взгляды для меня были столь же приятны, сколь приятен чесоточный зуд, неожиданно появившийся у человека в обществе.

Рассказывать каждому о случившемся я не мог, да и это было бы бессмысленно, поэтому я поспешил ее снять, и остаться в обычном для курсантов и солдат обмундировании без погон, ибо офицерской формы не получал, а моя гражданская одежда требовала полной замены. К моему несчастью, в зале присутствовало много офицеров, видевших мое появление; а разыскиваемый мною солдат так и не появлялся, и я, махнув рукой, отправился танцевать.

После нескольких танцев, я вышел из зала для передышки – было удивительно жарко, и здесь-то у меня произошло столкновение с одним пьяненьким лейтенантом. Начав вежливый диалог, он в быстром темпе перешел к ругани; пошлости – характерная черта многих офицеров в разговоре с подчиненными. Прежде всего, он приказал мне: надеть на гимнастерку погоны...и когда дошел до слова, мерзавец, я сказал ему, что начну приводить его в надлежащее состояние, ибо попытки объяснить, и уговоры сержантов, с которыми он пьянствовал, не действовали, а только распаляли его

пыл. Впоследствии, я узнал, что это был секретарь – вожак комсомола! Я сказал, что начну приводить, на самом деле уже приводил, ибо нервы мои были крайне возбуждены. Вероятно, я бы перестал рассуждать, но после первой схватки нас растащили...

К ночи, протрезвев, он пожелал извиниться (все-таки «сан»), на что лаконично бросив: бывает, я поспешил освободиться от этой близости, дабы удержать в себе поток эксцентричных выражений.

Через несколько дней я нашел виновника случившегося события, оказавшегося шофером, к счастью закончившегося удачно.

Так была закончена эта бесподобная «карьера», я снова стал владельцем своей шинели без знаков отличия, я снова стал гражданским; и этой новой перемене уже никто не удивлялся.

6.11.1956

УТРО

В палатке непроглядная тьма. Быстро одеваюсь, застилаю привычным движением койку, пристегиваю к ремню шлемофон и выхожу из палатки.

Сумрачный воздух дышит прохладой утра. Поживаюсь. Небо мало радостное, но это хорошо – днем не так жарко будет. Присоединяюсь к товарищам, идущим завтракать, им тоже, как и мне, предстоят очередные полеты.

Машины с тяжелым урчанием идут по грейдеру, раскисшему после двухнедельного дождя. Наш МАЗ заходит юзом в кювет и чуть-чуть...- еще бы немного и перевернулись – кричит кто-то, нарочито громко, возможно от страха, возможно для усиления эффекта. Быстро вываливаемся; чудо машина; вот это центровка – удивляются вслух ребята, заменяя легкий испуг шутками по поводу друг друга, и незадачливого шофера.

Решено ждать трактор, а пока его ждем, шумно обсуждаем произошедшее. Шофер, бледный, стоит у обочины и рассуждает: «Черт его знает, как угораздило». Наконец, с аэродрома пришел тягач и благополучно выволок десятитонную махину из грязи на грейдер. Поехали.

Время бежит медленно. На часах четыре тридцать; еще полтора часа. Как всегда делаем предполетный осмотр, расписываемся в приемке у техников боевых машин, спокойных металлических птиц, ровными рядами выстроенными на линейке.

Сегодня иду первым. Кажется все в порядке. Задание уточнено, погода благоприятная, жду сигнала.

В небо взвиваются сигнальные ракеты. – На запуск! Завыли, заревели двигатели, кусочки грязи полетели через всю стоянку, обдавая цветущую полянь. Машины, одна за другой белыми серебристыми красавицами разворачиваются и застывают на старте.

В передней, штурманской кабине, как всегда, веселый, вихрастый паренек – штурман лейтенант Коля Ляпин, сзади, в рубке стрелка-радиста, незаменимый сержант Олег Свиридов. По запросу получаю первую зону: мало приметную сверху деревню Петровку, затерявшуюся среди степных ковылей и бурьянов. Машина плавно отходит от земли; герметизирую кабину; сразу как-то тише, спокойнее; отворачиваюсь градусов на пятнадцать, и убавляю обороты турбин.

Вариометр* упрямо держит девятнадцать метров. В ушах слегка шумит. Слышу Ляпина: «Ну, вот, опять нос задрал». - Ничего Коля, ничего. Сейчас зона. Внизу конфигурация двух озер; как будто всю жизнь над ними; так они запечатлелись, врезались в память.

Сбавляю обороты, докладываю руководителю полетов о прибытии и набирая скорость иду с небольшим креном. Скорость – пятьсот пятьдесят, высота три тысячи метров. Отлично. Кладу тяжелую птицу в разворот. Коля недоволен: «Что за виражи? Куда ты его гнешь?»

С земли приятно смотреть, как стальная птица с ревом, расправив могучие крылья, режет под «страшным» углом безбрежный голубой воздух; но куда приятней самому пилотировать с креном семьдесят, семьдесят пять градусов... Вариометр – упрямая вещь, но врешь... Машина строго на заданной высоте. Перекладываю вираж, и чуть-чуть перетягиваю штурвал, набрал-таки метров десять. Смотрю время. Еще есть минут пятнадцать в запасе. Делаю мелкую спираль, затем глубокую. Тишина. Вывожу машину из угла, прохожу немного в горизонтальном полете; устанавливаю нос на озеро, зеркальная гладь которого раскинулась впереди в блеске лучей восходящего солнца. Медленно опускаю нос; скорость растет. Слышу: мой Коля запел... В наушниках Свиридов: «Семьсот пятьдесят!» - Отлично, милый. Так держать. Свиридов успокаивается. Снижаемся. Запрашиваю вход в круг, и получив разрешение, прохожу над стартом. Второй разворот; выпускаю шасси, открываю кран герметизации. В кабину с шумом входит воздух. Снова разворот – иду на посадку.

Учебный тренировочный полет окончен. Я доволен. Недоволен штурман: «Не хочу», - говорит, - подвергать свою жизнь опасности. Ты меня еще перевернешь!»

1958

* Указатель изменения высоты полета.

ВОЗДУШНЫЙ ХУЛИГАН

«Воздух, упрямая вещь, любить его надо, но еще больше свою птичку-ласточку» – Говорил молодым курсантам командир звена, капитан Филлипов. «Воздух – это то, на чем я всю жизнь езжу, это моя физкультура» -говорил здоровяк, старший лейтенант Стульчиков, этакая ласкательно - уменьшительная фамилия двухметрового верзилы, восьми пудов веса, - как его только машина держала. «Воздух – это чем я дышу», - Совершенно серьезно докладывал, чуть ли не каждое утро своей группе лейтенант Степанов, а так как Степанов докладывал громко, то остальные инструкторы в шутку умолкали, предварительно указав своим группам на своевременность очередной передачи. Делайте выводы, слушая радио – это была излюбленная шутка большинства инструкторов.

А лейтенант Степанов, старый аэроклубовский летчик, полгода как пришедший из запаса на службу, не унимался. – Ну, как ты взлетаешь, разве это взлет, – и, держа макет самолета, в сотый раз, как ему, кажется, безуспешно рассказывает прописные истины. Его группа молчит. Курсанты давно летают самостоятельно – все заканчивают программу курса, и все, как один – по мнению командира эскадрильи летают неплохо.

Был у Степанова в группе курсант Чубняк, загорелый весельчак, не-то украинец, не-то белорус –

непонятно, но только выговор у него был чисто русский. Водился за ним грешок, но на это все сквозь пальцы смотрели. А Володя: то пять минут в зоне задержится, то чего-нибудь лишнее не по заданию выполнит.

Истекали последние летные недели. Летали строями. Володя шел ведомым, хорошо шел, но вдруг мысль: испугать ведущего; выскочить вперед; что тот делать будет? Сказано – сделано. Немного поотстав, разогнав самолет выходит вперед. Ведущий вовремя замечает этот трюк и стремительно отворачивается. Строй расклеился, машины разошлись. Но Володя не унимался. Он шел вперед не пристраиваясь к напарнику. Результат плачевный: срезал круг, не рассчитал посадку, получил выговор и отстранение от полетов.

- Степанов опять на своем коньке, - размышлял он на предварительных подготовках, - надоел...Сомнение Чубняка привело к трагической развязке. Машина лейтенанта Степанова была всегда образцовой и считалась одной из лучших в полку; и в это утро проверка ее дала хорошие результаты. Машина только что пришла с маршрута; техники готовили ее к очередному полету. Степанов и Чубняк, каждый по-своему готовились, но оба деловито, по-хозяйски. Им предстоял последний контрольный полет по замкнутому маршруту. Прямо по курсу поле. – Товарищ лейте-

нант, - раздалось в наушниках, - Разрешите баб попугать на бахче!»

«Я тебе», - но было уже поздно; Чубняк убрал газ. Инструктор взяв управление на себя заметил: «Без моих указаний изменять полет запрещаю», - Сказал спокойно, хотя и был возмущен выходкой курсанта.

- Оставалось километров восемьдесят до аэродрома, как вдруг забарахлил мотор.

- Обороты падают.

- Ничего дотянем, только бы не заклинило.

Мотор сильно трясло. Они шли со снижением.

«Нет, не дотянем, - решает Степанов, - будем подыскивать площадку.» Впереди по курсу овраги. Мотор обрезает, винт на авторотации.

- Спланируем на возлобок. Овраг расходился на два ответвления, образовав довольно ровный скат с небольшим уклоном. Степанов уверенно ведет машину к земле, но что это? Курсант Чубняк растерялся, испугался оврага. Этот здоровенный двадцатилетний парень, вводит машину в пикирование. Степанов силится вырвать ее из пике, но ручка в руках богатыря – не к месту.

- Чубняк, приказываю, брось управление! Летят секунды. Последний рывок ручкой, машинальное движение ногой – сверхчеловеческое усилие – бросают самолет крылом к земле...это все. День шли поиски. Среди десятков оврагов трудно было найти изуродованный самолет.

Степанов очнулся в госпитале, он чудом остался в живых. Старший лейтенант Степанов снова в строю, а мать Володи проливает не первую слезу над его могилой. А, овраг этот теперь зовут «Оврагом Степанова». Десятки курсантов, проходя в полете над ним, не задумываются, а надо бы.

1958

КАК Я ХОДИЛ НА ОХОТУ

Шел 195..., впрочем, неважно какой шел год, важно – что была весна, точнее ее признаки, и я, шагающий на охоту с мелкокалиберкой за плечами, да с позвякивающими патрончиками в спичечном коробке.

До сих пор я много слышал об охоте, восторгался ее прелестями, и радовался той или иной удаче соседей, вооруженных по последнему слову техники двустволками и прочими атрибутами охотничьих принадлежностей. Итак, удачи или неудачи этих мужественных людей сделали свое дело, я не знаю? Но решение принял твердое: иду. Предварительно предупреждаю хозяйку, у которой я проживаю, о том, что вернусь ночью, если не с гусем, то наверняка с десятком уток, которые, как казалось мне, сами садились на мушку, и которых, как говорили мне была уйма.

Я натянул, едва не разорвав, на плечи, потрепанный ватник хозяйки, достал, у сочувствующих и желающих мне удачи, пару резиновых сапог; да не тех, что болотные...нет, пару обыкновенных до колена. На голове моей красовалась ушанка, на руках – перчатки, в кармане – сетка для водоплавающей дичи, а в голове – бесконечные миражи; и плюс пуховые подушки, на которых я в будущем, возлежа, повествую об охотничьих буднях. И, да будет тебе удача – напутствовала хозяйка меня, во

время длинных сборов моих, и, да будет мне...думал я, но, что я думал, к делу не относится. Итак, в путь.

Стояла, как я уже говорил, весна. Вечернее небо, временами хмурило свое личико, личико слезливого ребенка, как будто оплакивало мое начинание, что я почувствовал довольно скоро, по приятной свежести мороси, охлаждающей мой пыл. Было еще довольно светло; свежий ветерок дул в лицо – он знает туго свои обязанности, – я чувствовал себя пионером, а не новичком. Надо сказать, что местность наша изобилует болотами, постоянными, огромными лужами, протоками, ямами, кустарником – всем тем, что принято называть: пересеченной местностью.

Уток нигде нет. Рано думаю, рано, время детское, до сумерек часа два; скоро темноты совсем не будет – размышляю я, пробираясь сквозь заросли кустарника, обходя бесконечные шарки* и мелкие ручейки. Раз...из под самых ног, такая утка! Таких, я еще не встречал – громадная.

Эх, черт! жаль, что винтовка не заряжена. Слова с делом не расходятся; и вот уже вдогонку стометровой мишени я посылаю заряд. Мимо. Сказывается плохая тренировка. Но, шалишь, теперь я умный, меня не проведешь. Я заряжаю мелкашку очередным снарядом; какой он маленький по сравнению с той, которую я чуть было не подстрелил. Я иду настороженно, держа палец на

курке, но не тут-то было, утки не появлялись. В конце концов мне это надоедает, и я закидываю винтовку на ремень через плечо, дулом вниз, как заправский охотник. И вот именно в этот момент, когда я сделал это решительное движение, большая стая, ну, метров пять надо мной, буквально над головой. Утки. Резкое движение; два заряда один за другим; однако, руки у меня сработали, как автомат, но глаза подкачали. Когда я в последний раз проходил медицинскую комиссию, а проходил я ее ежегодно, то меня заверили, что красное от черного я отличаю, а ночью вижу лучше, чем днем. Помню, как самодовольно отвечал глазнику – с детства так, но что сегодня? Почему я не попал по такой стае? Возможно виновато оружие? Без размышления ставлю на один из пеньков обломок сучка и, отойдя метров на десять, стреляю. Неплохо, сразу попал. Ну, думаю, теперь все патроны попадут в цель.

Но, увы, время поджимало. Становилось темней, холодней, дождливее. В пылу охотничьего усердия я забрался в такие заросли, где ни только утки гнезд «не вили», но и нога человеческая не ступала. Но принцип – это принцип. Ни шагу назад. Получасовая борьба с девственной природой и, я в центре обширного болота. То тут, то там крикают утки. Открываю пальбу – безуспешно, только всполошил всех. Храня в сердце надежду на лучшие

времена, с грехом пополам перебираюсь на тот берег.

Путь мой лежал мимо длиннейшей лужи – ямы; ноги соблюдали строжайшую осторожность, по части преждевременного отлета пернатых. Рядом закричал петушок или кулик. Подумаешь, утки – подумал я – вот застрелю штук пять петушков и хватит. Открыв огонь с близкой дистанции, я неожиданно, как мне показалось, подранил, но не петушка, а откуда ни возьмись взявшуюся утку. Повидимому несерьезно, ибо она в течение получаса летала с места на место, а я забыв о холоде, мороси, вспотев, бегаю за ней беспорядочно паля, благо были патроны, едва различая объект «удачи». Теперь, когда я это пишу, смеюсь и сомневаюсь подранил ли я ее или нет, потому что, основательно помучив меня, она улетела, а я? А я винил темноту, утку погоду и вообще все то, что можно было обвинить.

Чудеса в решетке да и только; гляжу утки, метров тридцать от меня, в луже плавают и побрякивают. Да, две утки; я присмотревшись различаю их. Какие хладнокровные, сидят на месте, да и только. Я подкрадываюсь, тщательно прицеливаюсь (кстати по неподвижным целям стреляю неплохо, меня даже в Ленинграде после удачной стрельбы в тире, из одиннадцати – одиннадцать мишеней, пригласили устроиться инструктором по руководству – стрельба и духовое оружие), медленно, но

уверенно, решающая минута приближается; пульс за сотню перевалил, руки тверды и зорек глаз. Бабах...и, и утка, дернувшись, закачалась на воде.

Мелькнула мысль: готова, но почему вторая не улетает, а вдруг обеих сразу; как вдруг из соседних кустов: «Ослеп, что ли, куда лупишь, всех уток в округе перепугал, подсадных от живых отличить не можешь, этак и меня пристрелишь; а ну, катись отсюда, пока цел...и обрушив поток брани на мою голову, показавшийся охотник еще раз посоветовал мне удалиться. Я вступил в пятиминутные переговоры, из которых он выяснил, а потом и заявил мне, что считает меня профаном в данной области, и прочитав ряд заповедей, вроде: «не в свои сани не садись», смягчился; отвел на соседнюю лужу, где было укрытие, сказав, что палить в воздух бессмысленно, что надо ждать когда, они, утки, сядут на воду; и не просто ждать, а ждать, не дыша, и не двигаясь, после чего исчез.

Я остался один. Было, что-то около двенадцати. Прошло томительных часа полтора, прежде чем какой-то свистун из породы куликов сел в мою лужу, но у меня рука не поднялась, да и какой смысл приносить домой перья из леса; пусть живет и радуется – милосердию нет границ. Побегав, поплавав и посвистев вдоволь, свистун упорхнул.

Короткий антракт. Из воды вылезло животное – подобие крысы (да простят мне погрешность в

моих познаниях флоры и фауны), село как раз у самой мушки и принялось мыться. Зверек осторожно обнюхивал черный ствол винтовки, торчащей из укрытия, и я не мог отказать себе в удовольствии поиграть с ним. Или подталкивания стволом не производили на него впечатления, или он чувствовал себя в безопасности рядом с человеком, не знаю, но такое отношение к моему оружию рассердило меня, и я стукнул его слегка веточкой раза два; после чего он, неторопливо оглядываясь, вошел в воду и скрылся.

Мне надоело лежать. Я встал, побегал, согрелся и отправился на поиски новых луж, ибо большего я не находил. Какая-то птица с бараньим бляением носилась вокруг меня (позднее я узнал, что ее зовут козодой, и что она всего-то чуть больше мизинца), считая меня жертвой для своих издевательских криков. Я решил, что это что-то крупное, лесное, а потому упорно следовал за бесконечным ее криком, не видя объект своих безуспешных поисков. Порой, мне казалось, что птиц много, что они и слева и справа, и сзади. Ну, что ж, тем лучше. Не обращая внимания на зыбкую почву мчусь вперед. Раз...и нога моя ушла так глубоко, а сапог так быстро наполнился ключевой водой, что я мигнуть не успел. Вытащив ногу, предварительно зачерпнув воды вторым сапогом, решаю идти домой.

Обратный путь, он оказался не легкий. Я недоумевал, как мог забраться в такие дебри и не утонуть. Смысла выливать воду из сапога не было, потому что злополучная нога поминутно проваливалась, заполняясь ею быстрее, чем я передвигался. Выбравшись на сухое место, точнее на мокрое от дождя поле, я вылил из сапога воду; второй сапог свободной воды не имел – она была впитана брюками и носками, я бодро двинулся на юг, то есть домой. На беду ветер стал холоднее, злее. Дождь перешел в мелкий снежок. Я не шел, а плясал; пальцы на ногах монолитно скрепляла вода, превращавшаяся в лед. Путем ускорения движения я растопил ее. Что, не верите? А почему же они остались целыми? Около двух часов продолжалась пляска. Я дома, в мягкой постели! На дворе светло. Что-то я людям скажу? Моя скромность не помогла. Тот чудак, которому я манков подстрелил оказался болтуном. То-то была потеха.

1961

* Протоки реки во время морского прилива и отлива.

МЫ УБИВАЕМ ВРЕМЯ И НОГИ

Первые неудачи и превратности не только не оттолкнули меня от желания охотиться, нет, наоборот, я стал таким поборником этого вида спорта, безуспешного, но увлекательного, что мне, то есть моему терпению и рвению завидовали более удачливые охотники. «Миллионы» километров болот исходил я той безумной весной, хотя ноги, по обыкновению, «приносил на плечах», дабы сохранить целостность организма. Я дорвал пару комплектов и без того рваного одеяния; выпустил в воздух такое количество зарядов, какого другим бы хватило на десяток лет; но домой не принес и гусяного перышка.

Весна полностью овладела землей; она добивала остатки снега; под лучами испарялись луговые лужи; шел тринадцатый и последний день охоты; нет, не последний – завтра закрытие сезона.

Я и мой товарищ Виктор, решили отметить это событие, как юбилейное торжество, именно: взяли бутылочку – спутницу веселья и радости; взяли рюкзак, набитый едой, палатками и прочим снаряжением; и, наконец, ведро, обыкновенное десятилитровое, в котором пионеры, некогда, варили свою кашу. Основное, что у нас было большая лодка, не просто лодка, а моторная с новым мотором два бачка с горючим. Да, чуть не забыл...мы захватили с собой и мою пресловутую

мелкокалиберку, и несколько пачек патронов к ней.

Итак, в путь. До свидания родные берега, до скорого свидания; я даже помахал платком, нет, не как девушка любимому на дальних проводах, а по-своему величественно, собравшимся на берегу окрестным зевакам. Лодка наша, подхваченная течением и отливом, быстро передвигалась, и пока мы, то есть Виктор заводил ее, я успел несколько раз выпалить, причем последний раз стрелял что-то около трех километров от места отбытия. Тах, тах, трах, и мотор забрал, толчок, потом еще серия выхлопов и он заработал, заворковал как часы, и наше горделивое суденышко, высунув из воды бушприт, осадив корму, вгрызаясь в мутную воду, рванулось вперед, как добрая скаковая лошадь. Полный вперед. На корме выдавшего виды сеновоза (простите за насмешку) восседал такой опытный рулевой и моторист, как Виктор, что хоть сейчас в море.

Кто не плавал на моторных лодках, тому не понять, какое удовольствие испытывает пассажир, какие прелести окрестного пейзажа волнуют его душу; но в какое уныние впадает он, если мотор глохнет, а весел не оказывается на месте... Вы, пожалуйста, не думайте, весла у нас были, и мотор не глох, но только он почему-то плевался кипятком во все стороны. Оказывается, новая резина не выдержала, все трубки полопались. Я,

добровольно, жертвую носовой платок, затем портянку, - не замерзну, и, как заботливая сестра, закутываю зияющие раны бесподобных трубок. Ремонт производится на ходу. Мало-помалу вода перестает фонтанировать, и я удовлетворяюсь этим.

Мимо проходят острова, бесчисленные шарки; приближалось море. Раза два мы наезжали на мели, но отделявались благополучно, как шаловливые дети у нежных мамочек.

- Куда мы плывем? – спрашиваю я, – Давай-ка пристанем. Согласившись со мной, Виктор поворачивает лодку к берегу, и через несколько минут мы причаливаем. Спрятали лодку в ивовых кустах и сплетениях в укромной заводи, и двинулись в глубь материка. С какой радостью идешь сначала по всем этим непроходимым дебрям, и с каким остервенением возвращаешься назад, после безрезультатных поисков дичи, и не воодушевление охватывает вас, а ярость, если дорога – бурелом и заросли. Разумеется, солнышко не так шпарило наши полу поджаренные спины, как в полдень, иначе мы бы не добрались до становища. Благодаря прохладе тенистых ольховых перелесков – оазисов, среди ивовых произрастаний, мы набирались свежих сил, и шли назад с удвоенной энергией. Наша посуда, приняв на свой борт покорителей дебрей, понесла нас к новым открытиям.

Вечерело. Мы мчались, вглядываясь в берега, с которых порой поднимались стаи уток; мы жаждали удачной охоты. Крутой поворот и лодка понеслась по шарку, речушке, сейчас плавно катившей свои воды, занесенные в верховье приливом. Я сидел на носу и непрерывно измерял глубину. Весло, полвесла, почти весло, треть весла – раздавались мои возгласы, пробуждая тишину. Но вот глубина уменьшилась, и мы причалили к берегу, пропоров днищем несколько метров воды и ила. Лодка застряла, как человек в грязи, потерявший калошу. Я высаживаюсь, ощупывая ногой зыбкую почву (бесстрашие от рождения), но грязь – это уже ни к чему, это уже лишнее. Нельзя проявлять эгоизм к товарищу, надо же как-то набросать веток да палок от берега до лодки и вытащить припасы; неужели всю ночь сидеть, ожидая нового прилива; нет, это уже слишком. Решаюсь. Увы, прощай мой товарищ! Вдруг ноги остановились. Подумаешь, важность, по колено; люди в зыбучих песках гибнут, в болотах то- нут, а тут по колено. Кряхтя, выбираюсь на берег. Боже, какое чучело, какой жалкий вид! но мне некогда заниматься туалетом, надо спешить.

- Ну, что ты там, - раздается с лодки, - копаешься; давай, тащи сучья! Я забежал, как челнок у швейной машинки, и труды мои увенчались успехом. Виктор, выбравшись кое-как по моим мосточкам, присоединяется, и совместными усилиями мы за-

вершаем стройку и перетаскиваем багаж. Вода ушла совсем, Бедная лодка, до свидания, мы тебя привяжем вон за тот сучок, дабы ты нас по утрам не оставила с носом, а сами пойдем в дали дальние на поиски ночлега, отдыха и забвения.

Шли, шли мы и пришли. Ни дать, ни взять избушка на курьих ножках. Только бабы-яги не видно. Остановились, осмотрелись. - Да, тут побывало не мало туземцев, - решаю я, разглядывая богатейший ассортимент бутылок. Пятиминутные споры: кому идти охотится, кому готовить пищу. Жребий на охоту выпал мне; я доволен, а он с кислой физиономией принялся за распаковку провизии.

Я, забросив винтовку через плечо, демонстративно бросаю: часика через два буду, так что поспевай. О, это неопишимо! Приятная свежесть, запах первых листочков, пленяли меня, возбудили во мне чувство радости, разбудили во мне поэта. Я шел, импровизируя, напевая мелодии различных песен; я шел на поиски приключений – они не заставят себя ждать, их можно найти везде, если вами не владеет апатия.

Утки, при моем появлении, улетали, кулики разбегались; сам я тоже бегал с болота на болото, по минутно меняя направление, паля в воздух. Пусть мой приятель думает, что я вернусь с богатой добычей... Интересно, сколько же времени я бегаю, готов ли ужин? Но эти мысли оттеснили на задний план более важные – охотничьи, до того бессмыс-

ленные, что и теперь смешно. Я решил все-таки подстрелить пару уток, но решение – это решение; хотя и было принято мною совершенно серьезно, ибо утки сами на мушку лезли. Не кажи гоп, пока не перепрыгнешь, а я прыгал, лазал, носился; они летали, порхали, но почему-то не хотели служить ужином. Я выбился из сил, не совсем, наполовину, точнее устал, и остановился отдохнуть.

А вот, когда я остановился, то подумал: где это я, где мой бивак, куда идти? Мда, компаса и указателей у меня нет; есть ноги и горло, чутье и уши. Ау! – отвечали мне болота, эге-гей! Отдавалось в потемневшем небе.. Как, уже двенадцать!? Значит, я бежал часа три, не замечая ни времени, ни дороги. А Витя, наверное, уже покушал и спит, ему хорошо, прогадал-то выходит я. Вы знаете, что такое веточка, перекинутая с одного берега на другой; так вот я преодолел дюжину таких веточек, и , пожалуй, мало чем, отличался от Олега Попова вибрированием и шаткостью; но о чудо, всякий раз начинание заканчивалось благополучно. Я продвигался на юг, зная, что где-то там наше становище, где меня ждет вино и чудесная похлебка. Впереди берег сухой речки; ба, да, это никак наша, ибо через сотню другую шагов, вижу лодку. Ура!!! Я дома, то бишь на пути к нему. Вышел правее на километр...подумаешь! - А, это ты, - сказал Виктор, - ну, ну. Он с усмешкой оглядывал меня.

- А, что, разве не похож, - робко возражаю я, радуясь дымящемуся ведру.

- Я было спать собрался, да вот решил еще подождать немного; э-хе-хе, на сон потягивает.

Без лишних разговоров мы принимаемся за еду. Каким восхитительным было это варево из консервированных кабачков, свиной тушенки и картофеля. Выпили по стаканчику, еще покушали. Он рассказал об ожидании, я об охоте; он заявил, что утром пойдет на охоту, а меня, как бездарщину, оставить варить пищу; я согласился; после чего мы отправились спать. Он заботливый парень, он все приготовил, даже постель. Я рухнул, и ушел в небытие.

- Вставай, вставай, вода скоро уйдет. Просыпаюсь.

- А я уже был на охоте, - делится он со мной, - давай завтракать. Я вскакиваю, ополаскиваю лицо и раздуваю угли.

- Я не хочу супу, - заявляет он.

- Хорошо я съем, - отвечаю ему, - довольствуйся хлебом.

- Ну, и обжора же ты, в такое утро... Утро действительно было замечательное; сами знаете: солнце, голубое небо, весна, да что там...

- Давай стрелять, - предлагает он; и мы вдвоем открываем пальбу по бутылкам.* Пьяницы позаботились, аттракцион вышел на славу. Кто лучше стреляет. Бутылки со звоном разлетались, а мы радовались, как дети. Надоело.

- Смотри-ка уже восемь, давай собираться. Мерно покачиваясь, лодка встретила нас бодрых и свежих. Легкое движение бичевой и ее нос ткнулся в берег. До свидания край отдыха, сегодня последний день сезона. Во всяком случае, у людей не будет повода для насмешек.

- Дай-ка, я подстрелю чайку, - шутит Виктор, - или ворону, надо же хоть что-то привезти.

1961

*Бутылки в том краю не собирали и не сдавали. В огородах хозяева рыли ямы и, разбивая бутылки, закапывали их. Так поступили и мы.

КОНСТРУКЦИЯ

Не подумайте, пожалуйста, что речь пойдет о конструкции современного подъемного крана, или детской игрушечной коляски; нет, речь идет о лодке, да, да, самой обыкновенной лодке; но, впрочем, все по порядку.

Один из моих братьев, читая журнал «Знание - сила», с увлечением проштудировал статью, которая с не меньшим увлечением давала советы любителям спокойного плавания в самодельных лодках. Но так как брат мой, никогда не был любителем любого вида плавания (точнее, он не желал трудиться над созданием новой «Ласточки», рекомендуемой журналом), то он решил: отнести статью и свои советы, выводы и доводы по этому поводу другому моему брату, страшно обрадовав последнего. Вот и вся предыстория.

Не буду рассказывать вам о создании этого лайнера в миниатюре, так как сам при сем не присутствовал, только позволю себе заметить, что постройка заняла время всего зимнего периода предшествующего знаменательному событию, спуску на воду. Брат выстроил четырехметровую по длине и почти метровую по ширине, спокойно плывущую по воде - по его словам - из алюминия и брезента, сборно-разборную, почти невесомую лодку.

Наступил день испытаний. Новая, нарядная, в собранном виде, она победоносно спускалась к речке на наших плечах.

Сначала брат катался один, надо сказать: успешно, то есть лодка не утонула, не перевернулась, не зачерпнула воды, хотя болталась, как поплавок на волнах, затем сели двое (то есть он продолжал сидеть, а я подсаживался к нему), отчего лодка стала устойчивее – это по его мнению – я же чувствовал себя почти, как дома; и если бы не его вопли: не двигайся, не дыши, то лучшей прогулки вдоль берега я не знавал ранее.

Мы уверенно подъехали к мосту и посадили для балласта, еще одного человека, мальчишку, который громче всех орал о своей храбрости. Вы не удивляйтесь, их было так много и маленьких и больших, и все так громко кричали и просили, что мы в долгу перед ними не могли остаться. Итак, втроем мы выехали на середину реки. Резкие, победные взмахи веслом – тоже алюминиевым, и наше ликование достигло своего апогея. Мы запели. Пение прерывалось братом, ибо он знал, знал, как испытатель, что даже глотание воздуха на его творении может привести к последствиям. Они пришли незамедлительно.

Минут пять мы перебранивались, стоя по горло в воде, обвиняя друг друга, а перевернутая лодка величественно плыла своим ходом. Ничто не нарушало столь дивной идиллии, разве что хохот окружающих. В руках у брата злополучное весло, в глазах гнев и растерянность. Я заканчиваю импровизированный диалог и бросаюсь догонять лодку. После того, как мы вылезли на берег, он обнаружил пропажу дна, да самого обыкновенного алюминиевого дна, которое, к сожалению, не кре-

пилося ко дну лодки, а просто вставлялось, как мостки у обыкновенных деревянных лодок. Мы естественно не знали, в каком месте реки оно находилось, потому что слишком долго бранились, после того, как перевернулись, а во время перебранки нам и в голову не приходило засечь место «катастрофы».

Поиски были безрезультатными. Что вы думаете, мы пришли домой и сломали лодку? Нет, мы поехали на другой день на залив, конкретнее на Финский залив. Я поехал на обыкновенной лодке, а брат на своей со спиннингом. За лето он наловчился забрасывать блесну, но если бы щука вздумала взять ее, то ему бы оставалось: либо выбрасывать спиннинг, либо выпрыгивать самому; в противном случае «катастрофа»: ни щуки, ни спиннинга. К счастью этого не случилось. И лодка, и спиннинг здравствуют и поныне. Брат любит ловить с берега, или же берет лодку у соседей, так как его детище нуждается в реконструкции. Вы бы хотели посмотреть на этот уникам – пожалуйста. Если желаете покататься – пожалуйста, но по всем этим вопросам обращайтесь к моему брату – конструктору и строителю сборно-разборных лодок.

1961

ДЕЛАТЕЛЬ КАПИТАНОВ (юмореска)

Они зашли ресторан, сели за столик; оба изрядно насыщены зельем, но держатся еще по-человечески. Оба познакомились в процессе обеда или ужина, это не важно, важно то, что один заказав себе четвертые сто грамм, заявил соседу: «Нет, браток, мы не так, мы в Атлантике; сто грамм, ха-ха; кто капитан, ты что ли»? Сосед, бессмысленно мотнув головой, промычал в ответ что-то нечленораздельное.

- Нет, ты подумай, хочешь стать капитаном...да я их делаю; два раза, не бойся, пять раз делаю. На моем корабле полный порядок, где хочешь спроси. Меня все знают; ты будешь капитаном! Сосед молчал.

- Ты понял, капитаном будешь, - Сказав, опрокинул рюмку, услужливо налитую официантом. Сосед встрепенулся, посмотрел на говорившего и кивнул головой. Его тупой взгляд выражал не-то благодарность; не-то страстное желание стать капитаном; не-то полное безразличие ко всему происходящему.

Как это ни странно, он пробубнил: «Спасибо, но сегодня не надо плавать; вот завтра ты дашь мне, понимаешь, завтра я буду капитаном».

Мне некогда было слушать их излияния, я торопился на пароход, впрочем все происходящее за соседним столом не предвещало: удачного плавания тому, кто обещал, имея одну тоненькую нашивку на рукаве, и тому кто хотел плавать, не иначе как капитаном.

1961

ЗАПАСЕНИЕ ДРОВ

Не думай, читатель о том, что рассказ мой будет очень смешон, или очень плох. К сожалению, в нем столько недостатков, что из них можно составить второй подобный первому, но без них; да, что там говорить, лучше начну рассказывать, а посвящения рассказу могут сделать другие.

Помню: приходит ко мне сосед и говорит: «Живешь»?

- Живу, отвечаю, живу, голубчик.
- Вот то-то и видно, что живешь, а что вокруг творится – не видишь.
- Как это, я, да и вдруг не вижу; нет уж, изволь объяснить!?

Оба пускаемся в пространные рассуждения, из которых вытекает, что вижу я чего или нет – это мое дело, а не его; но он, будучи заинтересованным в моей жизни, открывает мне глаза.: на надвигающуюся зиму, на будущие холода и на мою лень. Последствия незамедлительно дали – плоды его успехов, в уговаривании заняться заготовкой дров – себя знать.

Наступило воскресное утро. Я, загруженный, словно верблюд в пустыне, до основания: цинками, пробоями, гвоздями и веревками, и прочим снаряжением отправляюсь в путь, который оказался не так легок, как я предполагал раньше; ибо илистое дно рукава реки или шарка, после отлива

имело сравнительную зыбкость и вязкость, достаточную для такого виртуоза, как я; вследствие чего путешествие вброд отняло у меня все дообеденное время. Словом, если выразаться арифметически, оводы летали вокруг меня со скоростью, сравниваемой разве что с реактивной техникой, ибо моя скорость была подобной черепаший; а если принять во внимание их возрастающую численность вокруг меня, то все укусы, нанесенные ими мне, способен подсчитать лишь электронный аппарат; причем отмахиваться от них было совершенно невозможным делом, так как возможность оставить сапоги на дне не прельщала меня.

Зрелище было плачевным. Я постоянно изменялся в расцветках, пока все мое одеяние и лицо, и руки не приняли тот самый илисто серый цвет, которым щедро одаривала природа при каждом эквилибристическом падении. Солнце доделывало начатое мной, а оно это ловко умеет делать; так что на противоположный берег выползло оригинальное существо. Надо сказать, что путешествие было предпринято мной не ради развлечения, разминки ног, или всеобщей физзарядки; оно было предпринято ради дров, ввиду отсутствия лодки. Да, да самой обыкновенной лодки. Но оставим это. Я шел по зеленой траве меж ивовых кустов, пробираясь к основному руслу реки и никакие печали, никакие заботы не наполняли мое сердце. Вокруг пели птицы. Руки горели желанием работать –

словом жизнь бурлила в полу - обсохшем искусанном субъекте, которого в данный момент представлял – как вы уже догадались – я.

Вот и соседний берег, а вот и бревна, да в таком количестве, правда в сказку влезут и пером опишутся; но, во всяком случае их было вполне достаточно для воображения несметных кубометров, которые я приплавлю с приливом домой. Побродив по берегу и поразмыслив, принимаюсь за работу возле протока - шарка, дабы не тратить время на спуски по течению, затем подъемы против него и тому подобную канитель. Итак, я работаю: скатываю бревна в одно место, чтобы соорудить плот, что оказалось нелегким делом; но зная законы физики, имея в руках чуть ли не Архимедовы рычаги и точки опоры, я успешно справляюсь... Я горел желанием сколотить бревна в двух или трех местах, а затем, пользуясь приливом, подплывать и соединять их в единый монолит, но все мои расчеты потерпели крах, ибо возня с первым плотом отняла все драгоценное время. Последние бревна я сколачивал уже стоя в воде, да именно последние, а не последнее, которое я успел привязать цинкой за один конец, так как течение подхватило все это сооружение (какая удача, что я захватил с берега два шеста и ящик, на котором водрузив собственный монумент, будучи искушенным в плавании, отправляюсь в путь вокруг острова), и поволокло вперед. Но, что такое?! Мне говорили о

судоходности пролива, а он оказался так мелок. Измерив глубину, решаю: лучше плыть с отливом вниз, чем ждать у моря погоды. Отлив не заставил себя ждать, и мое сооружение тронулось в обход острова. Какая жалость, шесты не достают дна; и как назло бревно привязанное одним концом развернулось и стало рулить от берега, что меня мало устраивало. Временами доставая дно двухметровым шестом, выправляю положение, но, увы, временами.

«Эй, малый! Ты шальной, что ли»? – Это кричал с лодки какой-то мужчина – заготовитель – его лодке был привязан солидный плот, - «А ну цепляйся, не то вынесет на середину, и пропал».

Пропасть, конечно бы, не пропал, но чем плохо ехать на буксире. В пролив выехать не удалось, так как сила отлива преодолела весельную.

«Ну, вот, - сказал он, - приехали», и сбросил якорь.

- Утром с приливом поедem, а сейчас шабаш! Шабаш, так шабаш. Я продвигаю плот к берегу, привязываю его, и высаживаюсь на берег, Сосед заночевал в лодке. Темнеет, тучки сгущаются; а я в одном пиджачке, да и то в мокром. Хорошо, что спички оказались сухими; я их всегда беру на всякий случай. Тут я вспомнил, что утром к шести на работу; что с утра ничего не ел; и решил: перейти вброд через пролив, благо отлив. Но не тут-то было. Почва под ногами зыбкая, а

вода такая мокрая и холодная, и плюс к тому не по колено, а по шею; мда неприятно. Плохи твои дела, - думаю, - ну, переплыву, а завтра работаю, послезавтра плота днем с огнем не найти; нет, не пойдет. Скрипя сердцем, добираюсь до своего плота, который уже лежит на берегу и терпеливо ждет утренних вод. Заморосило. Плохи твои дела, путник, разжигай костер. В темноте, на ощупь, собираю сучья, щепки, рву засохшую траву и затем разжигаю весь этот хлам; затем снова рву траву, но уже на подстилку для ночлега и успокаиваюсь на этом.

Простите, успокоился, нет, совсем наоборот. Костер – пожиратель толкает меня на новые поиски горючего материала; и, кроме того, необходимо было наломать веток, чтобы укрыться от уже пронизывающего ветра и мороси. Естественно, к стучу моих зубов примешивался другой стук изнутри. Это мой желудок требует загрузки и работы, а что я ему мог дать? Ясно, ничего. Я беру горящую головню – так легче собирать дрова, иду на поиски. С головней хорошо, по крайней мере, ног не сломаешь, ям кругом видимо-невидимо. Я махал ею, рассыпая искры; своеобразная клоунада буффонада оригинального жанра; поеживаясь от холода, до тех пор пока она горела; а когда она соизволила потухнуть, стал собирать снова на ощупь. Что такое? Руки наткнулись на что-то круглое, твердое с пол- кулака. Картошка, кажется. Поша-

рил, еще нашел, да не одну, несколько. Страсть к открытиям охватила меня...и вот я у костра, засовываю первую добычу в угли, и снова на поиски с новой головней. Минута, другая и все мои карманы набиты этим вторым хлебом. Вот это здорово, вот это удача! – Робинзон нашел пищу. Вы думаете, картошка росла на этой болотине? нет, это пионеры, убиравшие сено, позаботились о страждущем и вопиющем о манне. Сосед не откликался, что ж пусть спит.

Картошка пеклась, дождь моросил, я питался. Что такое соль? и что из нее делают? – я не спрашивал. Вкусно, невкусно – судить могут только голодные, а посею было вкусно и радостно. Так вперемешку с едой и беготней по острову, в известном радиусе вокруг костра, но не дальше, проходила ночь, холодная и полезная для охлаждения любого пыла. Это не беда, что я промок и замерз, зато зима не застанет меня врасплох.

Зашумела вода. Я кричал: Ура! Виват! И даже Банзай!, ибо радовался, как ребенок, которому вручили игрушку. Вода подступала. Сосед в лодке молча снялся с якоря, тронулся в путь и исчез из моего зрения. Я потушил костер и направился к своему плоту, забрался и стал ждать.

Поехали. Плот, то и дело застревая на отмелях, тронулся в путь. Прилив быстро стаскивал его с мелей и тащил вперед. Плот вырвался на просторы. Вот уже шест не достает дна, и меня несет по

воле волн. Сзади раздался стук мотора; вот черти, не заметят меня и конец. Стукнут меня и сами стукнутся. Я закричал, нет – завопил, но не караул!, а чтото другое, бесподобное, но ускользнувшее из памяти с такой быстротой, с какой лодка промчалась мимо меня, едва не задев. Заметили они меня или нет, не знаю, но думаю, нет, ибо проскочили буквально на расстоянии метра, обдав брызгами. Опасность номер один миновала. Какой же я, все-таки умник: всю ночь бегал, а забыл бревно закрепить; всего-то и было развернуть да привязать; ан, нет, оно само развернулось.

Теряю время напрасно – не могу к берегу пристать, да и только. Вот проплыли перед глазами огоньки домов, вот и миновал мой плот весь поселок. Наконец-то сумел, причалил. Короткая передышка. Новый отлив, новое плавание, но уже бревно помогало мне...

Думаю: дальше неинтересно. Я вовремя поспел на работу, а это самое главное; но что мне хочется добавить? А вот что: на следующую ночь я не спал, а кошмарил. Мне снилась зима без дров, плот без меня, я без еды; и тому подобные бевсовские наваждения.

1961

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ТРЕНОЖНИК

Удивительные бывают вещи, но еще более удивительными бывают случаи в жизни и не только людей, но и животных.

Была у нашей семьи маленькая собаченка по кличке «Орлик» - помесь всех дворовых собак и лаек – далеко не благородной породы. Откуда он взялся? Как-то принесли к нам знакомые ребята маленького щенка с отмороженным ухом и большими лапами, такого невзрачного на вид, что мы хотели отказаться от этого дара, но затем все-таки взяли, возможно из жалости – точно не помню. Мать моя в течение месяца поставила, выражаясь фигурально, на ноги этого собачьего заморыша; то есть варила ему кости, давала какие-то снадобья...и щенок мало-помалу стал оправдывать свое щенячье звание, так как мог уже членораздельно тявкать и, виляя хвостом играть. Хотя к этому времени он окончательно лишился одного уха, мы, дети чрезвычайно радовались этой перемене в его жизни.

Прошло несколько времени, и наш одноухий стал превращаться в собаку, но тут-то случилось в его собачьей жизни очередное несчастье: кто-то основательно подбил ему глаз, да так, что бедный

пес окривел, а потом, вероятно перестал этим глазом отчетливо видеть. Итак, теперь он был не только одноухим, но и почти одноглазым; но на этом его превращения не закончились. Однажды, в зимнюю пору, я готовил уроки, вбегают ребята и приносят моего «Орлика», но в каком виде!? Бедный пес по неизвестной нам причине попал под поезд (возле нашего дома проходила железнодорожная ветка), в результате, его сильно помяло, и отхватило у него, по меньшей мере, треть передней лапы. Я превратился в хирурга: обрезал рваные куски кожи и мяса на лапе; промыл обрубок раствором марганцовки и перебинтовал; после чего устроил специальное место для своего неожиданного пациента. Пес в течение целой недели находился в кризисном состоянии: не ел, не пил, только из глаз его, по временам, скатывались слезы. Собаки умеют плакать.

Он лежал в своем уголке так тихо, что можно было подумать, что его усыпили. Но я продолжал борьбу за его жизнь; я занимался обработкой его искалеченной лапы, да делал очередные перевязки. И, наконец, он воспрял духом, и стал есть, и, пряча в сторону глаза, виляя хвостом, время от времени повизгивал, что означало одновременно и боль, и собачью радость. Шли дни. Орлик как будто поправился. Да он и в самом деле поправился. Он стал бегать, и довольно быстро, на трех здоровых лапах.

Лишенный уха, косоглазый, с обрубок вместо ноги он не унывал, а наоборот безудержно носился повсюду, оглашая окрестности звонким лаем. Теперь он получил новую, неофициальную кличку «Треножник».

Отец очень любил его и всегда, когда мы ходили в лес за ягодами или за грибами, или просто так на прогулку, брал его с собой, а пес, в свою очередь, отвечал ему великой привязанностью. Был у нас кот; так вот пес проявил большие способности, подражая ему. Он даже научился прыгать, на высоту более метра, в специальное окошко для кота, которое тому-то едва было в пору, хотя этому пса никто не учил. Вот какой у нас был «Треножник». Он умел ловить крыс и мышей, и пытался выставять себя по ночам настоящим сторожевым псом, хотя его лая никто не боялся.

Он прожил у нас несколько лет, но затем исчез и больше не появлялся. Отец очень огорчился пропаже «Треножника», который, как я уже был его любимцем; но предпринятые нами ребятами меры, по его розыску, были безрезультатными.

1964

УТЯТА

Однажды, в детские годы мы - братья отправились на рыбалку в пойму нашей речушки, впадающей в Финский залив, и как всегда избрали местом ужения Коровий остров – его так называли, потому что коровы свободно переходили на него с берега, не боясь увязнуть в тине или тростнике, который как бы являлся соединительной дорогой.

Солнце склонялось к западу, но было еще совсем светло. Стоял самый светлый месяц июнь, и в нашем распоряжении имелось достаточно времени, чтобы наловить рыбы на уху. Клев в этот вечер был почему-то отвратительным. Рыба наплевательски относилась к своим обязанностям. Стало темнеть, хотя до заката было еще далеко. Это пришедшие с запада тучи, постепенно заполняя горизонт, медленно закрывали солнце. Наконец они совсем поглотили его. Поднялся резкий ветер. В черных тучах сверкнула молния. Ночь не предвещала ничего хорошего. Где-то неподалеку время от времени побрякивала утка.

Мы быстро, общими усилиями соорудили шалаш и натаскали сучьев для костра. Тьма сгущалась. На черном небе, теперь уже, то и дело сверкали молнии; а гром, разрывая воздух, вторгаясь непрошеным гостем на землю, усиливал, до некоторой степени, страх, который уже овладевал нами. Дело в том, что в поселке, где мы жили, хо-

дили слухи о том, что в наших окрестностях появилась четырехметровая баба, отлично плавающая под водой, пожирающая детей и взрослых. Увы, в то время мы не рассуждали, мы только пересказывали страшные бредни друг другу и гадали, а не появится ли баба на нашем острове; вдруг ее костер привлечет. Гроза усиливалась.

Шел проливной непрерывный дождь и струйки его просачивались через крышу нашего строения. Выл бешенный ветер, волны с шумом набрасывались на песчано-каменистый берег и израсходовав энергию, откатываясь, с новой силой налетали на него, обдавая пеной и брызгами. Еще громче, еще тревожнее кричала где-то неподалеку утка, а мы, молча подкладывали остатки сучьев в наш и без того не большой костер.

Вдруг старший брат засуетился и затем сказал, что к нему под рубаху лезет какое-то животное. Через мгновение он вытащил его на белый свет, если свет костра можно принять за него и мы с удивлением разглядывали утенка величиной с детскую ладонь.

- «Смотри-ка ты», - Сказал Славка, - «Утенок! Погреться пришел». Вскоре у нас в шалаше оказался целый выводок утят, и они нисколько не боялись нас, а наоборот залезали в нашу одежду, выбирая места потеплее. По-видимому, их привлекли огонь и тепло идущее от него, а это было основным, что преодолело страх, да и во-вторых

они еще никогда не встречались с человеком, так что смело шли навстречу своей судьбе.

Бедная их мамаша не последовала их примеру – она продолжала кричать где-то в двух-трех метрах от шалаша, но где не было видно. Мы сидели тихо, не шевелясь; сон не овладевал нами; мы боялись раздавить утят; а о бабе, которая мучила нас до полуночи, мы и думать забыли.

Медленно догорал костер. Гроза, отгромыхав над нами, излив на нас по токи воды, откатилась в сторону. В воздухе как будто светлело. Ночь кончалась. Утята зашевелились. Один за другим они покидали свои новые уютные гнезда и, смешно переваливаясь, спешили к своей мамаше, которая наконец-то утихла.

В течение целого лета мы наблюдали за подрастающими утятами, но больше на такие визиты они не осмеливались.

1964

КРОЛИКИ

Бич Австралии, так зовут их сотни австралийских фермеров. Когда-то их предки привезли туда этих грызунов, и с тех пор они расплодились так сильно, что стали вредителями сельского хозяйства, куда более худшими, чем суслики в наших южных районах. Разве что саранча превосходит их по части уничтожения зеленого покрова.

Я же тогда, собственно говоря, только что начавший изучать различные школьные науки, находившийся в полном неведении относительно их вредительских склонностей, с большим рвением взялся за кролиководство.

Кролики прельщали меня в те времена, как что-то интересное, новое, забавное; как животные, имеющие такие нежные шкурки; и я бы не подумал тогда о скорой разлуке с ними, как сейчас бы не подумал бы о их разведении.

Я начну не с того момента, когда я только что их приобрел, а с того, Когда пришла пора их уничтожать, выражаясь точнее – забивать на мясо. О, это было достойное зрелище. За много дней предшествовавших этому, я успел парочку этих плодовитых животных подарить своему другу, но его родители, в конце концов, устроили обструкцию, и решили искоренить ошибку своего сына, моими же руками. Откуда им было знать, что я до тех пор не имел счастья в упражнениях по мясозаготовкам; но они, наверное, и не думали об этом, а просто, пригласив меня, однажды, к себе, лаконично объяснив суть дела; попросили аннули-

ровать бесовское стремление этой пары невинных животных к жизни. Конечно, я уже видел, как мой старший брат проделывает эту операцию, да и боязнь прослыть трусом подталкивала меня к соглашению; и я согласившись, сожалея и кляня в душе, попросил таз и прочее снаряжение, а также особое помещение, что и было мне предоставлено. Кошмар, продолжавшийся довольно длительно, наконец, окончился моей победой, и я стал своего рода героем, не только среди мальчишек, но и некоторых взрослых, (А не придете ли вы, заколоть кабана? Брр).

Впрочем, я не собирался сводить свой рассказ к заготовкам мяса, что в Впоследствии было; нет, кролики меня привлекали ни этим, и даже ни шкурками, за которые мне естественно платили; они привлекали меня сначала своей кротостью и безобидностью. Сначала у меня была одна пара, затем, как водится, они стали размножаться, и я ревниво следил за увеличением их количества, настолько ревниво, что однажды чуть не пришиб какую-то собаченку, загрызшую одного из потомков этих не исчезающих «могикан». Я щедро делился потомством с товарищами и приобретал взамен иные породы, так что у меня были и ангорские, и пуховые, и серые, и белые, и разноцветные, и, конечно же, крупные мясные.

Простите за столь мало серьезную квалификацию, Впрочем, какое дело мне было до этого!? Вам, конечно, небезынтересно узнать, что же я с ни-ми делал, когда их стало у меня превеликое множество; о, я раздавал их налево и направо, были

бы желающие, я относил их в уголок живой природы, который находился в школе, я отдавал их для анатомических занятий, которые проводились на уроках зоологии, где, кроме устройства их, окончательно познакомился с их бичом – печеночным сосальщиком, отчего многие из них преждевременно погибали. Я всюду пишу о себе. Это верно и неверно. Дело в том, что затея кролиководства моя, и далее, после того как два брата покинули отчий дом, я остался единственным хранителем своей затеи, так как младший брат чувствовал к ней неприязнь. Можно добавить, что я являлся и забойщиком, и шкурковыдельщиком, хотя впоследствии это меня стало тяготить. Но вернемся еще к тем временам, когда мы – все три брата, за исключением старшего, с утра до ночи собирали траву для прожорливых грызунов, и в весьма большом количестве. Какая это была радость!?

Несколько мешков свежей травы, что усердно заготавливались нами, они уничтожали с большей скоростью, чем можно было от них ожидать. Кроме травы, они поедали сухие хлебные корки, картофельную шелуху и прочие отбросы, угрожая при этом «съесть и нас». Забавы было, хоть отбавляй.

Летом я занимался заготовкой рогатин, на которых зимой и распяливал кроличьи шкурки, а затем, после выделки, сдавал приезжему скупщику по дешевке. Кроме того, из кроличьих шкурок я пытался мастерить подобие рукавиц, а однажды с использованием сгоревшей электролампочки смастерил деда-мороза, который, как уверяли меня, вы-

глядел даже лучше фабричного, так как выгодно отличался от готового изделия роскошной шубой.

Естественно, в трудное для семьи время, кролики были неплохой поддержкой, но потом все более и более вставали в тягость, требуя новых помещений и съедая за день больше корма нежели корова.. В последнее время, когда мы жили в двухэтажном доме, я занимался кролиководством на чердаке, где им было весьма привольно. Чердак, засыпанный толстым слоем шлака, превратился в настоящий кроличий городок, ибо они наделали в нем столько нор и ходов, что сосчитать было невозможно, как, впрочем, трудно было определить число крольчат. Между взрослыми кроликами происходили частые драки в борьбе за место, сопровождавшиеся резкими повизгиваниями и высокими прыжками. Зачастую драки были весьма жестокими – клочья шерсти летели во все стороны. В основном (по моим наблюдениям), дрались самки, и мне часто приходилось их разгонять. Незадолго до окончания школы я полностью ликвидировал это хозяйство, потому что оно убивало теперь уже все мое свободное время, которым я был так ограничен.

1964

АФРИКАНЕЦ

Он прилетал к нам и садился на верхнюю, открытую круглый год, веранду, склевывал подкинутые зерна, но не давался в руки; от железнодорожного моста, который избрал местом своего жилища. Был июнь. Откуда он прилетел в наш поселок? Почему избрал местом отдыха мост, по которому то и дело гроыхали составы, никто не знал. Нам оставалось только предполагать, что с самого своего рождения этот потомок своих селекционированных предков – голубей жил на железной дороге и боялся паровоза меньше, чем кого бы то ни было. Вполне возможно, что он заблудился, ибо во всей нашей округе, за исключением сизых полудиких, лесных голубей, иных не водилось, да и никто ими не занимался.

Мы – братья, обсуждавшие участившиеся появления мимолетного гостя, почему-то решили, что ему год от силы, и его предки значатся «Африканцами». Голубь был исключительной красоты. Правильные линии его тела отлично гармонировали с белоснежной окраской оперения, которое переходило на шее в розовый оттенок. Прекрасную маленькую белую головку, венчавшую стройное тело украшали: ярко-красный клюв и красноватые глаза-бусинки. Лапки его также как и клюв были красными. Размерами он уступал сизым, но только

по толщине, что делало его особенно привлекательным.

С каждым днем голубь становился смелее: он постепенно переставал дичиться, и подпускал нас на близкое расстояние, причем уже не отлетал как раньше, а только отпрыгивал, искоса поглядывая и недовольно бурча. Но стоило нам отойти от высыпанных зерен (мы кормили его пшеном, рисом, ячмой и так далее), как он подскакивал и, неторопливо поклевывая, издавал время от времени непонятные гортанные звуки, похожие и на курлыкание, и на клокотание, и вообще ни на что не похожие.

Через две-три недели он почувствовал себя полновластным хозяином всей верхней веранды и переселился к нам. Сначала он только склевывал высыпанные ему зерна, но далее требовал, чтобы ему их высыпали, и более того, кормили прямо из рук. Если же в руках наших таковых не оказывалось, он выражал громкое негодование: шумно хлопал крыльями, бегал с места на место и, временами, «кричал». Наевшись, голубь с презрением, рассматривал вечно суетившихся вокруг него, воришек – воробьев, но во время трапезы, нет, да и наказывал подвернувшегося нахала.

Лето шло к исходу, и нашему голубю пришлось переселиться в нижнюю закрытую веранду, из которой он мог свободно вылетать, в любое время, через маленькое окошко в дверях (этот же

ход устраивал нашего кота и нашу собаку), и возвращаться обратно. Собственно говоря, он, с нашей легкой руки, занимал всю квартиру и кочевал из комнаты в комнату либо на плече, либо на руке любого из нас, но спать мы его выгоняли на веранду, где было устроено что-то вроде насеста.

Единственным, кого он опасался, был наш кот, который давно «лелеял мечту» полакомиться голубятиной. Так оно и вышло. Младший брат однажды высыпал зерна на пол веранды, а не в кормушку у насеста...и голубь, принявшийся за очередной обед, был схвачен, давно поджидавшим такого случая, котом. Коту, оставившему от голубя только пух да перья досталась от меня хорошая взбучка, после которой он боялся показываться мне на глаза, но все же, как голубя было не жалко, с утратой пришлось смириться.

1964

ПРОКАЗНИЦА

Случилось так, что к нам в дом попала синица, и прожила у нас долгую зиму. Попала она к нам исключительно интересным путем.

Мой брат, усердно забавляясь ловушками для мышей, в которые те норовили не попадаться, принес однажды свою мышеловку с синицей, попавшейся на «удочку». Плутовка хотела стянуть кусочек колбасы, но вместо этого попала в западню, где ее слегка и пришибло. Синице, быстро оправившейся от ушиба, по всей вероятности, понравилась наша семья, и она не пожелала покинуть нас, оставшись, таким образом, семейным развлечением и вполне желательным нахлебником. Выбрав для спанья постельное место – верх шкафа, она целыми днями бездельничала; склонив головку набок, рассматривала всякого, кто бы не появлялся в комнате; время от времени вылетала в форточку на окне, которую специально для нее открывали и закрывали, - причем она стучала клювом в обоих случаях, но неизменно возвращалась и довольно быстро. Да и что ей было делать на улице, когда там загуляли морозы, а в комнате тепло, светло и не дует. Обедала она вместе с нами, причем ела и хлебные крошки, и масло, и колбасу, проявляя изредка нахальство, за что мать моя наказывала ее; то есть запирала в вентиляционное устройство с решеткой снаружи, а потом выпускала, и синица (насколько я помню), не возражала против этой меры. Весной она, вылетая, стала где-то задерживаться и подолгу не возвращалась, потом и совсем покинула нас.

СОКОЛ

Как-то весной, в городе, проходящий мимо человек отдал нам сокола, настоящего живого сокола, которого, как он сказал, подбили мальчишки. В самом деле у птицы было перебито крыло и ранена одна из лап. Мы с радостью схватили сокола, а он, конечно, с радостью отдал нам его, и понесли домой. По дороге он норовил клевать наши руки, злобно куркал, вращая головой, и царапался здоровой лапой. Дома для него была устроена клетка, в которой он и жил до полного выздоровления. Сокол быстро привык к нам и, легко даваясь в руки, проходил курс лечения, которым, как и во всех случаях, занималась моя мать.

Питался он мясом, колбасой и иногда мышами, если нам удавалось их поймать. Сокол был довольно крупным, но весьма спокойного нрава. Обычно, наевшись, он не трогал мышь, а великодушно взирал на нее, позволяя ей бегать по всей клетке, а ночью, или когда никто не видел, расправлялся с нею, не оставляя ни малейшего намека на пребывание временной гостьи. Прожил он у нас сравнительно мало. В середине лета, выпущенный из клетки на волю, он поселился на крыше нашего дома, где в основном и сидел, так как ему трудно было летать, но затем, мало-помалу увеличивая радиус своих полетов, отбивался от рук, хотя и признал наш дом своим. Осенью он стал улетать на длительное время и пропадать по два-три дня, а затем, с наступлением холодов, навсегда прощался с нами.

1964

КАМБЕРРА

Камберра – это английский бомбардировщик-истребитель, но мой рассказ пойдет не о нем. Она носилась вокруг палаток, как угорелая, досаждая всем своим бесконечным навязыванием столь же бесконечной игры. Ей было может быть полтора, а может быть и два месяца, но красотой она особенно не отличалась. Она была какая-то камуфлированная, но, несмотря на свою серую с желто непонятными пятнами окраску, довольно агрессивная, за что и получила кличку «Камберра».

Стояло жаркое сухое лето. Вокруг наших палаток лежала безграничная степь, только чуть поодаль была небольшая группа домов, где проживали кадровые офицеры с женами и детьми. Где-то севернее урчали двигатели бомбардировщиков, на которых мы проходили переподготовку. И так, мы жили в палатках, и единственным нашим развлечением, до откуда-то взявшегося котенка, были книги да мухи в невероятном количестве.

Котенок, впоследствии обещавший сделаться кошкой, внес какое-то разнообразие в нашу жизнь, так как им забавлялась вся наша эскадрилья, и даже наши старики, так звали тех, кому было больше тридцати лет, не уступали нам. Если Камберра была в палатке, а кто-то, предположим хотел спать, то этот номер не проходил, потому что будущую кошечку очень привлекали волосы.

Но однажды, о чудо, ее перестали занимать такие, как мы – она обратила свое внимание на новый движущийся предмет небольших размеров, но, к сожалению, слишком колючий; отчего она, гоняясь за ним, непрерывно мяукала. Наши шутники где-

то изловили маленького ежа, ростом подстать котенку. Все новое и неизвестное привлекает к себе, так это и случилось с Камберрой. Но ежонок не высказывал такого же желания играть, как она. Он прекрасно питался подносимыми нами угощениями, прекрасно дремал в разных углах палатки, в которой изволил проживать, или занимался своими делами под какой-нибудь из кроватей; словом нашего котенка ни во что не ставил.

Но она не унималась. Камберра видела в нем и собрата, и друга, и, конечно же, врага, с которым надо вести борьбу за приоритет. Она пыталась, правда, уже с предосторожностями, царапнуть его за мордочку; но когда последнему эти нападения становились в тягость, то он успевал в свою очередь дать сдачи за причиненную ему обиду. Бедная Камберра, укушенная им за хвост, с отчаянным мяуканьем отступала от своей «жертвы». В конце концов, пришлось ей смириться с тем, что кроме нее власть в палаточном городке принадлежит еще кое-кому. С тех пор характер ее стал меняться, но кличка оставалась прежней. Что из нее вышло в дальнейшем, не ведаю, так как мы вскоре закончили переподготовку и уехали; и хотя кто-то из ребят грозился увезти ее с собой, по окончанию полетов – это вряд ли было сделано. А что касается ежика, то мы его отпустили в родные степи. Пусть живет и ловит мышей.

1964

ДРУЗЬЯ

(Посвящается моей матери)

Давным-давно это было. На Кавказе, в Дагестане, в одном из городов жила-была девушка – дочь единственного врача – женщины. А так как эта женщина была единственным врачом, то к ней ходили не только лечиться, но и приводили, и приносили различных животных (тоже на лечение), часть которых (преимущественно собаки и кошки), по выздоровлению оставались при ее доме.

Таким образом, дочь ее, уже восемнадцатилетняя девушка, поскольку при доме оставалось много собак, могла, безо всякого для себя опасения, выходить из дому в любое время суток. Свора, вполне надежных друзей и охранников, сопровождала ее по местам излюбленных прогулок, да и вообще повсюду, куда бы она ни шла, так что она была этим, более чем довольна; ибо, я повторяю, дело было в Дагестане, а время весьма смутным и тревожным, не только для Кавказа, но и вообще для всей России.

Насилие, грабеж и резня в то время, особенно, процветали на Кавказе, так что и мать и дочь были довольны, тем обстоятельством, что этой своры побаивались очень и очень многие. Правда, девушка эта (теперь, уже, она бабушка), отличалась тогда тоже большой храбростью. Так, например, она смело проходила через целое стадо быков, на

что не каждый бы решился; или сумела дать отпор одному из кавказцев, посягнувшему было на ее честь. Она, будучи не кавказкой, а только приезжей туда с матерью на временное жительство, носила, и вполне благоразумно, небольшой кинжал; так вот этого-то кинжала испугался пристававший к ней, ибо понял что тут шутки не будет. Во всяком случае, нрав этой девушки испытали на себе ее братья, которым иногда в детстве доставалось от нее на орехи.

Когда она была совсем маленькой, ее родители, жившие тогда в России, держали при доме дога, так что знакомство ее с собаками состоялось, можно сказать, прямо в колыбели. Дог этот как бы являлся сторожем при ней, и однажды задержал какую-то нищенку, пытавшуюся украсть одеяло прямо из ее кровати, стоявшей во дворе. Но пришлось ей уйти ни с чем, ибо дог попросту держал ее до прибытия матери.

Однажды, мы переносимся снова на Кавказ, произошел в их городе удивительный случай. По городу, на хорошем скакуне, мчался оборванный, но хорошо вооруженный горец, а за ним следом, еще быстрее, собака - кавказская овчарка. Она несколько раз настигала их и прыгала на круп лошади, пытаясь схватить и скинуть этого довольно-таки хладнокровного человека, ибо он отражал все ее атаки кинжалом, который держал в руке. Исход боя был бы решен, конечно, в пользу овчарки, в

том никто не сомневался, но у горца было преимущество в виде крепкого коня, который нес его, подгоняемый страхом, все быстрее и быстрее. В общем, горцу удалось ускакать, а собака, получившая несколько кинжальных ран выдохнувшись окончательно, упала прямо на дороге. Ни горца, ни этой собаки никто не признал, так что она опять-таки попала в руки наших знакомых, а вылечившись осталась при доме. Впоследствии возглавив всю свору этих животных, которые были и надежными друзьями и врагами всякого, кто посягал на спокойствие и порядок.

1964

МУКК

В детстве мне очень много приходилось возиться с животными, и особенно с собаками, но достигнув довольно определенного возраста, я все еще с удовольствием играю с резвыми щенятами, и они доставляют мне немало радости. Да и вообще собаки не столь плохи, сколь плохо у них прозвище, за исключением, конечно, шавок; домашних болонок; собачонок, стяжающих «славу», а в основном дающих заработок, цирковым артистам; и различного рода дворовых псов, непрерывно тьявкающих из-под подворотни, или хватаящих вас за ноги. Эти последние – сушая находка для людей привыкших окружать свои терема – хоромы высокими заборами, дабы чей посторонний глаз (упаси бог), не сглазил то, чего «трусами» накоплено.

Конечно, не плохо иметь хорошую собаку, и я бы сказал, что это даже интересно и увлекательно. К числу лучших я отношу, например, следующие породы: овчарки, лайки, доги, ездовые и, конечно же, целый ряд охотничьих. Они умнее вышеперечисленных шавок, и не за кусок сахара или хозяйскую ласку помогают человеку во многих его делах. Собачьи выставки привлекают к себе большое внимание, но далеко не всем ясно, что медали на их груди, не просто побрякушки, а награды, вполне законченные и выданные за подлинное собачье благородство.

Охотник берет с собой собаку, потому что она поможет ему, как можно успешнее, справиться с задачей; пограничник берет с собой овчарку, твердо зная, что она поможет ему задержать врага; житель тундры берет с собой целую собачью упряжку, потому что они помогут ему на трудном пути и доставят к месту назначения. Можно приводить и приводить десятки примеров, но я ограничусь общими высказываниями и, пожалуй, замечу, что выбор в области собаководства – дело вкуса и устремлений выбирающего.

Будучи курсантом, живя в аэродромной казарме, я имел удовольствие достать какого-то щенка – они все забавны, чем и привел в ярость своих командиров. И, несмотря на то, что к щенку многие привыкли, и он прожил у нас четыре дня, пришлось его отдать солдатам обслуживающим радиопеленгатор; там-то до него никто не доберется.

Вообще, в мою курсантскую бытность, у нас то и дело появлялись собаки и доставляли они, скажу я вам, немало хлопот иному начальнику. Особенно помню одну из них, которая жила где-то под крыльцом казармы и ластилась к каждому: будь то курсант или офицер, но стило ей только завидеть нашего ротного, то начиналось непрерывное облаивание: сначала она его, а затем уже он нас, уж очень была сильна их взаимная неприязнь.

Но все это в прошлом. А вот, сравнительно, недавно, брат мой достал из заповедника, близ Ленинграда, где жил и работал Павлов (академик и физиолог), хорошую, хотя и небольшую, двухгодовалую собачонку. Эту услугу ему оказал его друг – работник института, тоже физиолог, имевший своего личного боксера – суку, которая давала ему не только солидные приплоды, но и дополнительную возможность в расходовании своих средств.

Итак, он достал брату собаку, а брат сначала, поблагодаривший его, держал приобретенного фокстерьера (да еще в придачу и грубошерстного), у себя, то есть поил, кормил, как подобает, и чрезвычайно хвастался им, так как пес имел солидную родословную и серебряную медаль. Этой медали мне, к сожалению, увидеть не удалось, потому что ею до хвастались и потеряли; но в документах она значилась; впрочем и документов я тоже не видел, но могу сказать, что пес заслуживал не только медали, но и всяческих похвал. В дальнейшем, брат отвез своего подопечного к матушке, сказав, что дескать ему не хватает времени, что у него кроме пса на шее мотоцикл, а то и другое, если вместе – излишество для него.

Ну, мать, конечно, взяла собаку, и с тех пор фокстерьер стал жить у нее. Звали пса довольно оригинально: «Мукк». Все это я узнал и обнаружил по приезду в отпуск...и не по рассказам потерпевших; а прежде всего сам испытал на себе

его нрав, то есть подвергся, по прибытию, яростному нападению собаки, которая ни за что не хотела впускать меня в дом, и, между прочим, несмотря на маленькие размеры, показывала весьма солидную пасть со столь же солидными зубами.

В дальнейшем наше знакомство состоялось, и он, признав во мне хозяина, слушался меня более, чем кого либо. Я знал, что с этим псом надо ходить на охоту, и что с ним в бытность ходили за водоплавающими, но, увы, сезон был не охотничьим, да и я не был охотником, и ни черта в этом не смыслил, так что ему приходилось время от времени рычать на уток, что мирно плавали в речке, да и на окрестных собак, с которыми он не водился. Учить его ничему не надо было, ибо он брал барьеры, залезал на заборы, давал любую из четырех лап и так далее – словом был ученым и воспитанным псом. Он органически не терпел воробьев и всячески облаивал их, если они осмеливались прилетать. Но, не смотря на свою ученость, он превосходно играл со взрослыми и детьми, и очень при этом ласкался, отчего следовало беречь лицо, так как собачьи поцелуи несколько отличаются от человеческих. Чему я его научил? Катанию на велосипеде, то есть катался я, не держась за руль, а он, привязанный поводком к рулю обычно летел рядом, не нарушая равновесия, так как мне надо было еще крутить педали. Наше циркачество вызывало всеобщее удивление. Но теперь о самом главном.

Стоило ему только завидеть воду, как он начинал метаться во все стороны, но не прыгал без разрешения. Но если я бросал что-нибудь в воду, то он мгновенно срывался с места, и вскоре этот предмет лежал у моих ног, если я не брал его из его пасти. Но если ему приказывали нести, то он нес в зубах все что угодно: будь-то газета, хлеб, или обыкновенный поводок, до особой команды. Я всегда был большим любителем плавания, но особенно ныряния, а в этом он усматривал посягательство на свое водное призвание, и если я или кто-нибудь прыгал в воду, то он совершал тоже самое, и в воде громко рыча, стремился схватить плывущего за руку и тащить к берегу.

Эта игра в воде была не совсем приятной, потому что кто ему попадался, тот страдал от его лап или пасти. Некоторые моменты его прыжков запечатлены любителями фотографии, и у меня есть такие снимки.

Но посмотрели бы вы, сколько радости проявлял пес, если «спасенный» им выходил на берег. Вокруг «спасенного» поднимался настоящий тартора-рам.

Отпуск мой истек, и, я уехал, а Мукка впоследствии снова забрал брат для каких-то нужд, а затем он исчез и совершенно бесследно, но я надеюсь, что он попал в хорошие руки и с успехом помогает в охоте.

1964

ПРИВИДЕНИЕ

(из соликамских воспоминаний времен 1942- 1943 годов)

Как-то раз, поднимаясь по лестнице на второй этаж, одна из немногочисленных обитательниц нашего дома увидела самое настоящее, по ее словам, привидение. Оно спускалось по лестнице ей навстречу, вследствие чего (дальнейшего описания естественно не последовало), она испугалась завопив о спасении самое себя, в два прыжка преодолев лестничный пролет, очутилась на улице. Какое оно по виду, что из себя представляет бедная женщина ничего не могла сказать; ибо отделившись от испуга она все-таки поднялась на второй этаж, но злополучное привидение больше, ей на глаза, не показывалось.

Многие жители нашего дома посмеялись над ней, над ее суеверием; но она решительно отстаивала свое, заявляя во всеуслышание: ни в бога, ни в черта не верю, но привидение видела, хоть убейте!

Прошло два или три дня... Одна из сердобольных старушек, накачавшись до основания сплетнями о своих соседях, решила зайти наверх к своей подружке – тоже любительнице почесать языком, поведать ей о своих горестях, да по возможности уколоть и ее, уж так на свете повелось.

Она предвкушала свое торжество, а потому с величайшей бодростью двинулась преодолевать ступеньки...как вдруг оно «привидение».

«Ведьма! Ведьма!», - завопила старуха, - «Ведьма! Сгинь проклятая!»

Как очумелая она влетела в свою квартиру и заперлась. Передряга надолго отшибла ее память.

Позднее дня через два она рассказывала: «Иду я значить наверх, а оно мне навстречу... глаза яркие – один синий, другой – зеленый, в груди огонь горить, смола кипить, на плече коса блестить, сама в тухлях и платье венчальном. Только я наверх, она тут как тут, да и говорить мне: «Стой, я нечистая сила!» - Я так испугалась, так испугалась, сами знаете, дохтора звали...

На дворе стоял март. На чердаках и лестницах дрались коты, Старуха верила в бога. Окружающие посчитали ее рассказы за бредни, которые бреднями и были, но только наполовину.

В третий раз «привидение» явилось женщине, развешивающей белье на чердаке. Оно, по ее словам, подкралось сзади и замяукало, потом громко завыло. Бедная женщина едва разглядела перед собой что-то белое. Пусть простят меня слушатели или читатели, все действия происходили вечером либо при свете фонаря, либо без него. Из груди этого белого существа вырывался тусклый огонек. Она бросила тазик с бельем и опрометью бросилась к лестнице. В доме поднялся страшный

шум. Она подняла на ноги почти всех мужчин. Естественно мужики побродили, побродили по чердаку, заглянули во все укромные уголки, проклиная трусость женщины, приписывая ее сказкам двух первых, ушли; но только после этого вся наша улица знала о ведьме, которая дышит огнем, и не дает по ночам суеверным спать.

Ведьма больше не появлялась.

- «Март кончился,- смеялись мужики, - кошачьи свадьбы кончились». Но они глубоко ошибались. Это некий паренек, побоялся последнего переполоха, и решил прекратить свою глупую затею. Всею виною был череп, самый настоящий человеческий череп, стоявший у его матери в шкафу. Как он туда попал? Неважно, важно другое. Молодой человек, вернее мальчишка в тайне ото всех, решил попугать соседей. Он привязывал череп к голове, предварительно накидывая на себя обыкновенную белую простыню, после чего брал в зубы кусочек горящего уголька. Убедившись в том, что на лестнице никого нет (он жил на втором этаже), он выскакивал из квартиры; после чего ожидал появления какой-либо женщины. Правда косы у него не было, не было и разноцветных глаз и туфель, как утверждала старуха, да и говорить он не говорил, так как боялся, что узнают по голосу. А на чердаке он испугал женщину с помощью кота, которого дергал за хвост.

Вот и вся история. Славная, а?

1962

МОЛОДОСТЬ

(автобиографическая повесть)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОДРОСТКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДЕТСТВО

Когда я был еще совсем маленьким, отец мой водил меня с собой на прогулки в свободное время, а старший брат мой Вячеслав (ему было семь лет), шествуя со мной в детсад, объяснял многие, еще не понятные для меня вещи. Насколько он хорошо объяснял, я не помню, ибо не помню то, о чем спрашивал его. Но время шло, и я рос вместе со временем и сверстниками. Уральские горы, баловство, злая коза чуть-чуть не посадившая меня на рога – остатки воспоминаний о дошкольном возрасте. Шестилетним мальчишкой я совершил переезд из Свердловска в Ленинград, а затем на Карельский перешеек в Кегсгольм.

Отец был большим любителем лесных прогулок, где мы, братья, обычно сопровождающие его, собирали ягоды, грибы, баловались до позднего вечера.

Наступил сорок первый год. Тогда я впервые слышал слово война, увидел немецкие самолеты, разрушенные дома пожарища. Отец с первого дня войны ушел в истребительный батальон, а затем в действующую армию, а вся наша семья поехала в эвакуацию на Урал. Я хорошо помню первые дни войны, когда мы - дети строили щели, в которых отсиживались во время бомбежек. Я видел эти черные кресты на крыльях над нашим домом и летчика, разглядывающего нас сверху. До сих пор мне не ясно, почему он не стрелял – возможно он удирал; возможно, все-таки был человеком; но скорее всего занимался разведкой, но я отвлекся.

Мы эвакуировались на барже, обтянутой сверху синей бумагой под цвет воды. В последний момент самолеты бомбили наш поселок, и как нам показалось: бомбы попали в наш дом. Впоследствии мы узнали, что сгорел соседний дом, - бомба попала в него.

Итак, мы плыли на барже, затем на пароходе, любуясь берегами, покупая провизию на остановках; справляя дни рождения детей, в том числе и мое, оплакивая ушедших на фронт. Я говорю мы, потому что нас было детей, матерей и стариков великое множество, и все ехали в тыл, вглубь страны, спасаясь от вторгшихся в нашу землю немецких и финских войск. Месяц плавания по Мариинской системе, стоянок в Рыбинском водохра-

нилище и передвижения по Каме, и мы в Соликамске – городе калийных солей.

Первые месяцы войны жизнь была довольно сносной, ибо продуктов было больше, да и местные жители снабжали, правда за хорошую, даже слишком хорошую мзду, провиантом; но затем она стала трудней – сказывался большой наплыв беженцев и дороговизна. Старший брат мой ходил в седьмой класс, другой брат во второй, а мы с младшим зиму сорок первого года провели дома. Для меня эта зима была особенно тяжелой, так как старший брат Владимир решил меня научить читать и писать – в нем видите - ли проявились педагогические задатки. Уходя в школу, он давал мне букварь, и задавал читать по несколько страниц в день. Я не знал, многих букв, а поэтому часто обращался к Славе помочь мне или к соседям. Приходя из школы, Владимир спрашивал меня, и, если я плохо отвечал, то начинал считать тумаки, которыми он щедро меня награждал; но так или иначе я через месяц читал.

Мать моя работала в школе преподавателем, а потом на заводе. Семье приходилось очень трудно. Я до сих пор помню невероятные цены на хлеб, картошку. Мать продавала все то, что можно было продать, для того чтобы мы – дети могли жить и учиться. Свободного времени у нее не было, вот почему нашим воспитанием занимался Владимир.

Наступила осень сорок второго года. Мать записала меня в школу в первый класс, ибо во второй меня не приняли, несмотря на то, что бегло читал и писал.

Итак, я пошел в школу. Учился прилично, но дисциплина, по мнению моей учительницы, у меня была ужасной. Будучи от природы драчливым и вспыльчивым, я каждый день дрался со сверстниками, которым нравилось меня дразнить. Часто мне давали записки о вызове родителей в школу, но я, боясь порки, рвал их и гулял по улицам до конца уроков. Однажды я вышел из дому, но в школу не пошел. Учительница, молодая, высокая блондинка, мне казалась немкой, и вызывала ненависть к занятиям. Так продолжалось три дня. На третий день, придя со «школы», я заболел. Сами посудите: торчать по пять часов кряду на улице, в подъездах да в магазинах зимой, что-нибудь да значило для восьмилетнего мальчишки. Как раз в это время мать вызвали в школу.

Помню: поздним вечером меня будит Владимир. Он несколько раз бьет меня, а затем говорит: «Завтра с тобой побеседуем, почему ты в школу не ходил».

Завтра я получил, как он выразился по заслугам, хорошую порцию брани и тумачков. Как я ждал тогда отца, который мог бы прекратить все это. Мы с Вячеславом пробовали жаловаться матери, но ей некогда было заниматься нами, а письмо к отцу,

конечно, не могло дойти, так я писал его, не зная адреса. Стоял январь. Жестокие морозы гуляли над поселком Боровском. Снежные вьюги сугробами переметали улицы и дворовые тропы. Мы частенько не ходили в школу, а идти надо было. В школе нам давали по пятьдесят грамм хлеба; а иногда и горячую похлебку из листьев капусты. Даже в январские каникулы мы со Славой брали котелок и мчались за этой похлебкой. Считают, что маленькие плохо разбираются в голодных и сытых, а они это прекрасно понимают, особенно, когда голодны, но выразить этого еще не могут.

Сколько людей грело в то время руки, пролезая в столовые, магазины и базы; сколько людей имело возможность позволить себе обед из трех блюд, а сколько нет – кто знает? Много воды утекло с той поры, когда картофельная шелуха считалась едой. Вместе с братом мы добывали мороженую картошку, и втихомолку на перемене в школе, в темном конце коридора, съедали ее. Наконец учение кончилось.

Благодаря директору нашей школы мне вывели по дисциплине пять, и я, совершенно неожиданно, получил «Похвальную грамоту». Конечно, нельзя сказать, что я плохо учился, ибо довольно бегло читал и быстро считал.

Самое курьезное, пожалуй, было то, что меня прочитавшего до школы «Гиля Уленшпигеля», «Робинзона Крузо», «Черную стрелу» и многое другое

в детском издании, заставляли читать по складам, а я, хоть убей, не мог. Учительница – я теперь таких называю «учительша» – не могла понять того, что ребенок умеет читать и бегло; по ее мнению я должен был целый месяц рисовать палочки и говорить только: ау, как в букваре.

Летом жить стало намного легче. В лесу появились грибы, и мы, трое старших во главе с Владимиром, а потом и все четверо, уходили в лес, возвращаясь домой под вечер с корзинками полными грибов и ягод. С той поры я полюбил лес. Мать моя превосходно готовила разные блюда из собранных грибов, и мы ими питались почти все лето и осень. У нас был посажен небольшой участок картофеля, выделенный на всю семью. Мать и Владимир ухаживали за ней, желая получить хороший урожай. И вот настало время уборки. Вся наша семья вышла в поле. Владимир взялся за первый куст двумя руками, а мать хотела копать...но тут куст без особых на то усилий, вышел из земли. В сказке о репке не было воров; вот почему дедка позвал на помощь всех, кого только мог. У нас сказки не вышло. Картошка исчезла, «Добрые люди» выкопали ее до нас, путем выкапывания и посадки пустых кустов, или путем подкапывания под куст.

С грехом пополам собрали «богатый урожай» – полмешка гороху. Это было тяжелым ударом для всей семьи.

Зима сорок третьего года была такой же суровой и морозной. Иногда морозы достигали 45 - 50 градусов ниже ноля, и мы в такие дни сидели около печки и радовались тому: что в школу можно было не ходить.

Отец, как мог, помогал нам, высылая свою посылку, и часто писал письма. Здесь необходимо оговориться: более полугода от него не было никаких сообщений, мы даже получили «похоронную» – пропал без вести (все это время он лежал в разных госпиталях), но затем получили целую пачку писем. Попав в окружение отец с группой солдат роты связи армии, в течение десяти дней пробирался к своим в Ленинград. Власовцы – позорное имя предателей – представляли не меньшую опасность, чем немцы, вот почему передвижение требовало тщательной маскировки. Шли большей частью по ночам, не имея ни пищи, ни крова. Я не собираюсь описывать подробности величайшего предательства и измены Родине, об этом хорошо известно по рассказам свидетелей, книгам и учебникам. Я просто хочу упомянуть курьезный случай произошедший с отцом (он впоследствии всегда смеялся, когда вспоминал), после прорыва к своим.

К изодранному, заросшему, грязному человеку маленького роста, без знаков отличия, представляющему в то время моего отца, вышел навстречу молоденький, в новой блестящей форме лейтенант –

Кто такой? Что за вид?... Отец от неожиданности не нашелся сразу, но потом спокойно спросил: «А Вы, знаете, с кем разговариваете», - Сугубо по штатски, вместо властного окрика, чтобы унять шумного офицера, - «Вы разговариваете, - продолжал он, - с командиром роты связи армии». Лейтенант умолк.

Затем последовали ранения, контузии, добавленные к прошлым, и как вы знаете, похоронная. Все мы – братья, наверное походили на дистрофиков, так как голодуха очень сильно влияла на детские организмы; но шла война, терпели взрослые, терпели и мы.

Летом было гораздо легче, - недостаток пищи покрывали грибы, ягоды и даже детские игры. Сами представляете, во что мы играли. Война, партизаны, немцы, Красная армия; гораздо меньше в мячик или в пятнашки – вот было основной забавой детей. Лес, около которого находился поселок, всегда привлекал меня к себе. Это была самая настоящая тайга с буреломами, борами, болотами, малинниками и хищными зверьми; но поселок, вернее люди, нарушали его безмятежность. Охотников почти не было, зверь же передвигался с запада на восток по мере приближения фронта, а так как уничтожать его было некому, то он беспрепятственно размножался. Жители (в основном женщины и старики) ходили в лес группами, так как боялись нападения волков или медведей. Мир-

ный медведь становился опасным врагом человека, если зимнюю пору проводил в поисках пищи. Вот их-то, так называемых шатунов, боялись более всего.

Рассказывали, что медведи боятся ударов ведер или обыкновенных резиновых галош друг об друга; и даже слышав подобные шумы убегали, а если звуки бывали особенно громкими, то погибали от неудержимого страха - наступал разрыв сердца. К счастью нам везло – подобных встреч не было.

Хочу коротко упомянуть о том, что в первые годы советской власти на Урал высылались неблагонадежные элементы, которые наряду с местным кулачем, вернее их остатками, питали звериную злобу к нашему строю, к беженцам и вообще ко всему новому, и только страх перед наказанием сдерживал их. Жадные до крайности они выменивали у приезжих, нуждающихся в продовольствии все их ценности; ибо купить не предоставлялось возможным, так как цены были баснословными. Моей матери пришлось продать шелковое платье за ведро картошки, которое стоило до пятисот рублей. Алчность и хищность этих жалких остатков бывшего кулачья не имела предела, ибо даже за воду в колодце, если колодец находился у них во дворе, надо было платить.

Мы, братья, по-прежнему ходили в лес, делая грибные запасы на предстоящую зиму. Однажды, кто-то из нас, увидев белку, принял ее за рысь и

громко воскликнул. Владимиру тоже показалось, что, это рысь, но на самом деле перевоплощение белки в рысь и обратно испугало нас. От страха глаза велики. Так проходили дни.

Как-то в конце августа (точно не помню) идем мы из леса к дому, измазанные черникой до неузнаваемости, и вдруг видим в окне незнакомого человека; нет, где-то я уже ее видел; сердце так и екнуло. Отец!

Отец приехал... Мы бросились домой. Да это был наш отец, живой и невредимый. Он приехал в краткосрочный отпуск. Немолодой, в погонах, слегка щеголеватый в форме с наградами, он выглядел действительно молодыми невредимым, но как оказалось потом: он получил несколько ранений и контузий, после чего у него обострился туберкулезный процесс. Вообще, строго говоря, он уже до войны был хроником – туберкулезником и инвалидом первой группы. Понятно, что этого пером не выразить!

Сейчас он приехал из Румынии, прямо из действующей армии. Будучи инженером-электриком, крупным специалистом по энергетике страны, он был послан правительством на восстановление «Электросилы» в город Ленинград. Необходимо было возродить из пепла, создать новые заводы и энергоустановки, вот почему группу военных инженеров в том числе и отца; по личному распоряжению И. В. Сталина, перевели на мирную рабо-

ту. Отец хотел нас перевезти в Ленинград, но квартира оказалась разрушенной. Эта квартира принадлежала раньше моему деду.

Все же через месяц, другой мы уехали из Соликамска под Выборг, так как отец вообще отказывался от любой, в том числе и шикарной, ленинградской квартиры, ибо ему были нужны воздух и сосны Карельского перешейка; правда, жить ему приходилось, в силу необходимости, у родной сестры, рядом с заводом.

Война еще полыхала, заводы еще начинали восстанавливать, а проблема обучения детей назревала все больше и больше. Почему проблема? Да потому что не было школ и учителей. Оставив работу на заводе, моя мать организовывает начальную школу, где и работает и директором, и учителем вторых и четвертых классов одновременно. Я, будучи учеником третьего класса, занимался у полуграмотной женщины, интересующейся своей кашей на уроках гораздо больше, чем учениками. Ее сын, мой соученик, представляя из себя маленького зубрилу, выглядел на уроках глупеньким страдальцем, особенно после того, как выяснилось, что мать заставляла его предварительно учить диктанты, которыми пичкала наши детские умы в последующие дни. К счастью эта учительница работала менее одного года, не-то бы мы доучились.

Война оставила следы на изуродованной земле. Доты, дзоты, блиндажи – линии Маннергейма, око-

пы, воронки, надолбы, рвы заполненные водой, развалины домов и железнодорожных мостов украшали пейзаж Карельского перешейка, только в воображении мальчишек – искателей приключений. Недостатка в приключениях не было. Слишком много гранат, снарядов и мин, ящиков с толлом, патронов, винтовок и прочего мелкого снаряжения попадало в детские руки, что кончалось обычно трагически.

Лично я был большим любителем вскрывать мины и гранаты, но мне, к счастью, везло. Финны не только чудесные лыжники, они замечательные мастера – кустари по производству изделий из дерева. Их лыжи из карельской березы получили всеобщее признание, а финские сани (сани с металлическими полозьями и сиденьем впереди), исключительно легкие, клееные, без единого гвоздя и шурупа, вызывали восхищение не только детей, но и взрослых. Особенно было хорошо кататься на них по льду Финского залива.

Детство мое окончилось вместе с окончанием войны. Я вступил в отрочество – самое шальное и безумное время возраста.

ГЛАВА ВТОРАЯ ОТРОЧЕСТВО

Еще задолго до переезда в Приозерск (бывший Кексгольм), я, как и все мальчишки, пропадал у военных. Какие только части ни стояли у нас: были и зенитчики, и связисты, и медики; но особенно я любил рыбаков, вернее военный отряд, снабжающий рыбой армию. Помню: у них был громадный невод со стеклянными поплавками, которым они вытягивали великое множество рыбы, в основном леща и судака; щуку величиной в два метра, зеленую, замшелую (как она в невод угораздила), которую увезли в Выборг; противень с яичницей из утиных и гусиных яиц, которою я, без зазрения совести, обедался.

Жили мы в поселке, в финской кирке, в квартире предназначенной духовному лицу, но церковного там ничего не было, разве что один крест выдолбленный в штукатурке на внешней стене здания. Финны не успели ее достроить, так как наша армия заставила их покинуть Карельский Перешеек. Они думали навечно обосноваться, но эта вечность, как и всякая, оказалась мифом.

Сначала зал кирки был оборудован под казарму, но потом, после ухода резервистов, в нем прочно обосновались мы, дети с велосипедом без шин, и катались на ободах, производя оглушительный шум. Время от времени зал превращался в кино-

зал, где крутил старые, затертые картины, вечно пьяный приезжий киномеханик.

Не могу не вспомнить междоусобицы между пехотинцами и зенитчиками, претендующими на зал место ночлега. Апогей достиг вершины, когда зенитчики подкатили орудие и навели на окованные двери кирки, за которой укрылись пехотинцы. Приехавшее командование вовремя отвратило генеральную потасовку с применением снарядов внушительного калибра. Эта выдавшая виды кирка ныне является заводским спортзалом, но мало кто знает ее историю.

Осенью 1945 года демобилизуется отец, и мы перебазировуемся в Приозерск. Жизнь резко улучшилась, ибо семья получала не только по карточкам, но и по «литеру» отца, а это было не так уж мало. Старший брат мой в то время поступает в техникум и уезжает в Ленинград, а мы трое остаемся дома. Будучи учеником пятого класса, я заболел брюшным тифом и два месяца кряду провалялся в больнице. Заболели все трое, но младший в легкой форме – остался дома, а мы со Славой уехали в больницу. Тогда никто еще не подозревал, что это начало большой эпидемии, которая унесла много жизней. Как потом выяснилось: вода в Ладожском озере была зараженной. Кто знает, сколько трупов осталось на ледовой дороге – единственном пути в осажденный город? С той поры, когда на-

чалась эпидемия, стали пить хлорированную воду, что не так вкусно, но, по крайней мере, безопасно.

Небезынтересно знать, что врачи не сразу определили тиф; ставились разные диагнозы: от гриппа, вплоть до воспаления легких, благодаря чему многие семьи понесли утрату. К счастью, мы, заболевшие «гриппом» выжили. Тиф сильно сказался на понимании арифметики и вообще в целом на развитии, так как после болезни я стал учиться буквально на одни двойки, и терять сообразительность. Влияние, по-моему, продолжалось вплоть до восьмого класса, ибо, только учась в нем, я стал, достаточно хорошо, понимать изучаемое.

Итак, в пятом классе получаю переэкзаменовку, но осенью благополучно сдаю, и перехожу в шестой класс. Конечно, я бы мог получить, не ходя в школу, достаточное образование, так как отец и мать являлись не только родителями, но и преподавателями. Отец мог обучить меня физике и математике, а мать с не меньшим успехом: химии, биологии и языкам; да, да, языкам, ибо мало кто владеет несколькими языками, а она владела.

Впрочем, некоторые предметы я бы мог освоить самостоятельно, включая сюда и историю, и литературу. Читал я убийственно много, гораздо больше, чем когда-либо, так что тупость моя была односторонней, и не во всех областях. Домашняя библиотека, которой я пользовался в любое время, расширяла мои познания, а прочитанные книги,

точнее написанное в них, врезалось в память навечно. Пожалуй, чтение сказалось пагубно на все остальное, так как даже урокам и сну я предпочитал книжку. Ночами, когда мать и отец засыпали, мы с Вячеславом крались к книжному шкафу, затем читали всю ночь на пролет; но затем наступало новое утро, занятия в школе, и непереносимые двойки. Спустя многие и многие годы я переоценил свое ошибочное представление о чтении и школьном обучении, ибо гораздо лучше разбираюсь во многих вопросах, чем вчерашние школьники... Так что читайте и больше, и думайте; особенно, если желаете что-то, кому-то в дальнейшем преподавать.

Были ли у меня друзья? Да, были, но с течением времени нити связывающие нас разрывались; появлялись новые, но долговечной близкой дружбы не было. Зимой мы вместе строили из снега крепости, лепили снеговиков; летом играли в лапту, в футбол и прочие забавные игры. В Приозерске я, наконец-то, научился плавать; а до того: первое «крещение» произошло перед войной в 1941 году, когда меня столкнули с катера; затем было еще несколько случаев, когда я изволил тонуть, но, к счастью, все обходилось благополучно. Однажды мы с группой школьников осматривали корабль (угольщик). В порыве любознательности я рассматривал носовые детали, что именно, не помню; как вдруг кто-то отчаянно толкнул меня в спину,

и я преодолев бортовой барьер спикировал с трех-четырёх метровой высоты в Вуоксу; перелетев через узенький мостик перекинутый с одного берега на другой. Вот тут-то я научился плавать; после чего вода стала для меня своего рода магнитом.

В 1948 году отец тяжело заболел, а когда немного поправился, то мы опять переехали под Выборг в поселок Советский, где жили после возвращения из эвакуации, вернее после окончания войны на Карельском перешейке. Там, учась в седьмом классе, я, в довольно короткий срок, прослыл круглым двоечником и благополучно переехал назад в шестой класс. Не буду вдаваться в подробности этого, весьма удрученного, периода моей жизни. Многого я не понимал, многого не хотел понимать, но помнить помню и досконально все обиды нанесенные мне, точно также как и все стихотворения, что учил в школе и вне ее стен.

Уже, будучи учеником 9го класса, я получил от ребят кличку: «Ходячая хронология», но тогда я был и старше и умнее.

Представьте себе: я влюбился. Да, да влюбился в девчонку из пятого класса, - вот было здорово. Вообще, дети чересчур влюбчивы. Неразделенная любовь, и все такое прочее, отвлекало меня от школы, уроков, и, даже детских забав и игр. В школе мне говорили: «Скажи, что ты будешь учиться хорошо; не то будет плохо». Я отвечал: «Я

буду учиться хорошо», но учился по-прежнему скверно. Вы думаете: я обманывал учителей, заверяя их, ничего подобного. Мои обещания были подсознательными, продиктованными их же настойчивостью. Вообще давать школьнику слово о лучшей учебе, по-моему, не стоит; с ним надо заниматься побольше, да не болтовней, а делом; не требовать, как это делают очень и очень многие учителя.

Мне, взрослому человеку, иногда, совершенно непонятна ни только такая методика, но и логика иных педагогов, которые, начиная с классных или пионерских собраний; кончая учительскими или кабинетами директоров школ, стараются держать ученика в страхе, там же выжимая из него слово.

В 1947 году я начал сочинять стихотворения. Отец похвалил меня, вернее одно мое двустишие: «Потом трактористом наш Васенька стал,
Колхозные земли он все распахал».

Было и еще что-то, и даже по-французски, но что именно не помню, а если и помню, то умолчу.

«Что умолчим об этом»
авт. стих. 1961г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ЮНОСТЬ

В нашем поселке была только одна школа – семилетка, но при ней, на ее базе, была организована вечерняя средняя школа. Фактически в течение первого года она была только восьмилеткой, так как не было ни преподавателей, ни учеников. Чтобы не ездить, как мой старший брат Вячеслав в Приморск, я решил поступить в этот восьмой класс, и меня приняли, хотя я еще не работал. Жизнь стала раздольной, как никогда прежде. Весь день я болтался дома или на улице, занимаясь чем попало, конечно, много читая; а вечером четыре раза в неделю ходил на занятия.

Нас было (учеников) в классе не более десяти человек, из которых пятеро, подобно мне, пришли из дневной школы, а остальные работали еще до поступления в школу. Многие ученики вечерних школ рабочей молодежи имели пятилетние и даже большие перерывы в учебе.

Что из себя представляла наша школа? В начале сентября классы заполнялись учениками, но затем число их уменьшалось с каждым днем, и в конце концов учеников оставалось столько, что можно было бы закрыть всю школу. Как я уже упоминал, наш класс был в то время самым старшим. К Новому Году восьмой класс пришел с двумя наиболее рьяными изучателями науки, а после него в

классе остался я один. Не подумайте, что я рассказываю сказки. Это был весьма печальный, но четкий факт.

Учиться было легко. Стопроцентная успеваемость при стопроцентной посещаемости – идеальный класс. Когда в школе бывали собрания, то меня так и называли, несмотря на мало блистательную учебу. Но стоило бы мне получить хотя бы одну двойку или прогулять один вечер, как стопроцентная цифра слетала бы до нулевой. Как это ни странно математика стала усваиваться мной, нельзя сказать отлично, но хорошо – можно. Моим классным руководителем был физик, он же и математик, и, если хотите – первое время – химик. Так что большинство всех уроков выпадало на его долю.

Человек, своего рода эксцентричный, он имел обыкновение набирать столько уроков, что можно было удивляться его способности преподавать во всех трех сменах, начиная с двух дневных и кончая нашей вечерней. Он имел обыкновение опаздывать на свои уроки на десять-пятнадцать минут, или не являться вовсе. Тогда я знал, где его искать; шел в его кабинет, где он копошился над своими бесчисленными пробирками и приборами, покрывшимися слоями пыли (он запрещал уборщицам посещать его обитель), где и заставлял его. Бывали случаи, что он на занятиях со мной одновременно занимался с учениками дневной школы: то ли это были лабораторные работы, то ли заня-

тия кружка, то ли дополнительные занятия с неуспевающими; но факт есть факт – они занимались, а я либо помогал им делать опыты, либо самостоятельно решал примеры или задачи, а иногда вообще уходил домой, чего он естественно не замечал. Человек, на вид совершенно нормальный, обладал удивительным свойством плюшкиничества, то есть собирал в свой кабинет различный хлам как-то: гвозди, проволоку, подшипники; детские деревянные сабли, которые отнимал у играющих детей; осколки битой посуды; различные обрезки и обломки макулатуры и одряхлевшего утиля. Все это сваливалось в угол и предавалось забвению, но дотронуться ученикам, если, конечно, они не принесли чего-нибудь в порядке пополнения, не разрешалось, ибо величайший гнев обрушивался на посмеявшегося забыть о своем ничтожестве и невероятной ценности этого, грубо сказать, мусора. Вообще этот человек для психолога представлял величайший интерес (особенно, если учесть, что и он некогда преподавал и логику, и психологию), так как жизнь его, как я уже говорил выше, была заполнена до предела. В средней школе на его долю в день приходилось по десять часов, сюда входили даже рисование черчение, а затем он остальное время проводил в своей обители, в которую, боже упаси; никто не допускался. Мы, школьники хорошо знали его слабость, то есть боязнь мышей, которых он ненавидел со всей силы ненависти.

В его квартире, точнее комнате, стояла вечно не застеленная кровать; два или три поломанных стула; среди различного хлама и мусора валялось несколько книг; на спинках стульев красовались протертые до основания носки; но самое главное, что имелось у него – так это несколько десятков мышеловок, которые находились не только во всех углах комнаты, но и привязывались на стенки – кто знает этих мышей, что они думают?

Виною всему, конечно же, была война, в которой он участвовал и получил ранение в голову, после чего, естественно, он стал таким, каким я его описываю. Оставим его назначения на все учительские должности на совести слабоумных людей, стоящих у рулей просвещения, но я все же, как мне не больно, вынужден закончить эти описания, так как все эти деяния отражались и на нашей психике. Представьте себя слушателем. Он садился за стол, листал разные книги и вслух выражал свои мысли, не подозревая об этом. Конечно, слушатели смеются, иногда просто хохочут, ибо невозможно усидеть, слушая его эксцентричные выражения, и тогда он отрывается от своего занятия, и, в недоумении, смотрит на нас. Часто, вместо математики, он рассказывал историю, или философствовал о посторонних вещах, а потом вдруг заявлял с апломбом, что времени на занятия с нами ему не хватает, а мы, в дополнение к этому, сущие бездельники.

«Я знаю» – Говорил он, - «Вы уроков не учите; занимаетесь, чем попало». Отметки он ставил, судя по настроению. Часто, когда я отвечал по геометрии, он глубокомысленно кивал головой и вдруг неожиданно спрашивал: «А зачем ты не сказал то-то и то-то». Начиналась дискуссия, но не по теореме, а по переговариванию друг друга; говорил я то-то или нет. Почему я так подробно описывал портрет этого учителя? Да потому, что из учителей он более всего запечатлелся в памяти. Человек быстро забывает мельчайшие подробности, будь они хорошими или плохими, но некоторые врезаются в его память и живут без вытеснения до конца его дней.

В вечерней школе знакомлюсь с рабочими ребятами, сближаюсь с некоторыми из них. Часть из ребят, особенно те, что жили в общежитии в бараках, после получек являли себя в непотребном виде. Я поражался, в те годы, их пристрастием к выпивке, не понимал их, да и не желал понимать. Что греха таить. Кто из нас не пропустит рюмку или другую, но напиваться до потери сознания – это уже слишком. Если я приходил к ребятам и они меня угощали водкой, то я, как обычно отказывался, если же и выпивал, то немного, но домой уже не уходил, а отдыхал у них, ибо водка очень сильно действовала на меня. Дома за меня не беспокоились. Отец, видя, что я взрослею и лучше занимаюсь, дал мне некоторую свободу

действий, несмотря на то, что мать была против. Пользуясь свободой, я все больше и больше знакомлюсь с ребятами, работающими на заводе. Бараки, где они жили (да и теперь живут, но другие), имели неприглядный вид. В комнатах грязно, окна побиты, на столах бутылки и всякая прочая грязь. Обычно с получки устраивались дикие попойки с драками, а через несколько дней наступало затишье, во время коего бутылки сдавались, а на вырученные таким образом деньги покупался хлеб. Вечера ребята проводили довольно безалаберно и по своему усмотрению. Это не относится ко всем, ибо часть из них, и довольно большая часть занималась в школе или в художественной самодеятельности; да и не все ребята жили в бараках. У многих была своя семья и свои семейные заботы. По дороге в школу, я заходил к некоторым из них, и тащил как на аркане за собой, о чем они с благодарностью вспоминают и теперь.

Я много говорил о личной свободе, но это было не совсем верно. Дома жизнь давала себя знать, и с каждым днем все сильнее и сильнее. Приходилось делать все: и стирать, и мыть, и варить, и тому подобное – словом заниматься всеми хозяйственными и домашними делами. Отец сильно сдал в эти годы. Целые дни его занимала работа, а вечером инженерные расчеты, так что о сохранении здоровья речи и быть не могло – ибо советов он не слушал. Будучи инвалидом первой группы, занима-

ясь умственной работой, он очень много курил, а курение для туберкулезника – яд. Но пока отец работал, наша семья жила в среднем хорошо, но потом наступили последствия.

Итак, я закончил восьмой класс и по совету Владимира «поступаю» в ЛАУ (Ленинградское Арктическое Училище).

Двенадцатого июня 1951 года едем с отцом в Ленинград. В Ленинграде я был еще до войны, но тогда мне было что-то около пяти-шести лет, так что города я тогда не запомнил. После же эвакуации в 1944 году, семья провела там некоторое время, так как отец работал на заводе «Электросила», но я запомнил только развалины, да ямы во дворе дома на Международном проспекте, вернее на Благодатном переулке. В общем, понятия о Ленинграде до 1951 года у меня были самыми туманными. Город произвел на меня огромное впечатление. Я дивился улицам, огромным домам, машинам и даже троллейбусу в котором ехал. Мой отец составил заранее план путешествий по городу, что должно было многому меня научить, или вернее, вселить в меня уйму понятий. Итак, не забывая о главной цели приезда, мы начали приводить этот грандиозный план в исполнение. Отец водил меня по музеям, садам и паркам. Довелось мне, и увидеть город сверху. Исаакиевский собор, такой, казалось бы не высокий, дал себя знать во время процедуры продвижения на верхнюю пло-

щадку – пришлось попотеть изрядно. День был сырой и туманный, низкие рваные тучи и дым застилали безбрежное море ленинградского неба, но все же ближайшие районы города были видны. Внизу бежали в разные стороны автомобили, спешили куда-то черненькие фигурки людей. Высота ощущалась. Самое большое впечатление произвел на меня Эрмитаж. В этом дворце-музее я впервые в жизни увидел самые разнообразные вещи, о которых ранее и не подозревал. Огромное количество документов, искусство народов всех стран, тысячи картин знаменитых художников – поразили мое детское воображение, ибо тогда оно было еще детским. Признаюсь: я с большим интересом рассматривал оружие, станки, нежели картины великих художников; но это было в прошлом, канувшем навсегда. Теперь уже в зрелом возрасте (в 1964 году), еще раз переписывая повесть, стараясь сохранить в ней чувство детства, я задумываюсь над тем, как меняются понятия людей. Я начинал писать эту повесть в девятнадцатилетнем возрасте; затем дописывал в 1954–1955 годах, и переписывал в тридцатилетнем возрасте. Стараясь по мере сил сохранить в ней местами взгляды девятнадцатилетнего юнца.

С той поры я множество раз побывал в Эрмитаже, но каждое новое посещение вызывало еще большее восхищение, еще большее преклонение перед гением человека.

Основной моей целью являлось, однако, в то время не посещение музеев и парков, а выбор места учебы, выбор профессии. В конце концов, я решил поступать в ЛАУ. Основная задача была выполнена, деньги истекли, и нам больше ничего не оставалось делать, как ехать домой.

К этому времени Вячеслав закончил десятилетку и тоже решил куда-нибудь поступить.

По приезду домой я занялся строительством лодки, которую объединенными усилиями с Вячеславом выпустили в кратчайший срок. После войны множество понтонных лодок валялось по берегам речки и залива, но они были очень громадными и тяжелыми. Мы, ребята обычно отпиливали у них нос, три-четыре метра, затем из досок устраивали подобие кормы, смолили, а затем использовали их по своему усмотрению: либо возили дрова, которые были разбросаны в великом множестве по берегам залива, либо ездили на рыбалку, либо просто катались в свое удовольствие. Обычно поездки начинались с вечера. Мы с братом запасались продовольствием, рыболовными снастями, затем звали ребят (а их долго звать не приходилось, они сами поторапливали нас), и выезжали на простор нашей мелководной речушки. Море (залив) начиналось в километре от дома, а речка прямо под окнами. Плыли обычно с песнями, с шумом и возней, поочередно меняясь на веслах. По прибытию выгружались на наш, так называемый «Коровий остро-

вок», и до наступления темноты ловили рыбу на уху.

К десяти часам клев заканчивался, удочки смаывались; вспыхивал костер. Рыбаки предусмотрительный народ; кроме крючков, снастей, они прихватывают с собой хлеб, лук, перец – так что уха получалась всегда на славу. Наевшись, пили морскую воду, опресненную речной, или кипятили чай, а затем на перебой рассказывали всяческие забавные истории, пели, и, потихоньку засыпали на тростниковых ложах. Обычно я не спал. Всю ночь сидишь у костра и смотришь на воду. Коротки летние ночи, утро ждать долго не заставляет. Беру удочку, закидываю – не клюет, затем клюнуло. Бужу ребят. Все расходятся по своим излюбленным местам, а мы с братом обычно выезжали на лодке в разводья, между тростниковыми или камышовыми зарослями. Откровенно говоря, ловить рыбу лучше всего одному. Рыба любит покой, тишину, особенно крупная, а рыбаки свободу действия и рыбные места. Рыба любит кормиться в определенных местах, но если кто-нибудь напугает ее, то она уйдет в другие заводи; вот почему рыбаки не распространяются, предпочитают промолчать, или указать совершенно другие места. И, если вы вздумаете поехать по указанному адресу, то наверняка приедете без рыбы.

Мы потихоньку подъезжали к облюбованному месту, осторожно спускали якорь, и в тихом оце-

пенении ожидали клева. Через некоторое время он начинался: сначала ерши, затем окуни, а потом уже и более крупная рыба. Удачная рыбалка – настоящий праздник для рыбака, особенно, если несешь рыбу на кукане, а она крупная – то-то завидуют посторонние.

Кроме рыбалки, я имел пристрастие к лесу. Отец, несмотря на болезнь, мог проводить с нами в лесу целые дни. С нами обычно бегала и наша собака «Орлик». Это весьма хилое, но умное животное, имевшее несчастье побывать под поездом; после чего, прыгающее на трех лапах, сопровождало нас. Отец очень любил пса и часто ласкал его.

Так шло время. Надо было подумать уже и поступлении на учебу. Комиссию освидетельствовавшую мое здоровье, я прошел еще в начале лета, а документы были отправлены в ЛАУ по приезду из Ленинграда. Теперь надо было готовиться к экзаменам. Но, увы, пришло извещение, о том, что я не прошел по конкурсу – слишком много троек было в моем аттестате.

По совету Владимира подаю документы в «Сварочный техникум»; и, в начале августа с Вячеславом отправляемся в Ленинград; останавливаемся жить у Владимира в предместье города. Он сам окончил этот техникум и работал мастером на заводе. Владимир узнал расписание экзаменов, и дал его мне. И вот я принялся учить конституцию. Тринадцатого августа первый экзамен. Утром

я сел в автобус и доехал до Обухово; затем пересел в 27 номер трамвая, и прикатил прямо по назначению. Приехал с учебником по конституции, смотрю расписание и вижу: русский письменный. В душе я клял Владимира, но расписание от этого не менялось. Литературным языком я не страдал, а вот запятые, да всякие препинания, были для меня бичом. Труден наш русский язык; ох, как труден. Короче, в диктанте я наделал великое множество ошибок, и получил два; после чего, забрав документы поехал искать новых приключений.

Вместе со мной сдавал экзамены мой старый товарищ и друг, гораздо старше меня, но тоже получивший двойку. И вот мы с ним прибежали к его тетке (где он останавливался), нашли справочник техникумов и вычитали: все учебные заведения прекратили набор, кроме одного «зубоврачебного и фельдшерского», так как было уже 15 августа. Да и эта фельдшерская школа принимала последние часы. В 1600 прием заканчивался. Не мешкая, мы с ним помчались и буквально за несколько минут до окончания приема заявлений, появились в канцелярии этого достойного заведения. Дело обошлось в нашу пользу. Мы сказали, что не прошли по конкурсу там-то, и хотим продолжать здесь свое образование, Но так как все группы были заполнены, то нас поместили в первую, после чего сказали: завтра первый экзамен.

На другой день мы снова сдавали русский письменный. Надо сказать, что ребят в группе, кроме нас двоих, не было; вот почему нас сразу же записали. Хорошо помню ту аудиторию, состоящую из тридцати девчонок и двух мальчишек; а все девчонки мне сразу же понравились, я сразу же влюбился в добрую половину из них. В общем я все экзамены сдал сравнительно хорошо и был зачислен на первый курс, а мой напарник опять сел в калошу, ибо получил вторую пару по русскому. Конечно, я не захотел учиться в этой школе с девчонками, да и товарищ оставался бы один. Забрали мы там все свои документы и пошла писать губерния...

Сорок техникумов обошли. То мне не нравилось, то прописки не было, то вообще не хотели принимать. В «Торфяной» моего друга принимали даже с двойкой по русскому (там был недобор), но общежития не предоставляли. Старший брат – женатый человек, стеснять неудобно, к родственникам не хотелось. В конце концов вся эта канитель мне надоела, и я уехал из Ленинграда, чему отец мой был очень рад.

Итак, я дома. Как раз открылся девятый класс, и я поступил туда. В первые же дни начались стычки с преподавателями, особенно с математиком. Не то чтобы детство, а просто все, даже взрослые тридцати лет, были по его особому мнению тупыми. Вскоре мне пришлось задуматься о том, что надо

идти работать. Отец был крепко прикован к кровати, а мать не могла обеспечить всю семью своим заработком. В конце концов поступаю работать на теплоэлектростанцию (ТЭС) завода в качестве ученика машиниста паровых турбин. Моими первыми инструментами были простые зубила и молотки, а первым учителем мастер турбозала, весьма самонадеянный, но малограмотный человек. Целый месяц я, по его заданию, набивал себе руку и глаз. Правда, первые дни приходилось выть и плясать от дикой боли в суставах пальцев, по которым я попадал более, методичнее, чем по зубилу, этим треклятым молотком. Через неделю, после поступления, я заболел и дня четыре на работу не выходил. Затем все пошло по-прежнему. Когда я научился рубить металл зубилом с закрытыми глазами, мне дозволили несколько несколько пил (напильников), не таких какие есть у каждого мальчишки, а больших, в числе которых были и шабровые, и шлифные. При помощи этих ультра-современных инструментов, я стал колдовать над созданием других, более необходимых, как-то: кронциркули, циркули, ножовки; но первым инструментом был обыкновенный угольник из нержавеющей стали. Мастер, видя, что я кое-чему научился, доверил мне весь верстак с инструментами и ключи от него, но это было мне иногда совсем не по вкусу, так как народ еще у нас довольно таки вороватый. Словом инструменты исчезали, а был

виноват я. Вместе со мной поступил на работу мой товарищ, но только учеником электрика. Коля Зубков – так звали его. Вместе с ним мы и работали, и ждали, когда нам дадут рабочий разряд. Надо вам сказать, что на электростанции турбозал отличается необыкновенной чистотой, но зато и невероятным шумом; там не услышишь за два метра слов другого человека; смысл речи можно было понять только по губам, а окончательно разобраться в ней можно было только тогда, когда он во все свое горло кричал в ваше столь глухое ухо. В нашем турбозале было две турбины, из которых одна работала все время, а вторая оставалась резервной на случай останова или аварии первой. Вот мы с Колей иногда и пользовались второй турбиной для отдыха и болтовни. Там же я снова стал пробовать свои силы в сочинительстве.

Я научился работать, то есть выполнять самостоятельно заданную мне работу, но с разрядом дело затягивалось. Наконец, благодаря моему настоянию, меня вызвали в управление цеха. Я принес туда сделанные инструменты, ответил на кой-какие вопросы и получил третий разряд слесаря-инструментальщика. Но так как я поступал не слесарем, а турбинистом, то меня для начала поставили мотористом в конденсационное отделение турбозала. Летом и зимой в турбозале стояла невыносимая духота, а поэтому, в первые дни я

выпивал большое количество воды, но со временем привык. С работой в конденсационном отделении я справлялся довольно таки хорошо, но так как турбина наша была старой Лавалевской марки, выпуска начала девятисотых годов, то иногда приходилось туго, даже на таком объекте. Аварии бывали у нас почти ежедневно. Нормально работающая турбина, вдруг, словно зверь, срываясь с цепи, начинала завывать, испуская при этом звуки различных тонов. Обороты турбины в такие моменты то падали, то возрастали, стрелки манометров метались взад и вперед; свет в турбозале становился то слишком ярким, то удручающе тусклым; но когда обороты выходили из предела всех норм, то весь зал ходил ходуном, а бесконечные трели звонков наводили панику. Обычно автомат останова турбины в такие моменты не срабатывал, а поэтому машинист приводил его в действие ручным методом; то есть ударял обыкновенным поленом по его головке. Обычно все аварии кончались полной остановкой турбины на несколько часов, и тогда я принимался за ответственную работу, а именно: садился на табуретку и крутил ручку масло-насоса, для перекачки масла к подшипникам, во избежания их расплавления. Иногда приходилось крутить по три-четыре часа подряд, и я, чтобы не скучать занимался импровизацией, или на худой конец пением, но не слишком громким, как бы это мне хотелось. Так или иначе,

время, тикая, отбивало свое, и месяца через два я получил четвертый разряд. Конечно, пришлось сдавать соответствующие экзамены, но я этого не боялся.

Время от времени у нас проводили занятия по турбинам и теплотехнике, где я кое-что почерпнул, а именно столько, сколько требовалось для сдачи на разряд. И вот, с этих пор, я вступил в новую должность – помощника машиниста. Увы, работа давала себя знать и очень крепко, так как была сменной, из за чего мне порою приходилось пропускать занятия в школе. Подменять меня не хотели, да это и понятно: кому хочется работать лишнюю вечернюю смену; а постановление тогда еще не имело надлежащей силы. В общем я завершил учебу с переэкзаменовкой по алгебре – у меня отняли шпаргалку, которую я даже не успел применить, да и применять не думал; но так уж оно и вышло, что она выпала из моего рукава, что было моментально подмечено ассистенткой. Правда, в августе я сдал алгебру на четверку. Наступило лето: хорошее, теплое – настоящее лето – время отпусков, время отдыха; но отдыхать мне не пришлось, ибо завод наш был остановлен на ремонт. Работать приходилось по 12 – 14 часов в день, так как работы по ремонту турбины было много, а взятые обязательства – впрочем все знают, что это такое, особенно, когда берутся за невыполнимое, да еще и разванивают по белу свету – требовали

полной отдачи времени и возможностей. Я делал прокладки, ставил набивку, ремонтировал мелкие узлы, притирал клапаны и так далее... Через несколько дней мастер послал меня варить масло из олифы, в крашенном ведре без крышки, в кузницу. С техникой безопасности я тогда знаком толком еще не был, а он – опытный человек смотрел на это сквозь пальцы. Ранее мне не приходилось заниматься изготовлением масла, вот почему и произошла беда, о которой я сейчас расскажу. Я поставил ведро с олифой на горячие угли, и время от времени, как меня проинструктировали, помешивал свое варево палочкой. На беду мое крашенное ведро быстро воспламенялось, и огонь добирался до олифы, которая тот час же вспыхивала. Несколько раз я тушил своей спецовкой пламя, но затем она – олифа снова загоралась. Вместо того, чтобы снять ведро с горна и перестать заниматься стряпней, я продолжал игру в пожарники, но ни тут-то было. После неудачной попытки потушить очередной факел, пламя вырвалось из-под спецовки и обожгло мне лицо – я неожиданно для себя, схватил ведро голыми руками и переставил на пол. Что тут было со мной – описать невозможно. Я обжег себе все ладони и пальцы – руки мои превратились в сплошной пузырь. Странно, но почему-то в кузнице к моей деятельности отнеслись с безразличием, потом только испугались. Мастер был жестоко напуган произошедшим, но я тогда

сказал ему, что бюллетень мне не нужен, и этим самым избавил его от необходимого акта и расследования – случись это, в более зрелом возрасте – он не отделался бы одними страхами. Конечно, с забинтованными руками я не мог выполнять какие-либо самостоятельные работы, но все же по мере сил и возможностей помогал. Руки у меня зажили очень быстро, пузыри превратились в пятна; я снова стал полноценным работником. Как я уже говорил выше: мы брали обязательство закончить ремонт досрочно, что необходимо было подкреплять делом. Вот мы и подкрепляли, да так крепко, что последние дни работали совсем без отдыха. Домой отпускали только для того, чтобы поесть, но и то на полчаса. Ужасно варварский метод работы. Человек, способный выполнить порученную работу за пять минут, делает ее за четыре часа, а то и больше, да это и понятно; глаза закрываются, а руки не правляются с порученным. Насколько я помню, меня отпустили через сорок девять часов непрерывной работы, когда турбина была уже запущена. Какими жалкими были лица машинистов во время запуска: небритые, хмурые, поблекшие от вынужденной бессонницы – они являли собой подобие нормального облика. У меня перед глазами плыли круги, когда я поворачивал вентиль «атмосферы», прикрывая и открывая его, судя по количеству пара в отборах машины – местах выхода пара из турбины в другие цехи, после

отдачи им кинетической энергии. Пуск был завершен к четырем часам ночи, и меня (да, благословит аллах всемогущий охрану труда), отпустили домой. Проснулся уже днем и сразу на речку – мыться. После такой дивной процедуры всю усталость, как рукой сняло.

Несмотря на предстоящую переэкзаменовку, я все свое свободное от работы время тратил на занятия рыболовством (и кроликами), так что летняя пора прошла быстро и незаметно. Подкралась новая осень, и последняя школьная осень. Десятый класс – это то к чему стремится каждый ученик, это то, что дает человеку путевку в жизнь; но чтобы закончить его, надо приложить немало усилий – в основном по посещению занятий. Сменная работа сказывалась, и очень крепко сказывалась при прохождении материала. Порою, целую неделю, я не являлся на занятия, что, естественно, вылезало мне боком, в основном по физико-математическому циклу. Мне невероятно везло (я приходил в школу тогда, когда выполнялись контрольные работы), на единицы и двойки, которые я потом аккуратно исправлял, в основном, на четверки. Устная литература, история, вообще все гуманитарные предметы мне давались легко, за исключением иностранного, который я, кстати, совсем забросил. Зачастую мне не хотелось идти в школу из-за усталости или неподготовленности – впрочем, занятиям дома я уделял гораздо меньше времени, чем это требовалось;

зато книги меня целиком поглощали, если можно так выразиться, а я поглощал их содержимое с невероятной быстротой.

Мой отец, в то время, лежал в больнице, куда я ездил на велосипеде по воскресеньям или выходным дням. Он радовался каждому моему появлению, много говорил, прерываясь поминутным кашлем, советовал, обещал вскоре вернуться домой здоровым, ссылаясь на новые, сильно действующие лекарства, наподобие «паска» и других. Он пролежал в больнице весьма длительное время, а затем, в начале зимы, был доставлен домой, как неизлечимый. Все заботы, все внимания уделялось ему, вот уже два года оставившему работу – человеку с богатым прошлым и безнадежным будущим. Врачи сказали матери, что надежды на поправку нет, что будет жить максимум две или три недели, но он, вернее его расшатанный организм, боролся и превзошел все ожидания врачей, и мы даже не верили подстерегающей его беде. Основным его питанием в ту пору была глюкоза, ибо он ничего другого не ел. Не смотря на мучения, он постоянно твердил, что вскоре поправится, встанет на ноги; но, увы, внешний вид его не подтверждал его слов.

Приближался Новый Год. Я хорошо заработал на заводе, поправил дела в школе, но совершенно забросил общественные работы, а именно, перестал выпускать «Молнию» – цеховую комсомольскую

стенгазету, вроде «Колючки». С этой молнией было много курьезных случаев: то мне грозили кулаками, то туда совали нос казенные проверялы, отбивая у меня тем самым все желание, то меня поливали грязной водой в котельной, сверху с котлов, когда я вывешивал очередной номер. Но, так или иначе моя «Молния» сыграла свою роль. С ее помощью кочегары получили новую спец-одежду, с ее помощью доставалось на орехи пьяницам и бездельникам.

Хотя, к этому времени я имел пятый разряд, а мои школьные дела радовали отца, зато всех нас не радовало критическое семейное положение. Незадолго до смерти, дня за два, мы с отцом играли еще в «подкидного дурачка», где я старался незаметно проигрывать. Он говорил, что к нему возвращается его былая работоспособность, и необычайно радовался каждому выигрышу, хотя сама игра была для него почти непосильным трудом. 28 декабря, после принятия небольшой дозы морфия, он скончался. Горе мое было велико, так как я потерял в его лице не только отца, но и человека, вдохнувшего в меня свои помыслы, свою любовь к жизни. Кто, как ни он, раскрывал передо мною различные политические и культурные вопросы, вводил меня в курс тех или иных событий; учил: пониманию, анализованию, логике и трудолюбию. Узнав, о его смерти, мои старшие братья

приехали из Ленинграда, чтобы отдать ему последний долг.

31 декабря, в канун Нового года, отца похоронили. Смерть его была, тем более тяжелой, потому что кругом была радость. Новый год, сколько новых радостей, сколько новых забот несет он людям? Но они не думают об этом, они веселятся, они наслаждаются жизнью насколько это можно; но мы провели новогоднюю ночь без сна...

После смерти отца жизнь стала намного легче, ибо весь мой заработок доставался семье, в которой оставались, не считая двух старших братьев, находившихся в Ленинграде, только трое: мать, младший брат Вадим и я. Миновало несколько дней; новая, непривычная жизнь входила в семью; надо было жить и учиться, и работать; надо было привыкать к тому, что нет в доме сухого кашля, нет стука палочки (так он звал к себе), нет отца, ...горе нелегко забывается, но время и молодость берут свое; и вот я, постепенно, стал посещать кинотеатр, а еще немного позднее танцы – такова жизнь. Собственно говоря, танцевать я еще не умел, только пытался перебирать ногами, так что пришлось учиться и этому «мастерству». Да и как я мог научиться раньше, если такой возможности не было. Кроме работы и учебы в школе приходилось выполнять различного рода работы по части домашнего хозяйства: стирки, варки, мытья полов;

кроме того, надо было помогать матери ухаживать за отцом и так далее.

Многие могут удивиться тому, что при всем этом я много читал. Да, читал я колоссально много, гораздо больше, чем сейчас, но время, в основном выкраивалось из ночи. Время – неумолимая вещь. Несколько раз меня вызывали в военкомат, где я написал заявление о желании поступить в летную школу по окончании десятилетки. Вообще говоря, у меня было скромное желание – институт, но это была проблема, которую я решить не мог, так как год мой был призывной, а потому, в случае отказа от заявления, меня могли забрать в армию, не дав закончить учебу, потому что в то время были весенние наборы, да и я учился не в дневной, а в вечерней школе; а тот, кто учится в вечерней считается не учащимся, а рабочим, повышающим свое образование. Чтобы не быть голословным скажу, что даже в 1954 году Колю Зубкова и Колю Шилова взяли в армию весной из десятого класса, не смотря на то, что они хорошо учились и им было всего по восемнадцать лет. Итак, я принял предложение: «летную школу», ибо все другие военно-учебные заведения были заняты другими лицами, что дало мне возможность закончить школу. Кроме того, мне и самому хотелось стать летчиком, но почему-то только морским. В марте я получил отпуск, во время которого хорошо отдохнул, отоспался и начитался. Быстро прошел апрель, затем

май и вот долгожданные экзамены. Теперь я беру отпуск за свой счет. Собственно говоря, этот отпуск явился окончанием труда на заводе, так как сразу же меня после экзаменов направили из военкомата в Ленинград на медкомиссию. Я довольно сносно сдаю предмет за предметом. Сдавали мы тогда по одиннадцати предметам с 20 мая по 23 июня, а затем, конечно, гуляли во всех смыслах этого слова. Была водка нескольких видов, были учителя, была сирень, музыка и еще что-то, что непременно бывает, без чего не обходится ни один выпускной вечер, но о чем впоследствии забываешь, так как по сути дела роли-то оно никакой не играло. Выдавали аттестаты, произносили речи, затем тосты и пожелания, и прочее. Учеников было мало, да и средний возраст их превышал двадцать-двадцать лет, так что молодежного выпускного вечера не получилось, зато получилась хорошая развеселая компания.

Незадолго до экзаменов я получил шестой разряд, и таким образом уходил с завода вполне квалифицированным турбинистом с некоторым опытом. В цеху думали, вернее того хотел начальник цеха, что я по какой-либо причине не поступлю в летную школу, и останусь работать; а так как старших машинистов не хватало, то меня прочили к осени сделать старшим, то есть дать седьмой разряд. Тогда была восьми разрядная сетка. У нас, на турбине, обычно работало двое: старший машинист и его помощник. Но их расчеты не оправда-

лись, потому что 26 июня я проходил в ленинградском госпитале комиссию, как медицинскую, так и мандатную, и был признан годным. А 6 июля, в единственном числе без сопровождающих, так как был один из Выборгского района, должен был отправляться к месту будущей учебы и службы. Проводы и сборы были не долгими, слез как у некоторых, при расставании не было; да и я рассчитывал, что после экзаменов до осени отпустят домой, но этого не случилось.

Мать проводила меня до железной дороги, а далее я потопал на станцию, где меня должны были ожидать друзья. Но проводить меня пришел только Борис – товарищ по юности, остальных не отпустили с работы. Железная у меня матушка, никогда не выразит чувств, ничем не выдаст себя, хотя отъезд мой волновал ее, конечно, больше чем меня.

Была середина рабочего дня, стояла отвратительная сырая погода, временами шел дождь, на душе было слегка тоскливо. Слегка, потому что я был молод, а жажда нового заглушает даже самую сильную тоску. Итак, я поехал. Проливной дождь сопровождал меня добрую половину пути, и только за Москвой он прекратился. Куда-то примчат меня колеса? Какова будет дальнейшая жизнь? Тысячи раздумий и великое любопытство одолевали меня на верхних полках ночных поездов. Но занавес поднялся после моего приезда в Павлоград, где начался следующий этап моей жизни, моей молодости, этап учебы, тягот и лишений.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ КУРСАНТЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ НАЧАЛО ПУТИ

Приехав в Павлоград в десять вечера, не зная местности, я решил переночевать на вокзале, что и сделал; а утром отправился искать место своего назначения. Почему-то мне сразу не понравилось на Украине: пыль, духота с раннего утра, голая степь. Да, здесь мало радости жить, думал я, проходя по пыльной дороге мимо полей с пшеницей, бурьянов; но поживем - увидим. Правда, в небе рокотал какой-то самолетик, зеленый со звездочками, но какой, я не знал. Самолеты я видел в детстве, потому что до войны пришлось жить неподалеку от аэродрома, где полеты в основном проводились по химическим тревогам; в начале войны видел всякие: и наши, и немецкие; и после войны тоже видел, но уже большие. В общем, с авиацией косвенное знакомство уже имел. Проходя мимо глиняных домиков с закрытыми окнами (часть из них была, конечно, открыта; но эти ставни – глухая решетка, почему-то меня всегда раздражали; как будто люди хотели спрятать свои тайны, скрыть свои недостатки), я спрашивал идущих мимо: верно ли держу свой путь, и на что, услышав утвердитель-

ное, продолжал измерять расстояние с помощью собственных ног. Через некоторое время я завидел каменные стены и различного рода строения, это и был пункт отправления в новую жизнь, то есть летная школа.

Все это случилось со мной 10 июля 1953 года. По приезду у меня забрали мои документы и указали место временного пребывания, которое являло собой огромный сарай без одной стены (змейник, как мы его называли впоследствии), с несколькими сотнями ржавых железных коек, без матрацев, в двух – трех ярусном расположении. Ребята прибывали и прибывали, и все разные, и все с разных сторон Союза. В первые же дни по прибытию нас наголо остригали, дабы привести в надлежащий вид, как того требовал всякий карантинный режим и начальство. Из более, чем восьмисот абитуриентов, меня остригли последним, в последний день стрижки. Хорошо помню, как приданный, к нашей сумбурной «армии», старшина причитал: нельзя стричь такую красоту, то есть мою голову, покрытую естественно крупными, кудрявыми кольцами. Такого в природе не бывает. К концу июля нас в этом «змейнике» набилось видимо-невидимо, что даже и трех ярусов стало не хватать, но если учесть, что и крыша сарая протекала (сарай был кирпичным, а крыша деревянной), а одеял явно не хватало, то на нижних койках ребят было, что сельдей в бочке. Позднее

стали выдавать матрасы набитые соломой, и, даже соломенные подушки. Так нас держали до конца июля ничего не говоря, разве что изредка пересчитывали, да водили в столовую. То-то было весело. Занимались мы там, чем попало. Дали нам одного или двух из старослужащих, но что они могли сделать с этой армией, мало видевших жизнь, мальчишек. Я в то время увлекался шахматами и очень много играл, но молодость превыше спокойствия, а поэтому, изжарившись, как и другие, в карантине уходил зачастую на речку или в город, несмотря на строгие запреты. Начальство смотрело на это сквозь пальцы, т.к. мы были предоставлены самим себе. В городе познакомился с девушкой - как звать - неважно, но дружбы у нас не получилось.

В начале августа мы, наконец-то, приступили к экзаменам. Сдавать было легко, т.к. требования (я бы сказал) были пониженные, но все-таки некоторые умудрились провалить два или три предмета. Особенно, я запомнил экзамен по физике, где один, здоровенный украинский парень (двухметровая детина, гиревик, какой-то чемпион по этой части) явил собой сущего барана в элементарных понятиях. Весь наш класс (или группа) хохотал до упаду, когда этот верзила твердил про глаз (ему достался билет, где один из вопросов должен был вскрыть знания абитуриента или кандидата - все равно - о строении глаза). Око, око и далее око и больше выдать на эту тему ничего не смог. Даже экзаменаторы смеялись. И что вы

думаете, его не приняли? Нет. Его взяли, уж больно здоров и хорош был внешним видом, но потом, но это уже потом списали из училища.

После экзаменов очередная мандатная комиссия (отбор железный - строго по Сталински) и, наконец - зачисление. В бане у нас забрали все наше барахло (причем не стеснялись рыться в чемоданах), сказав, что через полгода вещи наши нам возвратят,... и возвратили, но в таком виде, что не только домой отсылать, но и на тряпки-то давать стыдно. Правда, некоторые ребята, более разбитные в жизни, успели по продавать свое барахло по дешевке местным жителям; а один паренек из Грузии все с себя продал и в баню пришагал прямо в трусах без майки и босиком. В бане нам же и выдавали новенькое с иголки обмундирование - обыкновенное солдатское ХБ. (хлопчатобумажное), кирзовые сапоги и пилотки, и все это самых фантастических размеров без примерки, так что пилотка на мне сидела мешком, а гимнастерка не застегивалась на горле, а брюки - в общем, клоунада. Кое-что пришлось обменять, кое-что ушить, засим оставалось свыкнуться с этим новым одеянием. Нас разбили на взводы, роты, классные отделения и т.д. и поместили в новую двухэтажную, но холодную казарму. Имя нового местожительства, занятия, учебы - тербат (теоретический батальон).

ГЛАВА ВТОРАЯ ТЕРБАТ

И так я стал по должности курсантом летной школы, курсантом теоретического батальона, рядовым по званию, ... все с этого начинали.

К новой жизни упорядоченной распорядком дня долгое время пришлось привыкать, как и ко всему новому, что случается в жизни. Начались ежедневные занятия по курсу молодого бойца и учебе в УЛЮ (учебно-летний отдел). Я попал в четвертую роту, командиром которой являлся подполковник, по национальности украинец, фамилия его была Мищенко, сам он был маленького роста (меньше меня) но боевой и весьма деловитый (если не приглядеться ближе) человек. С самого начала он назвал себя нашим отцом, а нас своими сыновьями..., но далее нецензурица (хотя и беззлобная) сыпалась из его уст, как из рога изобилия. Рота наша была разбита на четыре взвода (думаю, что теперь это не военная тайна) благодаря чему я попал в четвертый взвод (фамилию командира не помню). Вот фамилии других командиров взводов, как таблицу умножения, а его т.е. нашего, хоть убей, забыл - вероятно от сильной любви к нему. Вся рота его терпеть не могла и за глаза, а порой и в глаза некоторые называли его шпионом, или еще что-то в этом роде. Когда выкрики раздавались из роты (товарищей не выдавали) командир роты только шумел, обзывая нас бандитами (не забывая себя в этом

случае назвать разбойником), а наш взводный крутил пальцем у своего виска, на большее его не хватало. Мы даже хотели ему подарить черную записную книжку и карандаш - так терпеть его не могли (это когда заканчивали обучение в тербате), но вместо этого шутники притащили откуда-то черную лошадку и поставили ее на печку, написав на табличке его фамилию, вот было то шуму и рычания. Правда, это рычание было ослаблено тем, что курсанты других взводов подарили своим взводным стоящие вещи, так что те возмущались только для вида; и дело это было исчерпано, как-то незамедлительно и без последствий. Любимой фразой у моего командира была: “я вам покажу” и он старался показывать это как мог. Наряды в не очередь, гауптвахты раздавались всем без разбора, и всех бы наверное засудил если бы мог, но власти у взводного маловато. Эту, его дурную привычку быстро усвоил помкомвзвод (помощник командира взвода) из курсантов Иверава - он тоже кричал: “Я вам покажу, как надо” с утра и до ночи. Впоследствии его тоже списали. Учился я хорошо, - даже, по строевой, и по уставу получил на первом курсе отлично, несмотря на все нелады.

Наш командир роты уже пожилой, но весьма нами уважаемый человек (ибо к нам он относился очень просто) был в свое время на фронте и носил на своем парадном мундире ряды орденов и медалей, больше чем у него орденов в летной школе я не видел. Но к

образу своего командира я еще вернусь, а пока расскажу об окончании курса молодого бойца.

Ночью нашу роту подняли по тревоге (был октябрь) и вот мы толком ничего не зная, помчались, со скатками, с вещевыми мешками, с автоматами в противогазах и с прочим снаряжением, в ночную тьму в неизвестном направлении. За несколько дней до этого нам насыпали в вещевые мешки песок по 16 кг., (если не ошибаюсь), и говорили о больших тактических занятиях. О мелких я не рассказывал, их было слишком много и тянулись они иногда до вечера. Так вот мы мчались вместе с нашими командирами по городу, а затем по проселочным дорогам или пересеченной местности без единого отдыха, а на пути то и дело взрывались взрывпакеты и глаза туманили дымовые шашки. Наступил рассвет. Мы (оказывается, должны были обороняться) окапывались, растирали ноги, получали сухой паек и осматривались. Местность была объявлена запретной - любопытных не подпускали. Две роты обороняли свои рубежи, две роты должны были вести наступательные бои. К винтовкам выдавали холостые патроны, к автоматам трещотки (самые обыкновенные деревянные, мы их потом детям дарили) т.к. боевыми стрелять было нельзя. У нас из дисков были изъяты все патроны, а то, кто знает, что бы случилось в пылу сражения. А сражение было весьма интересным. Взрывпакеты, дымовые шашки, треск холостых выстрелов и трещоток, взаимное ура!!! (штыков тоже не было) и, наконец настоящее

побоище (рукопашная схватка). Летела грязь, некоторые дрались, уж больно запал был силен. Зазвучал горн отбоя. Присмирившие ободранные курсанты собрались в сборное место. Командир тербата объявил всем благодарность, назвав учения успешными. Были там и другие более высокие чины, но мы их знали еще плохо. Ранен по-настоящему был только один, он из ракетницы выпалил себе в руку. Два, три изломанных приклада, да разного рода синяки и ушибы в счет не шли. Назад шли с песнями строем - но далеко не с боевым видом. Через несколько дней после учения, - присяга.

После присяги жизнь потекла более или менее размеренно. Ежедневно мы ходили в УЛЮ (кроме воскресенья, конечно) изредка в караулы, да время от времени в наряды.

В УЛЮ изучали самолеты и прочее и прочее, да готовились к занятиям, что называлось самоподготовкой. Занимались по 8 часов в день, да плюс 2 часа самоподготовки. Питание было довольно сносным (согласно нормы - 9). В общем, армия есть армия, и я не собираюсь особенно расписывать порядки установленные уставом. К разоблачению Берии отнеслись довольно таки по-мальчишески, за исключением грузин, которых у нас хватало. Суть не в том, что они грузины, или кто либо другой; суть в том, что грузинская молодежь того периода была весьма националистична (кто ее так воспитал) и к русским относилась с презрением. Дисциплина и порядки им особенно не

нравились, да плюс еще злоба, в связи с Берией, - все было похоже на раковую опухоль. Чего только не было: и драки, и стихийные комсомольские собрания, и отчисления из школы...

Часть грузинских ребят жестоко поплатилась за нерадивость, абсолютную безграмотность (в пределах десятилетки) за чреватое опасностью отношение к ребятам других национальностей. Не надо думать, что все грузины были безграмотны или относились с неприязнью к другим, нет конечно, среди них были и хорошие товарищи и весьма умные ребята; но в основном это была нахрапистая и злая масса людей, которых, к сожалению, плохо воспитывали и учили.

Жизнь в основном протекала без особых увеселений и радостей. Я, довольно часто, получал наряды и скреб в коридорах полы, впрочем, этим же занимались и многие другие курсанты нашей роты. Наша рота – первый взвод – самые высокие, четвертый взвод – маленькие. Обычно для проверки мы строились зимой внутри казармы, точно такие же построения возникали по всякому поводу со стороны старшины роты или командира. Бывали довольно-таки смешные эпизоды и многие весьма не подходящие и не подлежащие описанию. Я хорошо помню, как командир роты однажды (ввиду отсутствия добровольцев в хор) в течение получаса мурыжил нас, приказывая поочередно: то первому, то второму и т.д. взводам стать хором. Когда он приказывал: “Первый взвод, два шага вперед – вы хор”, то хохотал четвертый, то-

гда он бросался к нам, и все повторялось в сопровождении его эпитетов, которых у него было превеликое множество. Ничего обычно не добившись, он убегал в канцелярию, крича что-то вроде: “Я не баран... заглядывать в мою канцелярию – равносильно тому, что заглянуть под хвост барану и т.д.” забывая при этом распустить строй, который благополучно расходился сам по себе. В характере этого человека было что-то от Буратино – это касается его верткости и остроумия. Кроме всего прочего он был неплохим заготовителем. Под его непосредственным руководством дневальные курсанты крали по вечерам чужой уголь или доски, а стулья спертые, попросту говоря, в УЛО он прятал на чердаке. Однажды, когда я был дежурным по роте, а рота находилась на занятиях, он приказал мне (опасаясь какой-то комиссии) опечатать чердак. Увы, при всем моем желании этого я сделать не мог. Тогда он распорядился открыть любую тумбочку и достать кусок или кусочек черного хлеба (он хорошо знал, что курсанты часто не ходили ужинать, а другие по их просьбе, приносили им хлеб, масло и сахар), размять его и изготовить печать. Это опечатывание было бесподобным. Он взял у меня и хлеб, и пятикопеечную монету, и белую нитку, а затем хлеб, смятый пальцами, приложил к двери чердака и запечатал монетой, приговаривая: “пусть-ка сунутся... от ворот поворот”. Командир, боевой и заслуженный подполковник под влиянием спиртного, стал безалаберно относиться к дисциплинам и всему прочему,

что от него зависело. На собраниях он говорил: “Наша рота четвертая, а по учебе мы впереди всех... Но по дисциплине мы на четвертом месте, как и положено. В конце концов, надо же быть кому-то на последнем месте”, чем вызывал всеобщий восторг. Он честно брал у нас по несколько рублей (1953год) на газеты, табуретки или там картины, как потом мы узнали, эти деньги в основном пропивались. Когда его уволили из армии за развал дисциплины, то кто-то донес на него (мы уже тогда летали), что он нам всем должен. Был составлен список и мы, зная, что ему теперь не выплатить каждому, простили его старый грех (за исключением той иуды по всей вероятности) мы просто расписывались в ведомости и прощались с ним. Несмотря на то, что он совершил, соотношение его греха к доброте и простоте велико и несоразмерно (да и молодость любит прощать ошибки) так что расставались мы, как это подобает. Он даже плакал. Может быть, и можно назвать подлым, то что я описал. Нет, нельзя. Мы теперь уже не дети, и теперь не 54 год, а 64 год. Теперь к чувству жалости и доброты примешивается чувство справедливости, и если тот, кто будет читать когда-нибудь эту повесть, это сделает – значит, он не поймет сути. Нам не нужны: ни палочная дисциплина, ни сердобольность, нам нужна дисциплина, основанная на логике вещей и молодежь к этому нынче хорошо готовится; да и офицеры теперь уже не те. Не старые заслуги, а умения, знания, подход к делу и конечно опыт – вот основа офицера-

воспитателя. Был у нас одно время комбатом майор Азанов. Так он нас звал сволочью, фашистами, да и многие от него не отставали. А кем он был раньше – этот воспитатель. Он во время войны тюрьмой или лагерем командовал – и жаргон, и методы воспитания оттуда вынес и стал нам навязывать. Я приведу, чтобы не быть голословным, эпизод. Кончался курс теоретического батальона. Устав принимал он – майор Азанов. Принимал один. Распахнув китель, непрерывно куря, посылая курсантов за новыми папиросами (не давая денег) задавал вопросы. Тем, кто много сидел на гауптвахте, ставил четверки или пятерки – они, мол, все знают, богатыри. А тем, кто действительно знал, и кому следовало шесть поставить, ставил тройки или вообще проваливал. Был скандал. Был он, правда, комбатом не долго. Придет время (если жив, буду) буду выводить на чистую воду всю нечисть, а сейчас самому для себя (как говорят для души своей) нет смысла. Армия 1953 года. Множество офицеров малограмотных, много невежества, отвратительное отношение к солдатам, теперь, конечно, уже не так.

Конечно, в УЛО нас обучали грамотные преподаватели – офицеры с высшим образованием, да и относились они к нам как это подобает. Речь шла о так называемых воспитателях – строевиках. Да пусть многие из них не обидятся на меня, офицера запаса с восьмилетним стажем.

Есть, конечно, громкие слова: тяготы, лишения, но нельзя же пользоваться этим. Многие в армии того периода, испытав на собственной шкуре все эти тяготы и лишения, получив хотя бы минимальную власть, норовили тут же ею воспользоваться. Оскорбление за оскорбление не считалось, а ведь из нас готовили офицеров. Так что же потом, будут рукопожатия, любезности; чего доброго по званию новые то выше станут. Былое поросло былью, но следы не стерлись, остались раздумья. (Но дедовщины мы не знали). По воскресеньям или субботам нас водили в кино, (картины были в большинстве своем старые). ”Остров Безымянный”, “Валерий Чкалов” я смотрел, раз по пять, если не больше. Хорошие фильмы, но постоянство (подобно тому, как в столовой висят картины) надоедает.

Учился я, можно сказать, хорошо. Неплохо осваивал различные военно-прикладные науки: аэродинамику, самолетовождение и прочее - словом был средним. Занятия по физкультуре были регулярными, в результате здоровье - хорошим. Там же я начал писать стихотворения и вот эту повесть, которую переделываю бегло с добавлениями.

Все то что мной было написано до армии, а именно: стихи, рассказы, басни я сжег и теперь сожалею об этом, (особенно жалко рассказы) так как многое было бы, по крайней мере, исходным материалом, полуфабрикатом. А сжег я немало. Все, что писалось с 6-го по 10 класс, досталось всепожирающему пламени.

Писал я зачастую и на занятиях и на самоподготовке (если скучно было - там все равно сидишь, но ничего не слышишь) и по вечерам, и в основном для ребят по заказу, что, конечно, (заказы) не заносил в тетрадь. Много из того, что писал и заносил в сборники, позднее уничтожил как сырое и ненужное, как пустое и лишнее, как детское и наивное; многое переделал.

Промежуточные зачеты старался сдать только на 4 и 5 и вообще забыл слово: неуспеваемость.

Нам, курсантам, довольно часто приходилось нести различного рода наряды и караулы. Бывало: ходишь вокруг объекта - все окна и двери, и печати - все сто раз пересчитаешь. А объект то сам иногда непутевый, не только ночью - днем не полезут, обидно даже, но служба - есть служба.

За месяц до праздников наступило всеобщее оживление, т.е. нас начинали тренировать часа по 2 в день, ежедневно, пока подошвы сапог выдерживают. Потом в день праздника торжественный марш по городу, а потом кинофильмы. Выпивать - выпивали, но тайно или в увольнениях. Были у нас и такие что называется забулдыги, но их отчисляли без зачета срока службы из школы.

Я довольно подробно останавливался на чертах характера некоторых офицеров, о курсантах... Но это по-моему, необходимо. Были и у меня свои друзья и недруги. Хорошо помню: Белошапку - партнера по танцам в казарме, шутника и порядочного «бездельника». Его сократили (уволнили в запас) еще зимой в

1954 году; Павловского Вовку - азербайджанца по национальности, мало примечательного в настоящем человеке, шутника и порядочного хулигана подозревавшегося даже в воровстве; Сашку Ершова - отличника и доносчика (как его у нас считали), которого как-то ночью по этому поводу избили, и он не выдал никого из нападавших, так что доносчик он был весьма сомнительный, просто фантазия и злость одних к другому; Жору Горшкова - высокого живого парня (как он попал в наш 4-ый взвод - удивительно, впрочем было их высоких два или три парня) но о нем позже.

Были у меня и довольно близкие друзья: Жора Демченко и Дмитрий Косенко. Вот для Демченко я и писал длинную поэму, а он ее отослал девушке. Вообще он у меня все переписывал из написанного. Знаю, что он был в Венгрии в 56 или в 1958 году; знаю, что был под Ленинградом, когда он летал на Мигах; сам его видел, в гостях был; но потом донеслась весть, что разбился – правда ли это? Позарастали стежки - дорожки, забылись друзья–приятели; только фотографии да воспоминания – вот и все, что осталось от прошлого.

Подошла весна. Какое оживление она вызвала, какая радость обуяла курсантов. Вместе с зеленью приходит конец ожиданиям окончания учебы в теоретическом батальоне. Хватит – пора летать. Да, пришла пора сдавать переводные экзамены в полки. Быстро летели дни экзаменов. Что такое чист-

ка оружия, что такое строевая – забыли курсанты. На аэродром. Летать. Целые дни разговоры о летчиках, самолетах, о полетах.

Бывали, правда, в гостях у нас и Герои Советского Союза, и летчики из полков – много они нам рассказывали, но самим попробовать, что за вещь – воздух, другое дело.

И вот наступил долгожданный день. Нас посадили на машины мы навсегда попрощались с Тербатом первого курса. Вся дорога прошла в полном благополучии, с каким-то диким ожесточенным весельем.

ГЛАВА 3 ЭСКАДРИЛЬЯ

По приезде на аэродром, нас встретило новое полковое начальство: командиры эскадрилий, звеньев и просто инструкторы. После размещения в приаэродромной казарме (мы попали в 3-ю эскадрилью), нас разбили на группы и звенья. В нашу группу попало шесть человек – по росту все примерно одинаковые.

Инструктор наш, такой же, как и мы, маленького роста, младший лейтенант по званию, оказался весьма веселым и деловитым человеком. Во время войны он летал на По-2, затем на штурмовиках, а потом был демобилизован. Работал где-то на заводе до поры, до времени; а когда понадобились новые инструкторы, был снова призван в армию. До нас он успел выпустить две группы курсантов, так что такие как мы были ему не впервой. Он долго и обстоятельно беседовал с нами и о нас и о полетах. Говорил, что если кто боится летать или не хочет – пусть сразу скажет, лучше сразу быть отчисленным, чем потом; по крайней мере меньше обид. Он рассказывал нам: о своих предыдущих курсантах; о том, что они были высокие ребята, не как мы или он; о том, что была катастрофа и один из курсантов погиб, а он по воле случая отделался госпиталем; о том, что ему

из-за этого задержали звание и он до сих пор младший лейтенант.

Мы слушали его порой с восторгом, порой с замиранием, но романтика и молодость презируют опасность. Желание научиться летать владело всеми нами,- вот почему все выразили желание остаться в группе. Был мой инструктор человеком чутким и отзывчивым, никогда зря не ругался, не раздавал наряды и т.д. Фамилия его Лобанов.

Началась новая учеба. Конечно, задолго до того, как начать летать, мы неоднократно бывали на самолетах, учили их материальную часть, двигатели; знали наизусть кабину пилота; учились покидать самолет, правда, пока без парашютов. Но это было совсем иное, совсем иное, чем каждый из нас представлял себе в УЛО.

Первый полет в зону. Это такой полет, когда самолет направляется в определенный район, где пилот отрабатывает технику пилотирования не заботясь о том, что помешает другим, т.к. другие тоже уходят в свои зоны, расположенные в разных сторонах аэродрома. На сей раз, эта зона была только показательной. Когда мы взлетели, инструктор (послав машину в набор высоты, то и дело разворачивая ее; это был полет по кругу с набором высоты; но тогда этого я не понимал, для меня это был просто первый полет), спросил меня: «А ну-ка покажи, где аэродром?»

Внизу лежала земля приветливая и зеленая, усыпанная садами и домиками деревень, разбитая на различные угольники, квадраты пашни почти правильной формы. Павлоград я нашел, но аэродрома не заметил. «А ну посмотри вниз с левой стороны», - Сказал инструктор. Я глянул и увидел под нашим самолетом весь ковер аэродрома с маленькими, зелеными Як-18. Инструктор заулыбался. Он сидел в задней кабине, а в передней, как полагалось, сидел я.

«Теперь я посмотрю, какой из тебя получится летчик», - сказал он, и машина, следуя его велению, воле стала выполнять различного рода фигуры.

- Ничего, выдержал, как самочувствие?

- Нормально?! Только я ничего не понял...

- Позже поймешь.

Позже я действительно стал понимать. Научился видеть все приборы в кабине самолета; научился держать машину прямо без кренов в полете; научился пилотированию, - но это было позже.

Первые полеты давались довольно трудно. Мы постепенно осваивали все новые и новые упражнения, завершение которых проверял, иногда, командир звена (Весьма нервный человек, бывший летчик – истребитель), Андрианов. Вел он себя нетактично и грубо с курсантами, особенно в воздухе. Во время полета на голову проверяемого, в том числе и на мою, обрушивался поток площадной брани; сыпались наряды и прочие угрозы, как из

рога избытия. На земле он был намного скромнее, и даже, казалось, забывал все угрозы. Несмотря на то, что он переводил меня на другие упражнения, я в конце концов заявил инструктору, что летать на проверку с командиром звена больше не буду, так как слушать сплошной мат было выше моих сил. Я получил довольно большое количество полетов, прежде чем меня выпустили лететь самостоятельно. В основном на первых порах мы отработывали взлеты и посадки, и все то прочее, что необходимо в полете по кругу. В честь этого полета я сложил стихотворение «Полет по кругу», что чрезвычайно понравилось моему инструктору и он заставил меня читать его вслух собравшимся инструкторам эскадрильи. Вслух читать стихи мне приходилось и много раньше, например в школе, затем в Тербате, где в Ленинской комнате собиралось до полуроты курсантов, и я, стоя на столе, читал то или иное собственное сочинение. Здесь же была более серьезная аудитория, и стихотворение слишком напоминало инструкцию, но не смотря на это на меня обрушились похвалы. Им оно понравилось больше, чем мне тогда, тем более сейчас. Имеется ввиду время написания повести. Впрочем, оно сохранено мною как памятное, но не подлежащее публикации, как и очень многое другое.

Привожу из него, для любознательных, одно четверостишие:

На гашетку нажать не забудьте,
Запросите, как следует, взлет.
Посмелее, внимательней будьте -
Начинается новый полет.

Между тем мы занимались не только полетами, мы драили самолеты – чистили до блеска, помогали авиамеханикам и авиатехникам по мелкому ремонту, ходили в наряды, в караулы – словом казарменная жизнь продолжалась во всем своем разнообразном великолепии. Ребята стали дружнее, особенно в группах. Прекратились случаи воровства. Помню, как в «Змятнике», ребята хотели повесить на алюминиевой проволоке вора, пойманного с личным, и они бы, пожалуй, использовали эту затею, но я им помешал. Я сам снимал с его шеи проволоку, кричал: «Дураки! Сами под суд пойдете!» Затем его передали по назначению и он исчез. Вообще воровство в 1953 году было довольно распространенным явлением. В казарме в Тербате то и дело исчезали часы, деньги, и воров иногда удавалось подкараулить. И тогда был смертный бой часа в два или в три ночи, а потом, обычно, такого человека выгоняли. В эскадрильи всего этого не было.

Нам выдали шлемофоны, планшеты с картами, навигационные линейки, ветрочеты и прочее оборудование, так что мы ходили на заправских летчиков. Летали в комбинезонах. Первое время

слово «эскадрилья» употреблялось везде, где только можно было, затем пыла поубавилось, и слово стало употребляться только по назначению. Строевины было намного меньше, так как за порядок отвечал инструктор, а старшина эскадрильи занимался хозяйственными вопросами больше чем нами, а заместитель командира по строевой части, капитан по званию, тоже относился к своим обязанностям даже скромнее, чем это положено. Увольнений, конечно не прибавилось, но все-таки иногда отпускали. Довольно часто показывали кинофильмы «в летнем кинотеатре», как мы называли место просмотра. Во время показа фильмов к нам собирались гости из близлежащего района города – в основном дети, старики и старухи, и ясное дело девушки. Был у нас заместитель командира полка по летной части подполковник Худяков, - так он зачастую разгонял с помощью нашей силы пришельцев весьма бесцеремонным образом. Он говорил: «Или вы их разгоните, или не дам смотреть кинокартину. Вообще он с лихвой заменял всех строевиков. Имеются в виду строевики из пехоты. Иногда он самолично устраивал проверки или прогулки, которые являлись сущим «адом» по части воспитания курсантов.

Летали мы обычно либо с шести часов утра, либо с двенадцати или двух часов дня, т.е. в первую или во вторую смену. Одна эскадрилья летает, а другая готовится к полетам. Подготовка к полетам

занимала довольно много времени. Каждый день проводились занятия (всей эскадрильи), курсантов с инструкторами по предварительной подготовке в специальном для этого месте. Инструктор вызывает то одного, то другого курсанта из группы и задает какой-либо вопрос, на что требуется обстоятельный ответ. Причем у каждой группы была, определенного вида, бутафория (если так можно выразиться), старта, включая маленькие самолетки. Все объяснения должны были подтверждаться примером с помощью вот этих самых моделей самолетов, и если что было не так, то инструктор может быть в десятый, а возможно и в сотый раз начинать обстоятельное объяснение. Мои описания мало чего дадут несведущему в авиации, а тому, кто разбирается покажутся излишними. Ну, пусть будет так – пишу для компромисса.

Незадолго до вылетов нас подготовили к прыжкам с самолета. Мы, сами, укладывали парашюты в чехлы под руководством инструкторов-парашютистов, и проходили длительную тренировку на специальных снарядах. Во-первых, мы научились теоретически приземляться, так как на физкультуре прыгали с двухметровой вышки, зажимая палочки в коленях и в ступнях в положении полуприседания; во-вторых, мы учились управлять стропами парашюта на специальных веревках, т.е. могли изменять направление снижения, делать повороты; в-третьих мы уже, как я говорил

раньше, прыгали правда на крыло стоящего на земле самолета. Специальной тренировочной вышки у нас не было. Это не такая вышка, которую можно увидеть в иных парках. В парках спускают мнимого парашютиста со скоростью два метра в секунду. Я вкратце опишу устройство настоящей тренировочной вышки. Во-первых, она несколько ниже тех, что стоят в парках; во-вторых у нее нет подвешенного парашюта, но зато есть хорошо смазанные два троса и подвесная система, состоящая из ремней прикрепленных к тележке, которая скользит с помощью роликов по тросам; в-третьих скорость снижения не меньше пяти-шести метров в секунду и так далее. На такой вышке я много тренировался в Кировограде, но был уже второй курс и я летал на Ли-2.

Наши прыжки то и дело переносили, а у меня на беду на шее возник фурункул от занятий борьбой. Ребята смеялись, что я землю вижу все время, потому что у меня не было особой надобности переносить свой взгляд, как это положено, с тридцатиметровой высоты влево вперед на землю. Медики летать разрешали, а прыгать с самолета с парашютом, нет. Но я все-таки добился разрешения. Прыгали мы с самолета Ли-2 при скорости от ста восьмидесяти до двухсот километров в час. Прыжки прошли благополучно. Тогда мы прыгали с парашютами ПД-47, имеющими большую площадь купола. Я приземлился довольно удачно, но ветер

рванул опустившийся купол и в результате мой нос оказался расквашенным. Нам тут же поле вручали значки парашютистов. Конечно, не обошлось и без казусов. Один из курсантов попросту испугался и не захотел покидать самолет; так его инструктор парашютно-десантной службы просто вытолкнул.

Другой случай, ну этот просто смешной – у Сашки Ершова сапоги с ног слетели и портянки тоже от динамического удара при раскрытии парашюта, так что он босиком приземлялся.

Полеты продолжались. Были свои радости и неприятности у каждого. Особо провинившегося курсанта инструктор обычно наказывал, так: этот курсант должен был сопровождать самолет, держась за крыло при рулении. Собственно говоря, это было обязательным в случае усиления ветра, так как самолеты Як-18 маленькие и легкие, а курсант, держа за крыло, помогал при разворотах. В сопровождении соблюдалась очередность, но как я уже говорил были и исключения. Но ведь скорость руления бывает разная... И вот смотришь порой, как мчится курсант, держась за крыло. Жестоко доставалось Горшкову, о котором я упоминал выше. Его инструктор - здоровенный, двухметровый, девятипудового веса детина, за что-то невзлюбивший нескладного высокого парня (Горшков оказался впоследствии больным, у него признали туберкулез),

заметно издевался над ним, чем вызывал упреки других инструкторов.

Наша группа была довольно дружной. В ее состав входили: Демченко, которм я писал выше – он же был и старшим в группе; Сашка Титов – инвалид «третьей мировой войны», как мы его все звали. Был он парнем не плохим, но с придурью и любил выпить. Говорят, его за пьянку впоследствии разжаловали в младшего лейтенанта и уволили из армии; Мгеладзе – спокойный паренек, без националистических задатков, в отличие от некоторых из грузин. Его списали в запас из истребительного училища – причина мне неизвестна; Швейкус, кажется литовец, отличавшийся особым свойством человек – он говорил так быстро, что никто ничего не понимал, даже в УЛО преподаватели порой ставили ему пять, лишь бы скорей кончал твердить несколько фраз со скоростью звука в течение получаса, впоследствии он заболел дизентерией и по слухам окончил штурманское училище; пятого паренька плохо помню, по моему Бреславский – он был слишком болезненным и потому его быстро списали из армии; шестым, как вы догадались, был я. Но это не все. В нашу группу входил механик самолета из числа старослужащих, закончивших школы младших специалистов, и оставшийся на сверхсрочную службу. Во главе нас, как я уже говорил, был добрый и отзывчивый летчик – инструктор младший лейтенант Лобанов.

Где-то осенью ему присвоили лейтенанта и мы приходили к нему и он к нам с поздравлениями друг друга, так как мы были снова в Тербате, и, заканчивая государственные экзамены готовились в отпуск, а за тем в различные авиаучилища.

Где-то сейчас мой былой и первый инструктор, что во время полетов по маршрутам в конце программы обучения мурлыкал:

«Люблю я летом с удочкой на бережку сидеть»... и нисколько не вмешивался в правление. Как никак десяток лет прошуршало.

Самой трудной из фигур высшего пилотажа был, конечно, вираж, но тогда нас еще не учили остальным фигурам за исключением штопора и виража. Штопор – сколько костей на земном шаре, благодаря ему. На одних машинах он безопасен, так как можно вывести машину из него, на других он вообще был запрещен. Мы же учились вводить самолет в штопор и выводить из него, ибо это было продиктовано необходимостью и кровью.

О штопоре и его изучении написано довольно подробно в различных книгах и учебниках; но я, несмотря на то, что любил его больше всех из фигур, задержусь только на одном из видов штопора, а именно на плоском, из которого вывод практически невозможен, по причине затенения всех рулей от набегающего потока воздуха. И добавлю, что знаю только об одном случае вывода из плоского штопора бомбардировщика Ту-16 майором Ка-

заковым, за что им было получено высокое звание Героя Советского Союза.

Вираж самая трудная фигура, потому что в ней надо и скорость, и крен, и высоту держать постоянными, и выводить самолет там, где и вводил. Мне особенно трудно давались в зоне пилотажа глубокие виражи, то есть виражи с большим креном. У меня почему-то самолет зарывался носом или стремился уйти вверх и вираж мой походил на замкнутую кривую в различных плоскостях. В ходе дальнейшего обучения я сумел все-таки овладеть этой фигурой, и не только не зарывался, и не срывался с него в штопор, как раньше, а наоборот он у меня стал ровненьким и гладеньким как кошачья шерсть.

Приближалась пора самостоятельных вылетов. Один за другим курсанты заканчивали подготовительную программу к самостоятельным полетам, правда пока еще по кругам; проверялись командиром эскадрильи или более высокими лицами, и выпускались провожаемые добрыми напутствиями всех и вся.

Подошла и моя очередь. Меня проверили, разрешили. Наступил долгожданный день десятого августа. В задней кабине вместо инструктора находился привязанный мешок с песком, для центровки, а в передней я. Все было хорошо в тот день. Солнце ласкало золотистыми, разливающимися по

всему миру, утренними лучами крылья моего Яка. Тишина. Безветрие. Последние напутствия.

Вот я и готов. Выруливаю, запрашиваю разрешение на взлет... и взлетаю. Я был один в этом прекрасном мире, сбывшейся мечты. Только теперь я чувствовал, что самолет подчиняется только моей воле, моим желаниям. Только тогда я убедился, что управляю сам, а ведь когда были вывозные подлеты курсантам, всем без исключения, казалось, что управляет в основном инструктор, а такие мысли особенно терзали курсантов при выполнении посадки. Итак, я, совершив свой первый самостоятельный полет по кругу, затем второй – оба успешно, радостный, счастливый, возбужденный, переполненный чувствами без усталости пожимаю руки товарищей, тянувшиеся отовсюду.

По традиции каждый, вылетевший самостоятельно, курсант покупает папиросы, так называемые «вылетные» и угощает ими всех курсантов, а инструктору, командиру звена, другим командирам, руководителю полетов, механику самолета дарит по пачке таких папирос. Так что и мне, некурящему, пришлось в эти дни накуриться до одури.

Дальше дело пошло быстрее. Мы сначала с инструкторами, а затем самостоятельно осваивали высший пилотаж, учились летать строем, «ходили» по маршрутам. Хорошая машина Як-18. Почти все фигуры выполняет, разве что восходящий штопор, да восходящую бочку сделать мощи двигателя не

хватало, и еще добавлю, что все выполняемые на ней фигуры были также штопорного характера, т.е. отличающиеся от полностью управляемых фигур. Но повторяю, все это зависело от сравнительно малой скорости и небольшой мощности двигателя. В более поздние времена, тренируясь на другой разновидности этого самолета Як-18А, с более мощным двигателем и носовой передней стойкой, я полностью постиг выполнение управляемых фигур.

Еще с самого первого полета инструктор показал мне бочку – двойной переворот через крыло, но что и как, я тогда ничего не понял. Видел землю, потом небо под разными углами – голова моя моталась туда сюда – затем все было в первоначальном положении.

Но с той поры прошло уже много времени и мы уже кое в чем разбирались сами. Мы выполняли боевые развороты (разворот на 180 градусов с набором высоты); петли Нестерова (так называемые мертвые петли – самые простые фигуры); полу петли (иммельманы – фигуры подобные петле, только с переворотом в верхней точке в нормальное, обычное положение – это сложная, очень сложная фигура); перевороты через крыло; повороты на горках; штопоры; виражи; скольжение на крыло и т.д. Обычно фигуры выполнялись каскадами, то есть несколько фигур одна за другой в непрерывном цикле.

Помню, еще выполняя самостоятельную зону с задачей на перевороты через крыло, с последующим выходом из пикирования, я решил попробовать петлю Нестерова, которую тогда еще не делали. О ней я слышался еще в детстве, затем испытал ее в показательном полете с инструктором, а вот теперь без тренировки и разрешения решил сам попробовать. Петля получилась. Я выполнил еще несколько раз эту фигуру, но затем, когда прилетел на аэродром, получил выговор, за то что выполнял не то упражнение... Дело в том, что зоны наши находились в 20 – 30 километрах от аэродрома,; фигуры выполнялись на высоте 1500 метров, не ниже, а за нами следили, специально выделенные из группы курсанты, каждый за своим самолетом, так как они летали в нескольких зонах, и кроме того инструкторы и руководитель полетов.

«Петлю» – говорил инструктор, - «Делать всегда научишься, а вот вираж или боевой разворот научись делать, а то блин комом выходит. Замечание было справедливым. Хорошо, что только инструктор заметил. Курсант бы только доложил тогда, когда я бы в чужую зону влез, или снизился бы сильно, или бы вообще стал удаляться от аэродрома, а так ему все равно, что я делаю, лишь бы он меня видел, но если бы заметили командиры звена или эскадрильи, или РП, то не миновать бы

мне нарядиков или отстранения от полетов дней на пять. Самое обидное наказание.

Все полеты обычно проходили успешно, без всяких происшествий. Я хорошо рассчитывал и садился только у «Т» - посадочного знака – место приземления на три точки, т.е. одновременно всеми колесами, как учили, за что нередко хвалили. Но и у меня бывали неприятности. Однажды в зоне, выполняя полупетлю, я потерял пространственное положение, и никак не мог сообразить, что же это такое? Конечно, это длилось считанные мгновенья и я ощутил и затем понял: самолет в штопоре и немедленно вышел из него. Повторяю: штопор был моей любимой фигурой, и я обычно заканчивал пилотаж штопором – мне разрешали, а потом уже запрашивал разрешение на выход из зоны, вход в круг и заход на посадку. Об этом случае я, конечно, доложил инструктору. Но сейчас не помню, к какому выводу мы с ним пришли.

Второй случай, произошедший у меня был, можно сказать, не менее серьезным, а более, так как при посадке прокололась покрывка, вследствие чего колесо рассыпалось, и мы потихоньку разворачиваясь, остановились. Хорошо, что полет был с инструктором. Он сразу понял в чем дело. Оказывается из земли торчал малоприметный штырь. Затем всем звеном мы тащили самолет на стоянку. Вообще были у нас и более серьезные случаи. На каждом самолете есть посадочное устройство – оно

гасит скорость и увеличивает подъемную силу крыла. И название ему – посадочные щитки. Так вот, если их выпустить, то самолет как бы затормозится и вспухнет, а убрать – скорость увеличится и самолет просядет на несколько метров, а может и до десятков метров. Выпускают щитки перед посадкой, убирают затем только на земле, или на достаточно большой высоте, чтобы самолет проваливаясь не стукнулся о землю. Так вот один из курсантов, летая с комэском, по какой-то причине убрал щитки, и самолет достал таки землю. Только благодаря опыту командира эскадрильи, который дал газ до «отказа», катастрофа была предотвращена. Самолет сел не долетая «Т». Комэска сказал курсанту примерно так: «Кто хочет жить, тот должен жить, а у меня семья, а такие посадки – верная гибель. В общем, впечатление было сильным. Этот парень считался слабым в смысле знаний и техники пилотирования, и его после отчислили. Не подумайте превратно, что это была месть. Нет, он и в тербате считался весьма туповатым, но уж был тихий, тихий, из-за этого раньше не исключили. Была еще одна неприятность. Один из курсантов после посадки заруливая на линию предварительного старта, каким-то образом развернулся прямо на квадрат – место где находились курсанты, РП, и инструкторы – все свободные на данный момент от полетов, кроме РП, там же и кормили стартовым завтраком. Квадрат имел ограждение в

виде красных флагов. Все бросились кто куда. Одни прочь из квадрата, другие попрятались за автомашины, а он на малой скорости, срубая винтом все что попадалось на пути, успешно продвигался к столику командира эскадрильи и хронометражистов. Один из инструкторов не растерялся, успел вскочить на крыло, и так как кабина была открыта выключил зажигание. Мотор заглох. Винт оказался не поврежденным, хотя и перерубил несколько флагов. По какой причине не выключил зажигание сам курсант, по какой причине зарулил в квадрат, так и не было выяснено. Сам он был напуган в высшей степени, и некоторое время не соображал, что ему говорят, о чем спрашивают. В конце концов его отстранили на десять дней от полетов, но потом допустили снова.

Учеба на аэродроме подходила к концу. Наша группа закончила программу обучения сравнительно рано, а потому пришлось почти целый месяц ждать сдачи зачетов по технике пилотирования. К этому времени каждый знал о каждом, кажется, все. В самом деле, сколько совместных подготовок, сколько ожиданий, сколько собеседований под крылом во время солнцепека.

Стоял октябрь. Мы приступили к сдаче зачетов. День выдался теплый, солнечный. Всем курсантам выдали новые комбинезоны, а инструкторы давали и давали бесконечные последние советы, так как проверялись не только мы, но и они, как впрочем,

езде. Если курсанты, чьей либо группы покажут плохие результаты, то что скажут инструктору, отсюда волнение их было понятным. Из разных училищ съехались летчики, чтобы проверив нас, определить возможность дальнейшей учебы, чтобы дать направление либо в истребительное, либо в бомбардировочное, либо в штурмовое училища. Именно они, а не наши, являясь, как бы инспектирующими и экзаменующими вместе, определяли наши дальнейшие судьбы.

Наступил и мой черед. Полет в зону. Я волновался и в результате, как мне показалось, полет был наихудшим из всех, что выполнял раньше. Правда, перерыв в полетах составил у меня около двадцати дней, а это кое-что значит для таких птенчиков какими мы являлись. Все шло сначала хорошо, а вот на переворотках, которые, казалось, отработал лучше нельзя, засыпался. В общем, по зоне, я заработал четыре, а она-то и играла главную роль в общей оценке, несмотря на то, что по кругам получил пятерку.

На этом с Як-18 было покончено. Теперь оставались выпускные экзамены.

ГЛАВА 4 ОКОНЧАНИЕ

Отшумели разговоры, отревели свое моторы. Наступили экзамены, которые пролетели незаметно и в целом успешно. Затем наступило томительное ожидание отпуска, в который мы должны были уйти до 7 Ноября. Кстати и в перерыве между завершением программы и летными экзаменами, после выпускных экзаменов нам дали значительный курс в УЛО по самолету Як-11, который являлся учебно-переходным истребителем, но только упоминаю об этом, потому что летать на нем не пришлось. Нас не отпускали в отпуск из-за того, что хотели сначала отправить по училищам. Начались тоскливые дни. Праздники прошли скучно. Спали, сколько хотели, оправдывая поговорку: «Солдат спит – служба идет». Но вот пришло долгожданное известие, о том что в ближайшие два-три дня нас отправят из школы в отпуск, а не в училища, как того хотело начальство, а из отпуска мы поедем сами по новым адресам. Моим назначением было бомбардировочное училище, в котором впоследствии я и учился. Это известие произвело переполох в курятнике. И началась торжественная подготовка к отбытию из «тихой гавани»

Все не нужные конспекты предавались огню. Прощальный костер без дров, да разные многоголосые песни были последним даром в знак благо-

дарности Павлограду – городу, где мы слегка оперились... Песням и шуткам казалось, конца не будет. Подумать только: еще одна ночь. Кто спал? Разве было до сна. Оживление, возбуждение курсантов, сделало казарму похожей на пчелиный улей, непрерывно гудящий и чем-то встревоженный. К утру шум утих. Утром, против обычного, команды: «подъем» не последовало. Курсанты вставали по собственному желанию, зная, что теперь их ждет целый месяц вольной жизни. Прямо с утра стали выдавать стипендию в новых ценах – 15 рублей, продовольственные аттестаты и облигации (мы тоже подписывались на займы), словом все то, что обозначало полный расчет со школой. Я был удивлен в это утро собою. Куда девалось мое хладнокровие, спокойствие. Я, как и многие другие, чего-то бегал, чего-то искал, не находя себе места.

Я попал в первую группу отъезжающих. Подошло время отъезда на вокзал. Начались продолжительные рукопожатия, записывания адресов и т.д. Подошла машина. Погрузив свой чемодан и вещевой мешок, еще раз попрощался с товарищами. Через несколько минут мы на вокзале. Там нам выдали билеты и отпускные и отпускные удостоверения. Опасаясь, что курсанты перед отъездом напьются, начальство приняло меры, то есть решило своевременно обезвредить привокзальный буфет, в результате там, кроме лимонада, других напитков не оказалось.. Подошел поезд... и как всегда, ко-

гда люди торопятся, то забывают о некоторых вещах.

Так и сейчас. Наше начальство в спешке забыло поставить на билеты номера вагонов, в которых нам надо было ехать, в результате чего нас никуда не пускали. Надо было что-то предпринимать. Один из наших пролез между вагонами на переходную площадку, кое-как раздвинув соединительный шлейф (или как он там называется?), и открыл двери в тамбур одного из вагонов; другой тамбур не открывался. Кое-как, наспех, погрузив свои чемоданы, мы полезли туда... и набилось нас там более десятка.

Поезд тронулся. Мерно застучали колеса. Прощай, Павлоград! Радостные и довольные мы мчались навстречу будущему.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Отпуск мой закончился, как и все прочее. Затем закончилась и учеба в Кировоградском летном училище. В 1956 году по первому сокращению армии ушел в запас со званием лейтенант. Конечно, летал еще, но уже по призывам в 1957 и 1958 годах на реактивных бомбардировщиках ИЛ-28 в качестве командира. Работал, где только мог. Получил целый ряд профессий.

В 1959 году поступил на работу в Гражданский Воздушный Флот. Работаю на вышке в одном из аэропортов нашей страны, задача моя: управлять полетами, и я руковожу, как могу и умею.

Я знаю множество летчиков с различной биографией, различных по возрасту и летным данным. У меня много новых друзей и знакомых. Но у меня практически нет никаких связей со старыми товарищами по Павлограду. Мои товарищи по Кировограду, где учился после почти два года, тоже разбросаны по разным краям и весям страны. Большинство из них, как и я, были демобилизованы. Многие летают. Некоторые из них сейчас командиры больших турбовинтовых лайнеров. Суть не в этом. Суть в том, что жизнь в Павлограде и Кировограде поставила перед всеми нами задачу: определение места в ней, отношения к ней, к товарищам, вообще ко всему тому, что нас окружало и окружает. И мы, я подразумеваю наше поколение, нашли свое место. Мы живем в новом

и строим это новое соответственно своим силам, не зависимо: на каких бы высоких или низких постах не находились. В этой повести много чего опущено, и кроме того я сознательно не рассказывал о том, что всегда волнует молодых людей, о любви, которая, может быть, коснулась и меня взмахом своих крыльев. Я выражал эти чувства в стихотворениях, которые, конечно, пишу и сейчас. Я числюсь в запасе и прохожу летные медицинские комиссии, кроме летно-диспетчерских комиссий, которые я проходил в превеликом множестве и в годы моей молодости, но о которых не упоминал. Конечно, я сейчас сравнительно молод – мне всего лишь тридцать лет, но когда человеку перевалит за это жизненное число, начинается переоценка своих взглядов, хотя, впрочем, далеко не всех; и отношений в былом.

Собственно говоря, повесть была начата в 1954 году и окончена в 1955 году, во время учебы в Кировограде, но она больше походила на малопригодные наброски, так что я взялся ее переделывать, убирая очень многое и вставляя иное, но правдивое, что меня сейчас затрагивает намного больше, чем тогда. Можно сказать, что и сейчас повесть больше походит на автобиографический очерк. Что ж, я сам это хорошо понимаю, а впрочем, я и не старался создавать художественное произведение. Возможно, пройдут годы и я снова займусь перекройкой и обработкой этого полусы-

рого полуфабриката, вставляя в него лирические отступления, убирая сухость и всевозможные неясности. Но дело в том, что мною задумана другая работа, повесть «Будни», в которую часть материала из этой повести обязательно войдет, но в другом виде.

Декабрь 1964 года

PS: К сожалению рутина жизни поглотила и меня, и повесть «Будни»- осталась лишь в проекте, и в начальных набросках. Перепечатывая рукопись 1964 года, я практически почти ничего в ней не изменил.

Декабрь 2003 год

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «СВЯТОЙ ТРОИЦЫ»

Философская повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «ПОДВИГИ»

ГЛАВА 1

ПОВЕСТВУЕТ О СОВЕЩАНИИ «ТРОИЦЫ» В ПИВНОЙ И ВЫЕЗДЕ ЕЕ К МОРЮ

В небольшом городке, затерянном в хаосе географической карты, благоденствовала, временно проживая «святая троица», состоящая, естественно, из трех лиц мужского пола, однако, не имеющих ни имен, ни фамилий; но поскольку этот вопрос касается соответствующих организаций, а не нас с вами, то мне остается только добавить: герои наши имели прозвища, соответствующие их темпераменту и духу; о чем, впрочем, я расскажу ниже.

В настоящее время, поскольку речь идет о настоящем времени, Эта, так называемая, «святая троица», возможно, живет где-нибудь или процветает, но в то, удаленное от нас календарным исчислением, время, она находилась в той самой пивной; да, да, именно в той самой пивной, в которой людей поили всевозможной отравой и подавали весьма мизерные порции закуски, основательно

вытряхивая, между тем, их карманы. В этой пивной, отличавшейся от других более грязными обоями, но сходной по темпераменту мух, гнездившихся на вершинах бесконечно размноженных картин олицетворение современных столовых; собирались, вероятно, со времен мудрого царя Соломона, дымя невообразимым разнообразием сигар, весьма сомнительные субъекты или подозрительного рода личности, в число которых входили наши герои. Никто не знал и не ведал существования их пребывания, не только в самом городке, но и в пивной, хозяин которой заботился лишь о благополучии своего кармана; да повышал, простите «образование» свое, выслушивая различного рода басни или сплетни, которыми и ныне не так уж беден свет белый. Итак, наша «святая троица» избрав местом удовлетворения своих физических потребностей эту пивную, как я уже говорил, никого не интересовала; но, если бы люди обладали провиденья или ясновиденья, как, например, теперь в эпоху ракетоплавания в городе «Париже», то они бы, конечно, узнали, что эти трое «знаменитые» путешественники и вечные кочевники, ведущие славную до странности жизнь. Все трое имели малораспространенные прозвища, и вот, чтобы читатели не «ломали» головы свои по части изобретательства (клянусь последней рубахой, в невозможности угадывания), я назову их: среднего, действительно среднего по росту, и по видимому, «заводилу»

звали за способность быстро уносить ноги от горячих углей «Гончим псом»; высокого, могучего телосложения парня «Ломовым извозчиком» – он приобрел свое прозвище благодаря своей прежней профессии, выбранной по уму в лучшую пору своей жизни; и, наконец, самого маленького по росту и трусливого, суетливого, вечно сующего нос, не только в замочные скважины, но и в пустые бочки, «Маринованной селедкой». Итак, они сидели в пивной и гадали на «кофейной гуще», о той жизни, которая предстояла им в будущем.

Давным-давно, откомандированные в далекое путешествие, проедая чужие денежки, ждали они извещения от своих хозяев: по части убытия на неведомый еще цивилизованному человечеству архипелаг «Держи карман шире». Торговый дом «Ограбиловы и компания», находясь в одной из развитых стран, старался обделывать свои темные делишки в тишине и спокойствии, а поэтому имел свои собственные корабли и команду отчаянных, набранных в различных притонах, матросов во главе с капитаном «Виселица» и помощником «Петляна-шее». Подлинные имена этих героических людей остались неизвестными любознательному человечеству; но и они и их экзальтированные матросы наводили ужас на мирное население тех мест, которые были предписаны им в качестве стоянок. Архипелаг «Держи карман шире» являлся чем то вроде Атлантиды, но находился по пред-

положению ученых, защитивших диссертации на докторов различных наук (один из них являлся наизнаменитейшим исследователем петушинных бородак), на другом конце земного шара, в одном из океанов, упомянутых в географии для пятого класса образца 20го столетия.

Один из моих знакомых, достигнув весьма зрелого возраста, с усердием изучает, как ее (географию для пятого класса), так и проблемы кибернетики, и, уверяю Вас: хор девушек из «Аскольдовой могилы» Верстовского не потерял своего значения от его достижений. Но поскольку кибернетика в те времена была не совместима с деяниями торгового дома «Ограбиловы и компания», а сам торговый дом мог выбросить кучу денег, как на прогулку для увеселения, так и на прибыльное путешествие по земным океанам, лишь бы нашлись любители тех или иных странствий или приключений, то и география (Америка уже была открыта), особенного значения не имела, как для него, так и для нашей «святой троицы», берущей от жизни все, что можно.

Однажды, когда они беззаботно проводили очередное заседание по опустошению бутылок, в пивную пулей влетел курьер, и вручив им важную депешу срочности «Молния», так же незамедлительно вылетел, так что завсегда и рта раскрыть не успели; вот почему хозяин, не доливая очередную порцию пошла одному из клиентов, заметил:

«У этого малого, если он не с луны, не все дома», - и взял с ошарашенного этим открытием клиента двойную плату. А депеша? депеша была действительно важной так как гласила: « Убыть...» Документ был секретным, вот почему я не передаю его содержания.

Чужая страна, чужие люди, опасность попасть в руки местных властей, заставили нашу троицу немедленно сжечь послание и покинуть гостеприимный уют пивной.

Наступила тревожная мрачная ночь, ночь томительного ожидания. Та самая проклятая ночь, когда дождь лил как из ведра, а ветер хлестал его воодушевляющими струями по глазам редких прохожих, вытряхивая из них, если так можно выразиться, душу «Метеорология – увлекательная наука, черт побери», - говорили они, грозя небу, на котором, согласно предсказанию, должны были светить звезды. И вот в эту самую ночь к их современному жилищу (хвала людям – оно было временным), подъехало несколько подвод с пьяными матросами, которые, нисколько не церемонясь, выбросили жалкие пожитки троицы вместе с владельцами, затыкая рты здоровенными кулаками, на мокрые днища телег, и уехали, предварительно укрыв своих подопечных от постороннего взгляда кирпичами и разным хламом, что был под рукой; а чтобы последние не спорили, их предварительно лишили разума. По их мнению: это лучший способ сохранения тайны.

Вполне возможно, что можно было уехать поездом или комфортабельным автобусом по лучшей из автострад, но решение однажды принятое отменить было нельзя, так как никто не хотел брать на себя ответственности; ну, а исполнителям безразлично, лишь бы платили, как это везде водится.

Дорога к морю была не легкой. Матросам что, они переодеты в крестьянские одежды, они могли пьянствовать и горланить песни, восседая на рухляди, под которой стонали путники, которые постепенно приходили в сознание, чему, я думаю, способствовал дождь. Но с наступлением утра, когда дождь прекратился и солнышко, поднимаясь к зениту, стало палить со всей своей энергией, путники стали испытывать танталовы муки. Каждая колдобина вызывала стоны и просьбы, но матросы были неумолимы. Наконец стоны превратились в вопли, и матросы, боясь разоблачения, погнали лошадей вскачь, выжимая из последних дозвуковую скорость с помощью кнутов, виц и палок, обещая в промежутки между матом, содрать шкуры, и умные животные старались изо всех сил, так как угрозы не предвещали ничего хорошего.

Один из матросов, накачанный юмором до мозга костей, использовал при этом метод Хаджи Насреддина, и его «упитанная», или что-то вроде этого, лошадка перешла в галоп, стремясь ухватить корку хлеба, маячившую перед мордой.

В конечном счете, получив бесчисленное количество синяков и ушибов на приличных и неприличных местах, их подопечные затихли, потеряв сознание, по-видимому, по собственной инициативе. У матросов мало-помалу улучшалось настроение, что объяснялось употреблением, простите – уменьшением содержимого в их необъятных фляжках,.. и они, наконец, запели свою веселую старинную матросскую песню:

Бушует море синее,
На море буря-шторм.
Ах! не грустите, милые!
От вас мы уплывем.
Для нас любовь несчастье -
В любом порту жена.
Куда такое счастье?!
Валюту ждет она....

Так они ехали, горлая во всю мощь своих легких и голосовых связок, забыв о тайне на час-другой, но о путниках не забывали, ибо боялись, что те умрут по дороге. Во избежание несчастья, или для поднятия духа они поливали их время от времени водой, которой было, более чем, достаточно на дороге, и которую можно было черпать прямо из-под колес. Пожалуй, эта мера предосторожности и спасла нашу троицу от малопривлекательного исхода. Было бы скучным рассказывать

далее о первом этапе их путешествия, и я, ограничусь тем, что замечу: что только через двое суток они доехали до самого синего моря.

И тут матросы – явные поборники жизни вытащили их почти безжизненные тела из повозок, и привели в сознание с помощью ног и нашатыря; а после прояснения сознания им дали по стакану касторки и поставили клизмы (Один из матросов был прежде лекарем), потому что эти средства считались наилучшими, которыми обладала тогдашняя медицина. Бодрые и вполне здоровые путники вежливо поблагодарили своих будущих соратников и...

Но об этом расскажет следующая глава.

ГЛАВА 2

ПРИБЫТИЕ НА КОРАБЛИ, И ОТПЛЫТИЕ
НА АРХИПЕЛАГ «ДЕРЖИ КАРМАН ШИРЕ»

А в это самое время три знаменитых, в свое время, корабля стояли невдалеке от берега, и их мачтах гордо развивались флаги с изображениями на них кошелька ловких рук в белых перчатках – символом торгового дома Ограбиловых.

Самый большой корабль именовался фрегатом по типу, а по борту: «После капитального ремонта», о чем говорила надпись; второй корабль являлся бригом с названием «Ближе к дну»; а третьим кораблем, и самым маленьким из них была шхуна с горделивым названием «Допотопна, но не топла» Вот какие славные корабли ожидали нашу «святую троицу. По сигналу с берега сии корабли послали за путниками быстроходные баркасы, которые в кратчайший срок доставили на фрегат все и вся. Разумеется, что были доставлены и лошади, и телеги, ибо телеги уйдут на дрова, а лошади на мясо...

Капитан фрегата, а он являлся и капитаном всей флотилии, встретил наших героев с распростертыми объятиями и распорядился выделить им лучшие каюты, и накормить бульоном из солонины, дабы они, после длительной голодовки, не объелись, и не закончили свои деньки. О ком бы я

стал писать...Так с ними и поступили. К сожалению, на кораблях не нашлось лишних матрасов, и посему им пришлось спать на голых гамаках, но они, по-видимому, после телег, и эти постели посчитали божьим даром, ибо мгновенно заснули,.. и пусть меня назовут лгуном, если не поверят, что они проспали несколько суток кряду.

Естественно, после того, как путники отоспались, состоялась церемония встречи, на которой, кроме вышеупомянутых лиц, присутствовал помощник капитана Петля-На-Шее, он же являлся командиром брига, и боцман Нособитый – командир шхуны.

Торговый дом туго знал мореходное дело и считал, штаты на Кораблях вполне нормальными.

Дружеский обед закончился против обычного легкой потасовкой, во время которой кое-кто «лишился» глаз и прочих частей тела, что не столь существенно для мореходов; а скромные похороны одного из моряков перешли в веселые поминки, на которых все распри были забыты. Произносилось множество тостов и речей, но к вечеру (Ей богу, праздник вышел, хоть куда, на славу), и моряки, и их начальство извлекли из себя все, что могли, то есть выдохлись и уснули, всяк, где мог. Рассказывают, что Ломовой Извозчик спал прямо на столе, а ноги его возлежали на голове капитана. Но все это версии, так как свидетелей не осталось, а на нет и суда нет.

На другое утро, проведя очередную зарядку в корабельном буфете, капитан Виселица отдал особо выдающееся приказание: «Поднять якоря, и отпустить матросов на заслуженный отдых, а там, что бог пошлет». Но так как якоря не поднимались, то на общем собрании было принято решение: отдыхать, что и было исполнено незамедлительно. Только на следующий день была исполнена первая часть знаменитой капитанской команды.

Экипажи брига и шхуны с достоинством выполнили это, огромное по своей важности и значению, приказание, но экипаж фрегата потерпел фиаско – **якоря** не поднимались. Два десятка дюжих матросов рванулись к кабестану, и стали медленно вытягивать один из тросов из морской пучины; причем кабестан сильно трещал, приводя в восторг всех работавших и бездельников. Но вдруг, ах, уж это вдруг, трос оборвался и упал в воду. Несколько матросов хотело было кинуться в мутные воды океана, но капитан коротким движением остановил их, сказав: «Хватит и одного якоря, да и в будущем легче будет». Эта знаменитая фраза была занесена в бортовой журнал, как и все прочие. Далее матросы рванулись к другому кабестану, и работа закипела.

Матросы пели:

Мы – веселые ребята,
Из любви к работе
Капитаном были взяты,

Мы в его заботе...
Хоть умом мы не богаты,
Загорелые друзья!
Получаем мы зарплату,
И живем... лучше нельзя!

Такова песня, а из песни слов не выкинешь. Коряво, но справедливо, и самое главное – в труде.

Наконец второй якорь был поднят, и капитан приказал поднять паруса. Матросы рванулись (заметьте, рванулись, а не пошли в раскачку, да вразвалочку, как это часто бывает там, где нет должной дисциплины), к мачтам и выполнили это приказание. Ветер надул заплатанные полотнища, но фрегат почему-то не трогался с места. В дальнейшем выяснилось, что он сидел на мели.

На совете в каюте капитана помощник посоветовал, ждать прилива, но увы, они также могли ждать, как бездельники счастья по лотерее, так как в тех широтах приливы начинались лишь после дождика в четверг, или, что еще вернее, после пятницы в субботу. И так они ждали, ждали и не дождались. На очередном совете было решено:

1. Послать на дно водолазов.
2. Привязать фрегат к бригу и шхуне.
3. Нарубить на берегу шесты – размеры не ограничены.

Когда это мудрое, поистине соломонино решение было выполнено, То закипела дружная работа.

Матросы с песнями уперлись шестами в дно, и с помощью брига и шхуны фрегат потихоньку съехал с мели. Когда корабль вышел на чистую воду, капитан выдал награды особо отличившимся и приказал выдать всем командам на всех трех кораблях по бочке морской сивухи. Затем корабли, отдав прощальный салют из всех видов оружия, что у них имелось, вышли строем в открытый океан.

ГЛАВА 3

БУРЯ. ТОЛЬКО СМЕЛЫМ ПОКОРЯЮТСЯ МОРЯ.
РАВНЕНИЕ НА ШХУНУ.

В бортовом журнале эскадры, который имелся только на фрегате (бумага и бюрократия неотделимы друг от друга), имелось много записей. Я приведу только последние (так как в бутылке, которую нашли оные и были упомянуты), и они гласили: «Плывем пятую неделю. Море тихое и спокойное. Все матросы довольны. Все живы, здоровы. Продовольствия на три года. Какая краткость и лаконичность! Особенно радует последняя запись. Какая забота. Трогательно. И хотя все продовольствие являло собой в основном подобие комбикормов, все же голодная смерть никому не угрожала, а это бесконечно радовало сердца наших путников.

Члены нашей «святой троицы», впрочем, как и вся команда, занимались бездельем, а корабли плыли вперед по воле ветра, что вполне всех устраивало, потому что лучшие мореходы на кораблях считали, что это самый разумный метод плавания. «Во всяком случае куда-нибудь да приплывем», - Посмеивался капитан, - «Хуже не будет».

- Хоть карман шире, хоть шире карман, приплывем и баста. Есть еще земли, где можно жить припеваючи!

«Эх!» – продолжал он, развивать любимую тему в своих разговорах, - « Жаль пушек мало, а то бы поохотились. Приятно молодость вспомнить.»

Так шли недели за неделями, и шли они, как мы видим, безмятежно. Но вот однажды, число для истории значения не имеет, над океаном подул сильный ветер, и белые барашки волн мало-помалу увеличиваясь в размерах, стали покачивать корабли, но на команду эскадры это не повлияло. Старые морские волки – да что им волнение. Они выпивали положенную им норму « безалкогольных » напитков и, как и прежде плели нехитрые басни; да и чего им, в самом деле было бояться, если флотилией командовали такие опытные, многократно проверенные морские зубры!? Это вам не какие-нибудь новички – полжизни изучавшие море и все азы плавания по книгам, нет, вышеупомянутых, истых викингов воспитал и вскормил океан, чем они чрезвычайно гордились.

Петля-на-шее частенько поговаривал, что его учебником был кулак боцмана, здоровенный, увесистый; он клялся, что даже больше, чем у боцмана Нособитого с «Допотопной». Прибывая время от времени на борт фрегата вместе с боцманом, и он, и боцман извергали в простодушные глаза и уши слушателей такие байки, что у тех мороз, ей богу

мороз, по коже ходуном ходил; не зря же на шее Петли-на-шее дважды побывала веревка, но благополучный исход, как он изволил выразаться, его личное мужество, а на самом деле сборище головорезов спасали его.

Боцман Нособитый то и дело сворачивал носы у своих подчиненных, если сии почтенные джентльмены изволили в чем-либо провиниться, и занимался он этим ремеслом на всех кораблях, почти всех государств, как он утверждал, всю свою сознательную жизнь. Вот какие славные были командиры. А что касается капитана Виселицы, то здесь секрета большого не было, ибо сей почтенный джентльмен приговаривался более двадцати или тридцати раз к повешению, но все время ускользал из-под зоркого ока судей, нанося последним немалый ущерб. Сам же он, в часы досуга, охотно развлекался тем же, вот почему на корабле на центральной мачте (он ее звал по-разному: и фоком, и гротом, и бизанью, в зависимости от красноты носа), было устроено некое подобие виселицы, и, не дай бог, брр. Впрочем, чего еще ждать от пирата?

Но, так как я думаю, биографические подробности сих мужей вас не интересуют, то я и не прикладываю к вышеизложенному ни заявления, ни анкеты, ни фотокарточек размером три на четыре. Итак, на море, или там, как его? океане, разыгралось легкое волнение, и так оно разыгрывалось неделю,

а может и долее, кто знает? но зато потом уже когда разыгралось, на кораблях забили в склянки, что означало: полный порядок и никакой паники, словом команда была наготове. По всей вероятности эта готовность пришлась не по вкусу старому разбойнику Посейдону, и он, изрыгнув проклятие, в одну из прекрасных ночей, обрушил на мореходов громады волн, да не тех, что на прибрежных курортах ласкают ножки томным красавицам, а тех, подобных тиграм или барсам, что кидаются прямо с утесов на приближающуюся добычу.

«Вот это катавасия! Люблю побаловаться», - Воскликнул капитан, - «Черт побери, пусть фрегат в щепки разлетится, если жив останусь».

Такие мысли часто приходили в голову капитана, ибо она была начинена всем тем, что нужно было, и не нужно было, вот так-то.

Океан ревел, как паровая турбина, выходящая на критические обороты. А как прекрасен ее вой!? Желających узнать побольше, прошу присылать персональные письма. Словом ревел океан и все тут. Громадные валы то и дело обрушивались на корабли, но готовые ко всему команды мужественно боролись с разбушевавшейся стихией. Уверен, что истинные моряки примут все излагаемое за шутку и не обидятся на меня, так как я не желал задевать этим их самолюбия. Пусть они простят мне, ибо я не смешиваю белое с черным, но наоборот выри-

совываю одно на фоне другого, и те кого это касается, надеюсь, поймут, если позволит интеллект.

«Гром молния!» – воскликнул капитан. – «Море с ума сошло, ишь расплескалось!» – И захохотал своим громовым смехом. Но его, по-видимому, не поняли.

Один только океан, обозлившись на очередную выходку бывалого моряка, с новой ужасающей силой рванулся на корабли. Что тут было!.. Все члены «святой троицы» испытывали ужас, ими овладевали непрерывные приступы морской болезни; да что там троица, если матросы едва на ногах держались, и лишь только мужественный пример капитана давал всем им некоторое успокоение. В конце концов океан переломал у всех кораблей рули, и расшвырял их в разные стороны, решив терзать израненные тела ветхих суден по одиночке. Но и здесь капитан показал себя воскликнув: «Беснуйся, не испугались, почище видали!» – И приказал все же, на всякий случай, рубить мачты на фрегате.

Но океан, словно зверь, почувствовал эту затею, а посему не стал дожидаться ее исполнения. Громадная волна сверхъестественной высоты и силы подняла фрегат на высоту своего гребня, и сокрушительно швырнула его на подводные рифы, отчего «После капитального ремонта» разлетелся в стороны. К счастью наши путники были одеты в резиновые комбинезоны, а на поясах у них висело по несколько спасательных кругов; но не это

спасло их драгоценные жизни (Круги предназначались для других. Аминь! по усопшим...), жизнь их была спасена тою же волной, которая разрушила фрегат, и которая бросила их прямо на шхуну в объятья обомлевших моряков, где их конечно, оправившись от испуга заставили работать. К этому времени бриг действительно оказался на дне – что ж надпись стояла сама за себя. Будь проклята морская пучина, поглотившая лучшие корабли торгового дома. Будь проклята!

Скрепя сердцами, ибо их было три, принялись наши друзья откачивать матросскими котелками все прибывавшую и прибывавшую воду.

«Ай, я, яй!»! – Вопил Маринованная селедка. – «Как мы дальше будем жить»? но Ломовой извозчик, окунув его многократно в воду, привел его в надлежащее состояние.

Буря продолжалась еще несколько часов, но потом начала понемногу стихать. Матросы благодарили того в кого верили и не верили, но в основном свою шхуну, которая оправдала свое гордое название «Допотопна, но не топла». За это на борту ее через несколько дней добавились две, блестящие свежей краской, буквы, и теперь уже всякий мог прочесть: «Допотопна, но не потопла», ибо это было ближе к истине. Но все это случилось позднее, а в то время, после благодарностей, одна часть отважных принялась чинить и латать все повреждения, а другая с лихими песнями во

главе с боцманом Нособитым принялась за уборку кают и палубы, и надрайку медных частей. Вот в этом- то и проявились их настоящие морально-деловые качества. И только, после того как взошло яркое солнце, и все надраенные части засверкали под его яркими лучами, команда, включая и троицу, принялась горевать о гибели капитана, помощника, кораблей и остальной части команды. А наши герои стали воистину святыми, так как только им было даровано спасение, ибо они все вместе вылетели из каюты разбившегося лайнера, то бишь фрегата. Впрочем, состояние всеобщей скорби длилось не долго, потому что само провидение даровало жизнь капитану, ниспослав бревно, на которое, через несколько минут, вскарабкался и его незаменимый помощник. Таким образом они плавали по морю почти до полного умопомрачения, и если бы не случайная встреча с неуправляемой шхуной, то они бы погибли. Команда с ликованием вытащила их полумертвые тела из воды на шхуну, где они, придя в себя рассказали о постигшем их горе. После чего вся команда сняла свои береты (они были в беретах), а с единственно уцелевшей мачты был приспущен обрывок флага. Затем, чувствуя страшный голод, капитан и его помощник за один присест «смолотили» трехдневный рацион продовольствия, и блаженно, покачиваясь на гамаках уснули крепким и здоровым сном.

ГЛАВА 4

ПИРАТЫ. МОРСКОЙ БОЙ. НАМ НИКАКИЕ БЕДЫ НЕ СТРАШНЫ. ВПЕРЕД.

В число достопримечательностей шхуны входила старая ржавая пушка, из которой стреляли в славное старое время, да и то не всегда, потому что шхуна была не военной, в отличие от двух, навечно погребенных волнами других кораблей, вооруженных до зубов различным оружием.

«Жаль», - Поговаривал капитан, - « Жаль, что столько оружия пропало, а то бы мы побряцали им, а»? – Спрашивал он своих наделенных отвагой моряков. – « Но ничего, возьмем на абордаж чье-либо судно, ведь вы у меня молодцы!»! При этом он многозначительно подмигивал и хлопал одного из собеседников по плечу. Впрочем, капитан исключительно мало интересовался всем происходящим на шхуне, что вполне устраивало его подчиненных.

Но поскольку речь шла о пушке, а не о завешенных порядках, то можно было прямо сказать, что, имея на борту столь славное и грозное оружие, команда ничуть не боялась встречи с любым сверхбыстроходным и сверх вооруженным кораблем.

Боцман Нособитый однажды повествовал, о том, что в былое время ему приходилось плавать и не таких, современных шхунах, как эта, а на

старых калошах, и, представьте себе: он неоднократно побывал в боях в открытых морях и океанах с различными эскадрами, где корабли, которыми командовал он, боцман, топили вражеские дредноуты (Распалившись, он восклицал: «Щелкали мы их, как орешки»!)

Любитель таких историй Ломовой извозчик спросил его однажды: «Так это в бою вы, боцман, получили ранение носа? (Нос у боцмана в самом деле был свернут), а то шутники утверждают, что вам, тот кто его свернул мимоходом, высказывал свое дружелюбие».

«Да, в бою». — Отвечал боцман. — «Но зовут меня Нособитым только из-за того, что я большой любитель сворачивать носы или разбивать их не в меру любопытным и непослушным». — Но в ответ на это услышал громовой хохот Извозчика.

Боцман измерил нахала испепеляющим взглядом, и процедил сквозь зубы: «Жаль, что вы не в моем подчинении».

Но на самом деле он побаивался этой двухметровой болванки, наделенной не только тупостью, но и некоторой силой, которой для боцмана вполне бы хватило. Но, поскольку Ломовой Извозчик по уму мало отличался от пятилетнего, то он в ответ пролепетал: «Простите, я больше не буду».

В свою очередь, в ответ на это боцман дружески похлопал его по плечу, и заметил: «Люблю жить в добром согласии с соседями, если они высказы-

вают ко мне не только расположение, но и приносят соответствующую дань в порядке уважения».

Кто-то из матросов, боцман разглядеть не успел, съязвил: «Подари дяде боцману свою оловянную ложку, если тебе не жалко, все равно отнимет.

Боцман сделал вид, что не расслышал сказанного, но как потом стало известно, он с помощью бутылки развязал язык у одного из этих проходимцев, как он называл их, и выяснил все, как полагается. Худо пришлось бедняге.

Но в этот, особо важный, как вы увидите и услышите, если не способны видеть, момент раздался вопль Маринованной Селедки: «Вижу корабль»!

Часть матросов закричала: «Ура»! Но большая часть пригорюнилась. Дело в том, что путь корабля проходил мимо острова «Утопленников», где обычно базировались пираты. Боцман, он сам старый пират, сразу смекнул в чем дело, так как его глаза заметили едва видимый на горизонте утес.

«Там»! – Воскликнул он. – «Остров «Утопленников», а это пираты. Свистать всех наверх»!

Один из матросов принялся молотить доской (Больше под руками ничего не было, по пивным бутылкам, развешанным по кораблю гирляндами, вместо флажков; отчего все, кто спал вылетели на палубу. Первым, причем, вылетел Гончий Пес, а за ним и все остальные, ибо трюм был один. Капитан и его приспешники знали, что они могут сдать пиратам без боя и пожить некоторое вре-

мя в свое удовольствие, но они, как выражаются грабители, давно «завязали», да кроме того им была обещана колоссальная награда, райская жизнь, если наша «святая троица» прибудет на архипелаг «Держи карман шире».

«С какой стати», - Рассуждали они, - «Делить со всем миром пиратским, тот кусок хлеба, который принадлежит, или будет принадлежать им».

В свою очередь и «святая троица», в компоненты которой входили: глупость, скорость и трусость, также не желала братских объятий, вечно нуждающихся, рыцарей моря. Но пока они рассуждали о том, да о сем, пираты не «рассусоливали». Они подняли все паруса и удвоили скорость своего ко-рабля.

«Дадим бой», - Решительно сказал капитан, и приказал вычистить пушку. Бравые моряки с усердием занялись подготовкой к бою, и их нисколько не смущали вопли Маринованной Селедки, и беганье Гончего Пса взад и вперед по палубе. Боцман вытащил на палубу все солидные боеприпасы, которых как раз хватало на три-четыре выстрела, и приказал заряжать орудие. Но, на беду экипажа выяснилось, что стрелять из пушки никто не умеет. «Завтра же устроим учение!» – Завопил капитан. – «И я вам покажу бездельники вы такие... кто будет добровольцем»? Добровольцем вызвался боцман, но капитан сказал: «Нет уж, первым стрелять буду я». И ему никто не возразил.

Капитан решил первым начать боевые действия... и вот, после длительного прицеливания, пушка выпалила ни весть куда в пространство, причем с большой отдачей, благодаря чему, стоявшему рядом боцману сломало ногу, но он остался на своем посту. После второго выстрела пушка не выдержала и лопнула, ранив в ногу самого капитана, а один или два матроса, кто его разберет – столько дыму стало, погибли. Матросы в один момент отнесли капитана в каюту, и снова выбежали на палубу. Между тем, расстояние между кораблями уменьшалось. Пираты громко хохотали в предвкушении добычи. Еще бы, они не сделали ни одного выстрела. Они приготовили крючки для абордажа, который бы был проведен успешно, если бы Петля-На-Шее не отдал приказа: « Дуть в паруса », а Ломовой Извозчик выломав две доски из палубы принялся грести ими. Таким образом шхуна увеличила свою скорость в три раза, и пираты стали отставать. Видя, что добыча уходит они начали стрелять, и сделали много пробоин на бортах шхуны, но все же не смогли ее потопить, потому что между ними образовалась стена сплошного дыма, благодаря чему шхуна исчезла с поля видимости. Пиратам надоела бессмысленная погоня, и они решили убраться восвояси. Одержав победу в этом героическом сражении, наши матросы решили на ходу отремонтировать, вернее залатать все пробоины ниже ватерлинии, но это оказалось невоз-

можным, и тогда они решили заткнуть дырки мягкими частями своих тел, вместо заклепок; а помощник капитана распорядился выкинуть все бочки в воду, и привязать их к кораблю для безопасности и «увеличения плавучести». Если вам не нравится терминология помощника, то обратитесь к справочникам, и оттуда вы почерпнете дополнительные знания.

Кроме указанных мер, было решено вылить в воду все жировые запасы, для защиты шхуны от волн, что, и было сделано. Приняв все меры предосторожности, обеспечив, таким образом, плавучесть шхуны, команда во главе новых и старых героев стала на ней продолжать свой путь к архипелагу «Держи карман шире».

Придумают же название – языка не провернуть. Но разве суть в названии. Суть в цели. И ваши премиальные зависят от последней декады, не так ли? Вот то-то же!

ГЛАВА 5

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ. СМЕРТЬ ОТВАЖНОГО
КАПИТАНА. СПАСЕНИЕ.

В море господствовал полный штиль и матросы державшие воду (Чем они держали – упоминать было бы не скромно), пели новые и старые песни. Одну из них я приведу вам, друзья мои, в качестве примера, независимо от вашего желания.

Не страшны нам бури лихие,
Ураганы нам не страшны.
Все мы – парни, друзья боевые...
Сильны духом и верой сильны...

Словом чудесная песня, и самое главное, современная.

Прошло несколько дней и нога у капитана зажила (У собаки все заживает быстро), после чего он воспрял духом. Но бедный боцман долгое время еще не мог щекотать нервы у своих подчиненных физическим способом, вот почему... А причем тут почему? Просто он знал, что его брань действует только морально-воодушевляюще, в отличие от мордобоя.

«Черт побери, надо каким-либо способом послать сообщение». – время от времени говорил капитан. – «Так или иначе мы сообщим торговому дому о благополучном перемещении к архипелагу; прова-

литься мне в тартарары. Ну и радио – один хрип. Вот бы наставили столбов по всему океану, да соединили бы их проводами, и ко мне в каюту провели бы личный телефон. Лежал бы на койке, да разговаривал бы там на темы различные, ан нет. Ну, сволочи! Погодите!»

«Опять запой». – Смеялись матросы; но они глубоко ошибались. У капитана был не запой, а очередной приступ шизофрении, во время которого он изобретал, или не соглашался с изобретениями нашего времени. Вот ведь о чем думал. Хорошо бы не соглашался, скажем, там, с водородной бомбой, но зачем ругать радио, принесшее столько пользы. Нет, фантазии Жюля Верна просто чушь с выдумками этого бравого мужа. Однажды он заявил, что послал каблограмму по дну и получил ответ. Все серьезно закивали, а после его ухода, стали вращать пальцами у своих висков, и многие доворачивали до крови, так как ногти..., где ножницы взять, если кругом вода?

«Чокнулся наш капитан». – Заявил помощник. – «Хорошо еще гопака не пляшет. Тоже выдумал слово каблограмма, а сам утром выпил не сто и не двести грамм, а две бутылки, и без этого самого кабеля или как его там?»

Но вот однажды капитан удивил всех. Собрав на палубе весь неунывающий состав, он вытащил из нагрудного кармана листок и траурно-дрожащим голосом произнес: «Моряки, глубокоуважаемые

спутники, соратники и помощники, сегодня, 28 августа тысяча затертого года, торговый дом «Ограбиловы и компания» послал мне, в ответ на мою каблограмму от 27 августа тысяча затертого года, вот эту каблограмму. Но прежде, чем прочитать вам ее, я сообщу то, о чем гласила моя каблограмма, а она гласила вот о чем: (Тут капитан глубокомысленно помахал бумажкой, а затем водрузив на свой поистине орлиный нос, как в песне, роговые современнейшие очки, заказанные по рецепту одного из наизнаменитейших врачей в одной из лучших аптек, одной из столиц высоко развитой, и даже сверх развитой, страны, но которые он получил... Впрочем многие заказы выполняются сразу); так вот о чем гласила моя каблограмма». – Продолжал капитан. – «И я вам сейчас ее зачитаю». При этих словах капитан снова полез в один из своих всеобъемлющих карманов, и вытащил еще один листочек.

«Моя каблограмма, гласила». – наконец, заговорил он. – «Адрес: торговый дом, но названия его я не писал, и так понятно какой дом. Адрес и все тут. Но далее зачитываю: После длительного плаванья, в котором нам пришлось «не солоно хлебавши», мы, то есть вся команда и вверенные нам путники, успешно идем по намеченному пути к назначенной вами цели. Идем успешно, без потерь, с выполнением всех наших обязательств. Утроенная энергия команды, позволяет мне думать, что

наиболее достойные заслужили награды. Далее следуют списки особо выдающихся патриотов, но я не буду останавливаться на них, итак все знают. К месту назначения прибудем раньше указанного вами срока. Крепко жмем ваши руки. До встречи. Капитан флотилии: Виселица. Число: 27 августа тысяча затертого года... Далее подпись, номер бланка, тираж, экземпляр, и все, как полагается для отчета в бухгалтерии. Вот так, дорогие мои»!

Все это он выпалил единым духом, и команда дружно заплодировала.

«Но, друзья мои». – продолжал капитан. – «Я получил ответ. И вот он. Зачитываю: «Доблестные моряки, капитан и помощник и прочее, и прочее... все вы будете вознаграждены за ваши заслуги. Считайте ордена и премии в своем активе, количество не указано. Плывите себе как плыли. Ждем новых сообщений. С приветом! Торговый дом».

Гип, гип, ура! – завопили матросы... Но капитан жестом прекратил всеобщее ликование и заявил следующее: «Вот здесь есть шифр, который известен только нашим друзьям, но они не имеют права разглашать его, потому что со времен Панурга секретность приобрела огромное значение. Вот почему они будут молчать, и хранить каменные лица. Мимика, друзья, наш враг. Не будем забывать это». С этими словами он вручил Гончему

Псу листок, и поклонившись аудитории, гордо удалился с бака, или там с полубака, черт его знает, что было у повара?! Во всяком случае, ели все, и даже давились, говоря: «Как вкусно». Еще бы. Ведь по этому поводу их накормили супом.

ГЛАВА 6

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ. ЗНАКОМСТВО С ЖИТЕЛЯМИ.

НРАВЫ И ОБЫЧАИ. ОТДЫХ. СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО КОРАБЛЯ. ПОДГОТОВКА К ОТПЛЫТИЮ.

Едва путники высадились на берег острова (Назовем его островом «Спасения»), и нанесем, если сумеем определить координаты, на карту, чтобы все о нем знали, и даже география для пятого класса рассказывала бы детям о его существовании; детям, но не людям со средним или чуть-чуть повыше образованием, потому что пользы от этого больше будет), как заснули крепким сном. И так они спали бы вплоть до седьмого пришествия, если бы не сон Гончего Пса. Потом он рассказывал, что к его пяткам опять подставляли горячие угли. Ну, что за люди, даже во сне спать не дают? Сей, среднего роста, джентльмен своими воплями разбудил все и вся вокруг, в том числе и своих спутников, которые сначала перепугались (Говорят, что один из них долго, долго полоскал свои штаны в ручейке, журчащем по соседству от них), но затем обрадовались, а потом опомнились и решили, что ждать манны небесной нечего. Прямо перед ними лежал, нет, стоял, почти девственный лес, и они решили (решали все вместе – вот это коллегияльность)? Идти прямо через него в глубь острова.

Путь их лежал мимо болот, озер, канав, изгородей, рвов – очевидно, тут были бои, но воронок не было. Впрочем, в последствии оказалось, что это осушительные мероприятия, а изгороди делали те, кому делать было нечего. Так, что нашим путникам приходилось туго, так как даже жалкого топора у них не было. Питались они древесными плодами и ягодами, которых было в избытке. Раза два ели жаркое из птиц или зайцев, которых ловили руками, предварительно побегав за ними (секундомера не было, а жаль), по болотам целые десятки километров. Да, что им километры, если они океан переплыли? Костер разжигали путем трения – хвала древним. В конце концов, проплутав несколько дней, они увидели просвет, и ринулись к нему. Увы, это было то самое место, откуда они пошли на поиски Эльдорадо. «Повторение, мать учения», – сказал Ломовой Извозчик. – «Попробуем еще раз. И они попробовали, но снова вышли туда же где и высадились. «ТЬфу, ты черт!» – Ругался Петля-На-Шее. – «А еще говорит, в третьем учился. Поверь дураку, сам в дураках будешь».

Слова эти были обращены не к кому иному, как к Ломовому Извозчику; а что ему, хоть колом чеши голову, в которой ума палата...

Решили идти вдоль берега. Долго ли, скоро ли, но, в конце концов, они увидели селенье, и ноги их, как по команде от усталости подкосились; вот здесь то их и нашли местные жители, идущие по своим делам. После того, как эти мирные и абсолютно безвредные

туземцы растормошили жалкие останки, когда-то весьма и весьма солидной «экспедиции» (Как изволили выражаться многие, из спасенных, бряцая своей ученостью среди слаборазвитых), то все: и первые, и вторые выразили и всеобщее удивление, и всеобщий восторг; и лишь один Гончий Пес был, как бы ошарашен этой дружеской встречей, ибо ему показалось, что лицо одного из туземцев слишком напоминает лицо того полисмена, от которого он удирал после неудачного ограбления чужой квартиры; не зря же сны ему снились. Конечно, он мало делился со своими товарищами по путешествию о тех или иных весьма бурных событиях своей первой, второй, третьей молодости, но ясно было только одно, что неудачи для него стали кошмаром, которые продолжали потрясать его и теперь. На его личном счету в банке лежал шиш, из-за того, что полиция реквизировала сие преимущество перед другими, а на голове у него было столько шишек, что охотники сосчитать сбивались. И не удивительно, что, увидев, только увидев одним глазом, склонившееся над ним лицо, он мгновенно занялся смазыванием пяток; и неизвестно куда бы он делся, если бы на пути его не попалось зыбучее болото.

«Тону»! – заорал Гончий Пес. – «Спасите»!
«Скажи мне спасибо». – Заявил Ломовой Извозчик, вытаскивая его за волосы. – «И не забудь записать свой должок в свою записную книжку, ибо и я нуждающийся».

Этот простофиля рассчитывал на то, что никчемная запись принесет пополнение его карману – ищи дураков!

«Ладно, запишу, и перестань рвать волосы, я уже на твердой земле. – Отвечал Гончий Пес; и, разглядев того самого туземца, смущенно сказал: «Бывают же совпадения», и упал в обморок. Туземцы быстро соорудили подобие носилок; и вот вся наша ватага, как стадо овец за бараном, двинулась к поселению.

Местные жители с особым ликованием встречали потерпевших крушение мореходов. Они выстроились в два ряда по обеим сторонам улицы и, выражали восторги своей своей неразборчивой речью (почти по-нашему, но ничего не понять: то ли английский, то ли итальянский, то ли тарабарский – не важно, в общем-то, почти по нашему), с ожесточенной мимикой. Некоторые из них колотили в особые барабаны, у нас таких нет, и приплясывали; а какой-то, как его назвал Петля-На-Шее, стервенец играл польку вперемешку с похоронным маршем на губной гармошке.

«Значит, цивилизация побывала и здесь», – с удовлетворением сказал один из матросов. – «А раз так, то я думаю, что сегодня я уже отоспался, неплохо было бы провести ночь в публичном доме, а они наверняка есть. Вон сколько раскрасавиц моих!» – С восхищением продолжал он, разглядывая полуобна-

женных девиц, у которых юбки едва прикрывали соблазнительные места, открывая для обзора чудесные ножки. – «Точь-в-точь как у нас на танцах».

«Замолчи, паршивец!»! – Зашипел на него, ковылявший сзади, боцман. – «Кто их знает, может, они заражены, а может и того хуже, по-нашему разумеют». И пристыженный матрос замолчал.

Прошло несколько дней, а сосчитайте, сколько их уже проходило? и наши путники освоились с нравами и жизнью местных жителей, называемых умопротропами, подобие негроидно-монголоидно и прочее. Затем они не только освоились, но и в кратчайшие сроки изучили этот превосходный умопротропский умопомрачительный язык, преимущество которого над всеми другими было очевидным. И если один наш выдающийся современник-писатель в одной из своих книг писал: такой-то знал 800 слов, такой-то 700; то и это число было громадным для наших туземцев, не желающих засорять свой лексикон всякой ерундой, тем более, что песня у них была одна единственная, а охотников сочинять вообще не было. Умопротропы оказались весьма дружелюбными людьми, и хотя публичных домов у них не было, каждый из них не просто предлагал, а прямо таки навязывал своих женщин, ибо у них был избыток продовольствия; жилья было тоже в избытке, а населения явно не хватало; и то, что сначала понравилось нашим матросам, впоследствии приводило в дрожь, так как, ну, словом писать не очень прилично на эту тему,

если число желающих красоток превышало в десятки раз численность нашей экспедиции.

Прошел не один месяц, прежде чем мирные поселяне – умопротропы повезли их в столицу, но когда они их повезли, то повезли с помпой. Они говорили: «Вам мало было жен и девушек наших, так в столице для вас теперь целые дома построены, с множеством входов выходов, куда может зайти любая, если это ей вздумается, и это, не считая постоянной клиентуры. Вот как. А то вы сочтете нас невеждами. Мы же помним изречение вашего моряка, (Боцман был прав во втором случае), и пока вы жили у нас, в столице все побросали дела и заботы свои, и до седьмого пота занимались постройкой этих, Угодных нам заведений. Небо, то есть море не зря вас нам даровало, так что вы удвойте за жизнь вашу у нас, численность населения нашего, что нам необходимо нынче, как никогда раньше. Вот так-то». Вот что говорили умопротропы, пока они с помпой переезжали в столицу. Вся дорога по которой они передвигались, на особо выдающихся животных, питавшихся преимущественно воздухом, (впрочем, и все, несметные стада всех животных, водившихся на острове умопротропов, питались тем же, но давали все виды продукции в избытке; да и сами путешественники тоже питались почти одним воздухом, который был начинен витаминами, калориями и прочими преимуществами; и только изредка им давали что-либо пожевать), была обсажена чудесными деревьями с сочными, но ядовитыми плодами, как им

сказали потом, чтобы они не вздумали рвать их; а между ними стояли фанфаристы или гитаристы, или просто отвори-затвори, то есть «умелые, куда как умелые музыканты». Вот такая это была дорога.

Вскоре показалась и сама вечно жизнерадостная столица умопротропов без названия. Вообще у них и названий то не было; разве, что общие, как, например: вода, что могло обозначать и ведро с водой, и водопроводный кран, и речку, и, даже, сам океан; животные – под этим словом подразумевались даже летучие экспонаты, или там экземпляры; еда – очень трудно перечислять, особенно, если всего этого было в избытке. Теперь вам понятно, почему так богат их лексикон? Правда, о любви они могли говорить сутками, ибо здесь словарный фонд составлял три четверти общего запаса слов; а каков был общий запас нам неведомо? Вероятно, слов сто, а может быть и тысяча. И у них, однако, высоко почиталось слово: юриспруденция. А знаете почему? Все чрезвычайно любили судиться, и судимость считалась здесь за некое достижение. Скажем, чем больше раз ты судился, тем более ты знаменит, а это значит, что ты имеешь возможность занимать важный пост; любой из важных постов. Эти права были предоставлены всем и вся, и даже нашей «святой троице». Насколько стало известно: Маринованная Селедка побил рекорд по числу разводов, но распространяться на эту тему я не буду, поскольку у меня есть один знакомый, весьма

похожий на того высокочтимого джентльмена по этой части.

Одним словом столица названия не имела. Гостей поселили на разных улицах, в разных домах, с учетом прав и потребностей. Я не буду вдаваться в подробности их частной жизни, ибо это будет аморальным, я только опишу общие встречи... Островитяне, однако, отличались большим вкусом в выборе тех или иных архитектурных работ: то ли они строили дом, то ли детсад, то ли гараж, то ли, наконец, бракоразводный дворец, или там другое; ну, например: клуб для развлечений – все это выдерживалось в стиле «марокко», (Нет, не от государства, а от слова морока – как хотите, так и переводите), и этот стиль, уверяю вас, превосходил и готику, и барокко, и модерн, если хотите. Во всяком случае, половина этих домов строилась из раковин с отверстиями, вакуолями, если вам так угодно, что говорит о том, что умотропы знали, что они произошли от простейших, как, например: от амебы, гидры и, возможно от обезьяны. У них не было зоологии, и они не могли знать историю величайшей эволюции, и потому эти отверстия заменяли и форточки, и окна, и вентиляторы; что позволяло и солнечные, и воздушные, и водные, и все прочие процедуры принимать не слезая с кровати на которой спишь или спал – дело твое.

Другая же половина домов строилась из звуко-непроницаемых железобетонных панелей и переборок, для прочности, как поговаривали строители.

Улицы столицы были вымощены, еще в доисторическую эпоху, каким-то нам неизвестным пластиком, вследствие чего каблуки и подошвы всех видов обуви не изнашивались и не стирались, как, например от асфальта. Словом профессия сапожник в узком смысле этого слова была ненужной, поскольку никто не нес в срочный ремонт, что-нибудь существенное, внося тройную плату для ускорения. Пыли на улицах тоже не было – она вся впитывалась этим пластиком. Вот так! Ботинки наших матросов всегда сверкали, и им некому было подбросить одну или две серебряные монетки, в избытке побрякивающих в карманах.

Итак, мой читатель, ты наелся досыта, не в физическом смысле, и клянeshь меня за ту чепуху, которую несу я на страницах этих, и которая тебе не кажется смешной. Увы, и я с тобой солидарен, да что поделывать? «Похвала глупости» – есть такая книжица, покажется тебе, может быть, интересней. Во всяком случае, то, что я делаю лучше того, что говорят многие и многие, а может быть и вы в их числе: «мы – маленькие люди». Там, наверху не такие головы. Это не наше дело. Мы лучше покричим ура по поводу и без повода. Но я не собираюсь читать лекцию, а только пишу философскую повесть, и мне почти нет дела до чьих либо умозрений. Я просто продолжу.

Власти острова «Спасения» в лице 29 изможденных стариков и 15 старух, являли собой не только энциклопедический справочник по всем мероприятиям, но и так же высокочтимую мудрость. Наиболее

старые из них, доживая последние дни, изрекали великие мысли по части уничтожения того, что создавалось веками, но «слава богу» были среди них и помоложе – еще любившие жизнь, а то бы, черт знает, что было бы. Один из более дряхлых, был, говорят, доктором бесполезных наук, и очень стремился посетить то, что ни к чему хорошему привести не могло. Но так как «желтых домов» у них и в помине не было, его время от времени удерживали фруктами, конфетами – этими дарами жизни, которые он хотел уничтожить. В конечном счете, все вопросы решались тайным голосованием, но предварительно обсуждались настолько громко, что «беспроволочный телеграф» утром извещал население острова об исходе грядущего вечернего голосования.

Умопротропы были вольным народом почти без всяких прав и обязанностей. Они были доверчивы, как дети, вот почему на одном из званых обедов наши путники могли позволить себе излишние выходы. Обед этот был дан вскоре после их переезда в столицу, и был поистине званым, так как давался на одной из широких площадей. Не буду описывать тех яств, которыми мы питаемся и у себя дома, упомяну лишь о деликатесах, которые не только домашним хозяйкам, а и шеф-поварам из лучших ресторанов мира не снились. На первое подавалась рыба всех сортов. «Прелесть»! – воскликните вы – и это правда. Рыба всех видов, сортов, в соленом и сыром, с душком и без душка, в жареном и пареном виде – сооб-

лазнительнейшая смесь приправленная маргарином, сахаром, корицей, горчицей, уксусом, миндалем и прочая, и прочая – восхитила всех, но только мизерные порции этой смеси несколько смутили бы тебя мой читатель. Но наших моряков они не смущали, и они уписывали их за обе щеки, и просили добавки дважды, трижды и так далее; и если бы не каменные лица властей, в лице старух, то просьбы эти были бы бесконечными. Затем подавались еще, достойные этой трапезы, блюда из всякой всячины с начинкой и без начинки. Одним словом мореплаватели напробовались до отказа. Языки их мало-помалу развязывались, оттого что им непрерывно наливали лучшие «марочные вина», как утверждали знатоки.

«По-моему мы пьем какое-то дерьмо!» – Осмелился заявить кто-то из моряков. – «Пусть меня черти слопают, пусть дна и покрышки мне не будет, если помои эти воодушевят меня на новые подвиги!»

Но этих, выдавших виды, людей, и такие соленные шутки не могли вывести из себя, ибо они занимались тщательной обработкой подставляемых им тарелок с мнимым обилием очередных деликатесов. И все же, в конце концов, то ли почувствовав дурноту, то ли тошноту, то ли впад в блаженство, гости умопротропов стали отказываться от очередных добавок. Вот каким был вкусный обед. В конце обеда, обессиленные едоки, как это везде водится, рассказали: (рассказывали они явную чушь) обширной аудитории о том чего не было, и каковы их цели и наме-

рения. Много аплодисментов пришлось на долю выступавших, так много, что они, было, решили остаться на острове навечно, но затем все-таки поняли, что те излишества, что предлагались им, только сокращают жизнь. Вот так-то.

В конце концов, власти сами пришли к убеждению, что с горя их гости либо покончат жизнь самоубийством, либо заведут свои порядки, а это значит смута – анархия, а посему лучше «не дергать ишака за хвост, не зная его характера». (Восточная поговорка). Придя к этому убеждению, они предоставили гостям полную свободу в своих действиях, и этот, особо дружелюбный акт очень и очень обрадовал их гостей, которые в ответ наобещали золотые горы своим гостеприимным хозяевам.

Прошу прощения, за то, что не посвятил вас в необычайно разностороннюю жизнь умопротропов. Я, увы, и не могу это сделать, потому что сам там никогда не был, а бутылка, о которой я еще буду говорить в конце, таковых известий в цивилизованный мир не доставила. Да так-то и лучше. Остается лишь сожалеть об утере координат этого безвестного острова, на котором проживает столь высоко развитое население. Говорят, что в наше время на земле все открыто, и открывать больше нечего, разве что под землей или под водой, куда время от времени что-нибудь да проваливается или опускается, или, что еще чище: поднимается, растет, вызывая всеобщее восхищение и восторг. Не считая частичного, сверх

поспешного заселения, а затем, в большинстве случаев, в одно прекрасное утро или чудесный вечер, при легком волнении океана, или колебании земли бесследно исчезает. Возможно, остров «Спасения» относился к числу таких чудес, но во всяком-то случае, он существовал. И поскольку все его жители знали юриспруденцию, то можно сделать выводы, что демагогия являлась важным фактором в их процветании.

Итак, воспользовавшись добротой островитян, наши злополучные друзья собрались на очередное заседание по вопросу скорейшего убытия с острова, на этот проклятый, все еще не достигнутый, архипелаг; и так на заседались, что последние штаны протерли. «Но для чего существуют женщины!» – Воскликнул Маринованная Селедка – этот многоженец. – «Они туго знают это дело». И когда, наконец, с вопросом о штанах было покончено, перешли к прениям по вопросу убытия. Всех перипетий их прений, прямо скажу, мне не описать, но, во всяком случае, прямым голосованием с руками и без рук было решено: строить Новый (Событие чрезвычайно важное, и должно писаться с большой буквы)! Корабль с помощью умопротропов, что и должен довести до них Гончий Пес. План был задуман на славу. Бесплатные строители – знай, подгоняй, да указывай! Бесплатный материал – знай, распорядись доставкой, бесплатный запас пищи – ешь, не хочу. Словом все было продумано тщательно без единой задоринки. По настоянию Петли-На-Шее решили воссоздать конструкцию «Шляп» (от

шлюп), но с достаточным числом переборок для крепости и возможности плавания, в случае многих и многих пробоин и повреждений. В центре корабля находилось сквозное (по плану, пока что) отверстие, в которое, как мы увидим в дальнейшем, будет вставляться мачта с закрепительными устройствами.

Работа закипела. Она не просто кипела, как медный самовар, она спорилась, она велась ускоренными темпами без сна и отдыха, без творческих мук и глубоких раздумий – одним словом: кипела. Новые методы всячески поощрялись, ибо, внедряя их, они ускоряли процесс постройки судна, что давало огромный выигрыш во времени, которое так бесславно было потеряно. Не помню фамилии этой изумительной женщины, которая вдохновила всех обрезками резины и кожи, создавая из них легкую, удобную, современную, одновременно бьющую по карману, обувь, с указанием высшей сортности... Через два дня, почин этой женщины, (Звали ее, я вспомнил, как это ни странно Лидия Корабельникова – работница, кажется, «Красного треугольника» – есть такой завод в одном из наших крупнейших городов), я почувствовал, простите – через два дня после покупки галош; да-да действительно почувствовал, ибо калоши стали разваливаться. На сей раз это не грубая шутка, а истина. На них под красной пленкой было столько клочков и кусочков, сколько, пожалуй, не было у строителей нового корабля, которые с упоением склевали все, что доставали, создавая подобие лохани

по типу «Шляп». В конечном счете важны конечные счета, и в итоге подобие ультрасовременного лайнера, через некоторое время, под звуки фанфар было спущено на воду; по поводу чего сверх второстепенные отчеты умопротропских строителей... Хм-м... Не верите, ну и не надо, отчеты были. Закончив спуск и отпраздновав это событие, мореходы принялись за оборудование и оснастку корабля. Две мачты, а именно переднюю и заднюю крепили обычным способом прямо на палубе, то есть приклеивали, а среднюю, как я уже упоминал, вставили прямо в отверстие в центре корабля. Отверстие это было тщательно облицовано и обшито, в противном случае вода бы могла проникать во внутрь корабля. Итак, мачта, имевшая несколько сочленений, и множество стержней – закрепителей торчащих прямо в ее стволе (Их можно было и вынимать, и вставлять, смотря по настроению, они же являли собой лестницу), была вставлена и закреплена. Нижний конец ее выходил прямо из днища, являя собой, таким образом, тормоз и киль. Остроумно, не правда ли? Во время шторма можно было опускать мачту в воду почти до конца, увеличивая устойчивость, а во время попутного ветра почти всю вытаскивать на поверхность.

Ввиду того, что парусина, как таковая, отсутствовала, решили приклеить на верхушки мачт фанерные листы, что и было сделано. Умопротропы никогда не плавали, а вот фанеры у них было сколько угодно – очевидно существовало фанерное производ-

ство. Еще одно остроумное решение – зачем инженеры? С помощью этих фанерных листов, говорил Петля-На-Шее, мы будем заниматься и управлением корабля. Bravo! орали матросы, зарабатывая очередные подзатыльники от боцмана, вполне выздоровевшего, и скакавшего на одной ноге с помощью увесистой тросточки, везде, где ему нечего было делать.

Наконец, все сделано, доделано, докрашено; и на повестке дня остался только один вопрос: название этого корабля.

«Назовем нашу лохань «Размокшей Лоханью».
– Высказался кто-то из мореходов. – «Ведь она и в самом деле размокла. Не зря же мы наливали воду в ее трюмы».

«Не пойдет!»! – Сказал боцман. – «Не пойдет!»!

«Назовем наш корабль «Летучим Голландцем».
– Высказался Гончий Пес. – «Все шарахаться будут, как только увидят».

«Не пойдет!»! – Повторил боцман. – «Не пойдет!»!

«Не пойдет». – Говорили другие. – «Надпись надписью, но ее и прочесть еще нужно, а то, не прочесть, потопят».

«Молчать!»! – Ревел боцман. – «Молчать!»!

«Назовем наш корабль», – вмешался Петля-На-Шее. – «Артистом из погорелого театра, как раз под-

ходит. Ведь ездят же, показывают, где за руп, а где и за два, а что показывают – бес его знает».

«Назовем»! – Завопили матросы.

Боцман воздержался. Боцман вообще не любил критиковать начальство, а теперь, при сложившихся обстоятельствах; не забудьте что он одноногий, он стал вдвойне сдержаннее.

«Нет, назовем его лучше». – Продолжил Петля-На-Шее, и глубокомысленно задумался. – «Назовем его «Тихим ужасом», ибо цель наша наводить его на всех и вся, кто встретится на пути нашем».

«Назовем»! – Проорали матросы, и проголосовали за это.

«Пойдет». – Промычал боцман...

Между тем, пока разводили тары бары, умопротропы занимались своими делами, продолжая доделывать недоделки; но, после принятия столь важного решения, какое дать кораблю название, один из них заметил: «А вооружение, где возьмете»! И команда приуныла. Впрочем унывали они не долго. Быстро организовали розыски руды, построили мастерские, которые теперь, если они еще есть, стали заводами, и отлили вручную столько различного оружия, что на борт взять не смогли. Вероятно и теперь, если они еще живы, умопротропы пугают им своих ребятишек. Десятки единорогов, гаубиц, противотанковых и прочих орудий заполнили до отказа «Размокшую ло-

хань», как ее величали попросту, в отсутствие начальства, матросы; а пороховые запасы в люках, брр, превышали запасы крейсера «Худ». Возможно, это еще одна байка, но «Худ» был самым большим военным кораблем в конце тридцатых годов нашего великого столетия. Как известно, он погиб, и утащил на дно более двух тысяч моряков, а потопили его, смешно сказать – величайшая трагедия, одним снарядом, попавшим в пороховой люк.

Но наши мореходы, по-видимому, знали эту историю, и над пороховыми люками поставили броне непробиваемые крышки. Вопрос о провианте был решен мимоходом. Во-первых все привыкли питаться воздухом, а во-вторых в кладовые «Лохани» кое что подбросили в порядке неприкосновенного запаса. Теперь предстояло решить вопрос о команде. После последнего крушения их, морских волков оставалось всего семнадцать, вот почему Петля-На-Шее решил завербовать в авантюру, как он изволил выразаться, умопротропов, которые с радостью согласились – а что им терять? Команда подобралась на редкость удачная: бездельники и пройдохи, где их нет? и ни одной куртизанки, или как их там.

Итак, команда корабля перед отплытием состояла из 87 человек, и демонстрировала свое единство. Им не хватало только ядерных боеголовок, ибо умопротропы оказались на редкость воинственными людьми и впоследствии, как мы увидим, захватили всю власть в свои руки. Но, так как нас с вами по-

следствия пока не интересуют, то об этом после; а сейчас мы попадем на прощальный пир, где присутствовало множество гостей: дипломатов, журналистов и отпущенных на волю преступников.

В том-то и суть, что мне придется выбросить следующий абзац о политике – все, что нужно доводится до меня и вас с помощью радио и газет. Позволю себе привести только отрывок из речи Маринованной Селедки, где он заметил, что мир будет поражен, потрясен и вследствие этого сохранен, для достижения благополучия, что его и ждет. Все были потрясены, растроганы. Газеты сказали: «Молодец», и он чрезвычайно этим гордился и пыжился.

ГЛАВА 7

В НЕЙ КОРОТКО: ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ.
ПОТЕРЯ КУРСА, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО.

На другой день, едва солнце вышло из-за того места, где оно всегда изволило почивать, в понятии простодушных, наши путешественники подняли «паруса» и при помощи попутного ветра отчалили из гавани. Огромные толпы умопротропов провожали их, утирая рукавами свои соленые как море слезы, но они отчалили и все тут.

«И никаких гвоздей», – говорил боцман. – «Нечего понимаешь из-за пустяков слезы лить. Сегодня 70 умопротропов уехали из родных краев в недалекое будущее, а завтра, может быть, целые миллионы их распространятся по всему белому свету».

Боцман, оказывается, был философом, хотя об этом никто не знал, и более того, сам он читал только одну, свою любимую, книжку про одноглазого пирата, в коей последний без всякой философии грабил и жег все что мог. Увы, боцман был пророком. Умопротропы действительно что-то пытались сделать по части заселения своими потомками все и вся на земном шаре, но из этого ничего хорошего не вышло; но кто знает, может быть, они и сейчас лелеют эту надежду в сердцах своих? Может быть, потомки их где-то растворены среди нас.

Итак, они плыли по синему морю до той поры, пребывая в безмятежном спокойствии, пока Петля-На-Шее не обнаружил отсутствия руля на корабле.

«Но, ведь у нас же корабль управляемый», – уверяли его, – «загнешь фанерный лист на мачте и глядишь через час, другой и развернется, а куда нам спешить?»

«Нет», – возражал он. – «Нет, так не пойдет. Надо что-то предпринять, или получится, что-нибудь непредвиденное. Команда у нас хоть и бравая, да разношерстная, и если один будет загибать лист влево, то другой начнет загибать вправо, и получится, что щука, лебедь и рак – он знал эту басню».

«Да, да», – поддерживал его Гончий Пес, – «я не менее капитана уверен в этом».

Он называл его капитаном, потому что он действительно стал капитаном, а не помощником капитана, как прежде. Собственно говоря, их разговоры на эту тему мало кого тревожили, разве что некоторых, особенно нервных.

«Что ж, раз никто ничего не хочет делать, то подождем да посмотрим, что из этого выйдет?» – Высказывался Петля-На-Шее, и уходил в свою каюту писать мемуары на всякий случай.

И они продолжали плыть по воле легкого зефира, который должен был, по их расчетам привести корабль в одну из тихих гаваней архипелага «Держи

карман шире». Однажды Маринованная Селедка заметил, что некоторые доски на бортах расклеились, и вода стала проникать в трюмы; но капитан заверил его, что это так и нужно, и велел своим морякам закачать в эти же трюмы, как можно больше воды, чтобы, как он говорил, все доски размокли, разбухли, и перестали бы пропускать воду. После того, как ценное указание было выполнено, решили все-таки к названию корабля через тире добавить то название, которым brave матросы величали свое судно.

Теперь любознательный мог бы прочесть на борту сей «хламидомонады» нижеследующее: «Тихий Ужас» – «Размокшая Лохань». После этого был праздник, а потом, как водится, заслуженный отдых. Вообще-то на корабле все, кроме вахтенных, что рулили фанерными листами, привязавшись к мачтам, бездельничали; но безделье их иногда бывало творческим. Особенно бурное развитие получила новая карточная игра: «Просвистел все на свете», которой заразились все, начиная от воздухова (кока), и кончая «святой троицей» однажды, когда проигрывать уже было нечего, ветер подул в обратную сторону, и кораблю уверенно маневрируя, поехал назад. И что вы думаете, матросы растерялись? Нет, они мигом посрывали все фанерные листы, если хотите щиты, а Ломовой Извозчик опустил среднюю мачту почти до самого низа, и корабль резко затормозил задний ход, а потом и вообще остановился, так как мачта зацепи-

лась за дно – так была открыта новая банка, где, возможно, до сих пор ловят рыбу.

«Вот это дело»! – радовался, как ребенок, Нособитый, – «Долой якоря! Да здравствует новый способ»!

На беду экипажа ветер стал очень часто менять направление, а потому пришлось составить отдельную вахту из умопротропов, во главе с Ломовым Извозчиком. Они то и дело: то уменьшали величину средней мачты над кораблем, то увеличивали ее, то привязывали щиты, то срывали их – на потеху всем бездельникам и лодырям, которые были и здесь, и только тем и занимались, что подначивали работающих в поте лица своего. Так они плавали долго, долго.

«Где же мы находимся»? – Спросил однажды Петля-На-Шее боцмана, но тот в ответ только пожал плечами, что могло означать: «а бес его знает», или «ты капитан, а я что? с меня взятки гладки.

«Сволочь», – ругал его про себя капитан – «Сволочь»!

Горю помог Гончий Пес. У него с собой была маленькая книжица – «Занимательная астрономия», которую он и вручил капитану, предварительно намекнув на клочок банковской бумажки. С радостью приняв сей драгоценный «подарок» Петля-На-Шее заперся у себя в каюте, где в течение долгих дней и бессонных ночей штудировал его – он хорошо знал

буквы; а затем с помощью топора смастерил секстант (не сектант – сектантов на корабле не было), и с помощью его, секанса и косеканса, звезд, луны и солнца, сегмента, радиана и дины (о, он много изучил), вычислил, но увы, не место корабля, а только его отклонение от заданного курса на 174 градуса 28 минут 13,545 секунд.

«Вот здорово!» – орали все. – «Теперь-то мы знаем, куда нам нужно отклоняться в случае чего»? Но капитан успокоил их, сказав, что не надо путать белое с черным, и метеорологический ветер с навигационным.

«Пусть все будет так, как было, а я буду заниматься вычислениями для науки, ибо мы плывем туда куда надо». – Говорил он. Далее он продолжил: «Поправка на девиацию и магнитное склонение не так уж велика, всего-то около пяти градусов, но и она нам играет на руку, и кто знает, может быть нас уже засекли радарные установки? А мы их обманем – приплывем не в ту точку, где нас ждут».

«Хорошо», – согласились умопротропы, – «Пусть все будет по-прежнему, а мы тем временем будем изучать различные, новые слова, необходимые для процветания человечества. Дайте нам эту возможность». И им ее дали. Они выучили следующие слова: абсурд, аврал (на корабле его никогда не было), авантюра, авиация, агент, в обоих смыслах, агрессия, агония, акустика, амбразура, амуниция, ампу-

ла, анкета, антимиитаризм, арест, артиллерия, атомная бомба,.. и ряд других слов, на другие буквы. Когда их в шутку спрашивали, для чего все это им нужно? То они отвечали: для беззакония и безнаказанности – вот для чего, и радовались.

После того, как умопротропы заучили все эти слова, то они стали наглеть, и это было настолько очевидным, что их стали побаиваться все остальные, а их было-то всего семнадцать. В конце концов умопротропы захватили всю власть в свои руки, но для вида поставили во главе всей экспедиции, трепещущую от страха, «святую троицу». Капитану они выбили пару зубов и сломали руку; боцмана с пятеркой других, позволявших по их адресу неуместные шутки, посадили в трюм на длительный срок для воспитания; одного матроса, высказавшегося против их самоуправства просто-напросто вздернули на рее (этот момент был запечатлен на снимке), а всех остальных заставили работать. Да, что там чужие моряки, они и своих малосознательных не щадили – вот как это было. Не думайте, конечно, что власть они взяли одним махом. Нет. велась агитация и пропаганда, а потом был обыкновенный маленький путч – вот и все.

ГЛАВА 8

НО ДАЛЕКО НЕ САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ

Умопротропы, хотя и захватили власть в свои руки, однако, все же побаивались «святой троицы», в лице которой, вернее за спиной их, они видели нечто существенное и опасное для себя, вот почему они и пошли на временные уступки. Более того, они выпустили на свободу всех заключенных иностранцев, но не своих; взгрустнули о повешенном, поклявшись в предотвращении подобных инцидентов в будущем; погоревали о травмах бывшего капитана; и наконец, заключили дружелюбный пакт со своими новыми партнерами о непадении. Произносились речи, печатались фотографии и лозунги: умопротропы на страже мира; умопротропы и всеобщая безопасность; умопротропы – это не реваншисты; умопротропы и всеобщий рай! Думаю, хватит перечислять. А вы, как думаете? Новое в новом. Но, о новом расскажет следующая немаловажная глава под номером: ...

ГЛАВА 9

НОВОЯВЛЕННЫЕ КАПИТАНЫ, И ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Итак, оказавшись у руководства, умопротропы совместно со «святой троицей», в первые же часы своей деятельности, занялись всеобщим пересмотром нужных и ненужных ценностей. Первым делом были взломаны все сейфы, ключей нигде не нашли, и содержание их подверглось тщательному осмотру. Затем всё, кроме пороха дымного и бездымного и прочего вооружения, что находилось в трюмах, было извлечено на палубу для тщательного проветривания и просушивания, но, к несчастью пошел сильный дождь, который заставил их проделать обратные действия. Пользуясь всеобщей передышкой, матросы ели, спали, пили и горланили свои песни.

Эх! Корабль, наш корабль,
Наша славная лохань.
Кое-кто других ограбил –
Оказался просто дрянь.
Боевые мы матросы,
Нарушаем тишину.
Попадутся нам утесы –
Пусть минами ко дну.

Тем временем в каюте сшивали новый флаг, вернее два флага; один маленький белый с красным крестиком, а другой черный с белой эмблемой. Эмблема напоминала чем-то скрещенные кости, что приводило всех умопротропов в восторг. Однажды, когда показалась эскадра, идущая встречным курсом на всех парах, умопротропы вывесили белый флаг.

«Для нашей же безопасности». – Говорили они.

Оказывается, корабли эскортировали большой транспорт, идущий в одну из стран по своим делам.

Совсем забыл рассказать о том, что «Тихий Ужас» уже успел навести ужас в окрестных морях, утопив несколько судов, присвоив их запасы себе, но это столь мелко и незначительно, что я, как-то этого и не учел. Зато учли другие, да еще как учли – вот почему транспорт, так усиленно охранялся. А хорошая была бы добыча, думали умопротропы, но оказалась не по зубам. Поравнявшись, с кораблем до того невиданной конструкции, корабли отсалютовали ему, а их адмирал по мегафону спросил: «Надо ли чем помочь, санитары»? Но санитары поскромничали и ответили, что у них все есть, но за заботу спасибо, и пожелали адмиралу счастливого пути, так как боялись разоблачения. Но потом, удалившись от лиходеев, как они обозвали эскадру, умопротропы вывесили черный флаг. Никто никогда бы не узнал, что их корабль военный, если бы на борту одного из встречных кораб-

лей не было бы фотографа. Спустя много времени, разбирая один из архивов времен преддверия всеобщей потасовки, один из больших начальников, одной из иностранных разведок сказал, рассматривая историческое фото: «неужели это тот самый корабль, который принес столько бед и горя в морях нашего, многострадального, земного шара.

Да, это был он, но от него оставалось только фото – вот почему он является и сейчас загадкой; но многие и многие из людей, особенно «золотая молодежь» в различных странах мира, плывут по тому же пути, с тем же курсом, и очень жаль, что таковые еще существуют!

Долго еще странствовал «Тихий Ужас» по океанам и морям, и может быть, плавал бы и теперь, но счастливая случайность привела его к архипелагу Держи Карман Шире (ДШК), но только пристали к нему с другой стороны, как раз туда, где находилась страна Яиниссиба.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «ДЕЯНИЯ»

ГЛАВА 1

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА АРХИПЕЛА-
ГЕ «ДЕРЖИ КАРМАН ШИРЕ»

«Страна Яиниссиба* – чудесная страна», – говорили умопротропы. – «Но жаль, что мы приехали сюда слишком поздно».

И в этих словах была истинная правда. Подумать только: наши мореходы плыли, черт знает сколько времени к берегам этого проклятого архипелага; в то время как проносились дни, пролетали годы, проходили столетия – прежде чем им удалось до него добраться. А наша «святая троица» – она тоже прибыла слишком поздно, на этот уже обетованный, их же соплеменниками, материк. Подумать только, как они отстали от времени. С тех пор, как они ушли в свое, еще никому не ведомое плавание, миновало столько времени, что и в сказке не сказать, и пером не описать. Вот как. Миновала целая эпоха, выросли новые поколения, полопались торговые дома; но торговый дом «Ограбиловы компания» существовал до сих пор, переходя по наследству к еще более алчущим потомкам. Десятки, нет сотни, а пожалуй, и это точно, и целые тысячи их кораблей давным-давно не только открыли архипелаг, но и сумели ограбить этот

материк до умопомрачительной степени. Впрочем, они внесли туда и цивилизацию. Соотечественники «святой троицы» – невинные пастыри – просветители, или иначе миссионеры несли на своих монолитных плечах тяжкое бремя очеловечивания жителей этого материка, которые с кроткой любовью и радужной терпимостью осваивали все, то новое, что преподносилось им, одаривая учителей и наставников своих соответственно желанию последних. Словом соотечественники «святой троицы» весьма плотно устроились на это материке, и совершенно не желали слезать с насиженных ими мест.

«Святую троицу» предъявившую свои верительные грамоты, встретили, конечно, без особого энтузиазма, из-за того, что те несли с собой лишь архаизмы прошлого; но все же встретили, и даже больше: им дали приходы, с которых, дескать, они будут собирать мзду, с чем они и согласились естественно, ибо другого выбора у них не было; но команде умопротропов власти чинили всякие препятствия... Словом выгрузка умопротропов из «Тихого Ужаса» стоила последним немалых усилий. Боже, мой: какие у них были узкие трапы, и из каких гнилых досок они были сделаны!? Трапы ломались, умопротропы падали в воду и наносили себе серьезные повреждения о подводные камни; но все же им удалось выбраться на берег, и не только выбраться, а даже суметь отхватить себе лакомый кусочек архипелага, а именно Яиниссibu. В этой главе я и закончу свое повествование о

дальнейших приключениях умопротропов. Еще раз повторяю, что даже этнографы не знают этого народа, который однажды хотел покорить весь мир. Но, как известно (опять это следует из бутылки), у них ничего не вышло. Им везде надавали по шеям, и заставили вернуться в свою Умопротропию. Говорят, что и теперь, подобные им появляются на земной поверхности, но это уже современность – это область политики, а я, как известно, пишу о приключениях нашей славной и доброй «святой троицы» пронесшей свое «единство» и «сплоченность» через века, но пока без миров, ибо им до миров добраться, еще не удалось. Однако, странно – проходили века, а «троица» не старела. Вот ведь как бывает, и не только в космосе, а кое-где и у нас на земле.

Бедные «марсиане», они-то узнали почему фунт лиха; нет, не фунт стерлингов, как некоторые могут себе представить. Не заработав на своей беспардонной авантюре ни пенса, ни цента, и тем более ни пфеннига, они – «марсиане» вылетели, как диканьская Солоха, в трубу. На освоенном материке сейчас происходит нечто подобное. Соотечественники «святой троицы» один за другим покидают «гостеприимные берега» по любезным визам добродушных и вежливых хозяев.

ГЛАВА 2

ОДНАКО, ЧТО ЖЕ ЭТО ВСЕ-ТАКИ БЫЛО ДЕЛА И ПЕРСПЕКТИВЫ «СВЯТОЙ ТРОИЦЫ».

«Эх!» – потянулся Ломовой Извозчик, – «что за чертовщина!» он зевнул еще раз, поскреб голову и произнес: «Приснитя же».

После этого он разбудил своих приятелей по путешествию. Те, оба, как сумасшедшие, мгновенно проснулись.

«Знаете, что?» – Сказал им Ломовой извозчик, – «Знаете, что мне приснилось? Мне приснилось, что, будто мы находимся на материке «Держи Карман Шире». Хоть убей меня, если я знаю такое название!»

«Да, да. И мне это снилось, и еще плавание на какой-то там «Лохани» или «Ужасе». Брр!» – Высказался Гончий Пес.

«Это еще не все». – Поддержал разговор Маринованная Селедка. – «Мне снились и вы и остров «Спасения» и умопротропы – диковинные люди со странными порядками и правами».

«Да, да!»! – Наперебой закричали все. – «И мне, и мне это тоже снилось».

«Вот это здорово, что нам снилось», – Сказал один из них, – «Ну и чудеса!»!

И тут друзья наперебой принялись рассказывать свои сны, а я вас уже в их большую часть посвятил. Остались кое-какие мелочи. О них-то я и расскажу вам, читателям. Приснится же!?! Я соберу их сновидения вместе, так, чтобы не получилось хаоса; ибо всем им снилось одно и то же, и преподнесу вам. Итак, мы с вами на чужом материке, но не в эпоху его расцвета. Удивительное совпадение – как только они попали на этот архипелаг, или материк, как хотите так и считайте, и получили владения, каждый из них попал в, возможно, до кромвельские времена, а возможно, и в его эпоху; но на такой материк куда еще нога не только их соотечественников, а даже первооткрывателей не вступала. Где они проснулись, и почему там они оказались, уважаемый читатель, тебе будет известно в последствии; а пока питайся той духовной пищей, к которой питают слабость многие уважаемые люди.

«Итак, с чего мы начнем»? – Сказал Маринованная Селедка (почти по Жюль Верну). – «Начнем с самого начала, то есть с освоения еще никем не виданного края, то бишь этого материка. – «Отвечало ему эхо, и этому вторили его сотоварищи».

«Это хорошо», – заметил Гончий Пес. – «Но где же Петля-На-Шее? Куда он запропастился? Неужели он только снился, или, может быть, его все-таки вздернули за его же деяния творческой и вдохновенной жизни».

«На нет, и суда нет», – отвечали ему его друзья.
– «Нам и без него хорошо – сами себе начальники»!

Доволен ли был этим открытием бывший помощник, приснившегося капитана или нет? не ведаю; но они то уж были довольны. Они даже ощупывали друг друга, для пущей убедительности, что сами-то они не сон, а явь.

Вдруг кто-то за их спинами рывкнул: «Так точно! Никак нет! Остатки героической команды без умопротропов, во главе со мной, явились в ваше распоряжение»!

Перепуганные собеседники оглянулись и увидели: широко улыбающееся лицо боцмана Нособитого, и кучку весьма заросших и оборванных матросов.

«Ура, Нособитый!»! – завопил Маринованная Селедка. – «Теперь-то нам никакие преграды не страшны»!

Боцман, одетый сначала почему-то в белый халат, на их глазах перевоплотился в того самого джентльмена, о коем я уже имел счастье сообщать вам.

«Прежде всего, надо закусить». – Решили все собравшиеся. – «А потом искать местных жителей». Предложение было одобрено и выполнено. Все закусили и пошли путем праведным на поиски следов человечества, которое, в конце концов, должно было

быть, а как же иначе? Тогда зачем бы их посылали на ДКШ? - Так они решили поладить с аббревиатурой.

«Тяжелая дорога». – Сказал МС. – «Только один ГП, преодолевает ее свободно».

«Вот именно». – Подтвердил ЛИ. – «Вот именно». И тут же внес новое рационализаторское предложение, которое принесет огромную, по его словам, пользу не только им, но и всему ДКШ. Предложение ЛИ заключалось в том, что матросы должны были рыть канавы, осушая таким образом целые болота; рубить лес и вдоль, и поперек для дорог, а за одно и для заготовки дров, что также необходимо. Бравые матросы с мастерством и усердием исполняли эти возложенные на них задачи, и таким образом вся экспедиция во главе со «святой троицей» двигалась в глубь материка.

«В конце концов», – заявил ГП, - «Лес надо рубить и для лучшей видимости, а болота осушать для скорости дальнейшего передвижения».

Бедняга, он и здесь чего-то опасался. За каждым кустом ему мерещилась засада из полицейских, а каждая яма на болоте казалась ему ловушкой.

«Ну, что ты дергаешься»? – Говорил ему ЛИ. – «Смотри ГП, даже МС, и тот спокоен, ведь мы-то на архипелаге, и тут нет полицейского отдела»

Чем дальше в лес, тем больше дров. Путники с успехом освоили сокращенную терминологию и ста-

ли все вещи называть отныне своими именами. Хорошо бы построить здесь ликероводочный завод, или «трестрестолвинтпраззак** думали они, и все соглашались с ними. Не буду упражняться я в этой тарабарщине. Хватит, по-моему, а? Но они упражнялись и днем, и ночью, и надо полагать, что они вполне осмысливали, то о чем говорили. Еще бы, побывать в стольких переделках, да не научись, смешно было бы. В конечном счете, вышеизложенное к делу не относилось, а потому мы перейдем с вами к тому, что относится к делам.

Местные жители (Они все же успели с ними познакомиться), оказались троглодитами – как они их величали, которые в большинстве своем были лентяи и бездельники. Эта последняя формулировка принадлежит тоже к открытиям «святой троицы». В прошлом они (троглодиты) были могущественным народом, но затем у них возникли междоусобицы и распри, что и привело их к анархии. Анархия – мать порядка, это все знают. Знали об этом и некоторые из них. Они-то и воспользовались этим, далеко не блестящим положением дел на архипелаге, и захватили власть в свои руки, присвоив себе соответствующие звания и ранги. Дело на этом не закончилось. Эволюция развития продолжалась. Что знали Адам и Ева? – ничего не знали; а вот они, троглодиты, знали, что такое работа, палка, спицы и колеса истории. Во всяком случае, у них вскоре появился губернатор, а не какие-нибудь там: президенты, канцлеры, короли, набобы,

шахи, султаны, шейхи, министры, дервиши, маклеры, организаторы, или еще другие чиновники. Губернатор – и все тут! Губернатору помогали править преданнейшие из троглодитов, но полиции, как таковой и жуликов, как таковых не было. Такое стечение обстоятельств особенно радовало ГП, как, впрочем, и всех остальных.

«Подумаешь там торговый дом «Ограбиловы и компания», тут нам самим дела хватит». – Мыслили они, набивая свои поистине широкие карманы на брюках фасона «клеш».

Большинство троглодитов жило в глинобитных лачугах, а некоторые из них в пещерах и на деревьях, как обезьяны. Жили они все вместе, не зная: ни братьев, ни сестер, ни матерей, ни отцов. Знали они только губернатора, а затем, конечно, узнали и всех членов нашей экспедиции. «Троица», по появлению своему среди них, объявила себя посланниками неба и звезд для наведения порядка на архипелаге, что сначала привело губернатора в восторг, но затем навело на грустные размышления; но когда он размышлял о случившемся, то было поздно размышлять, и не только размышлять, а вообще, что-либо делать. Благодаря восторгу губернатора «святая троица» взяла все полномочия власти в свои руки, а затем, предоставив ему свободу в легкомысленных занятиях и забавах, стала коренным образом изменять порядки, введенные губернатором. О их, коренных преобразованиях нам станет известно (конечно, из бутылки), из третьей главы.

ГЛАВА 3

КОРЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО.

Свои истинные цели наши путники, естественно, держали в секрете, хотя в этом большой нужды не было, ибо троглодиты все равно не могли бы осмыслить всего того, что совершалось в те бурные дни на их родине. Вступив на стезю, новой деятельности, «святая троица», прежде всего, отблагодарила своих бескорыстных джентльменов денежными авансами, которые те могли получить только по месту отпуска, в который их, разумеется, и отправили на неограниченный срок, где они могли и отдохнуть, и как следует повеселиться. Жалкие остатки когда-то боевой матросской армии разбрелись по разным уголкам архипелага, и естественно, кто где сумел, тот там и обосновался. Словом, бывшие матросы стали теперь чуть ли не князьями эпохи феодализма. Но предоставим матросов самим себе, и больше не вернемся к ним за исключением боцмана Нособитого, который очень и очень годился на, различного рода, мероприятия по выжиманию соков из населения. Оставшись вчетвером наши герои затеяли теперь уже сухопутное плавание, во время которого ими были проделаны все наиважнейшие мероприятия, необходимые для полного процветания, этого еще дремлющего материка. Прежде всего, они создали совершенно новый управ-

ленческий аппарат, непрерывно видоизменяющегося и совершенствующегося.

«Дутые штаты – это никуда не годится!» – Заявлял МС. – «Вот почему необходимо создать дополнительную организацию и реорганизовать основную, дополнив ее особо необходимыми отделами, а также завести при них особые бюро, для первичной обработки, материалов, поступающих от организуемых нами, согласно пункту «а» первого параграфа, абзац третий, конторзаготскотсырбормасмолмяспром... ну, и так далее». Потому что, если продолжать далее, то потребуется слишком много, не только бумаги, но и осмысления этой абракадабры. Все единодушно одобрили этот вполне разумный шаг, а затем решили создать новую, вполне отличительную организацию, от ими раньше внедренных, для насаждения порядков, которой только и не хватало. Называлась эта организация так: «Прокурорсуд», а в качестве исполнительной организации состоящей при «Прокурорсуде» была основана другая, и по видимому, ни во что, не ставившая «вышестоящую, а скорее наоборот помывкавшая ее с особо выдающимся названием. Нет, во избежание эксцессов я не буду называть ее, ибо мало ли что? троглодиты величали ее между собой так: душу вытряхнут, беспардонное мордобитие, увеселительная ночевка при холодном поте и т.д.

И кто вы думаете был поставлен во главе ее. Угадали. Конечно же Нособитый – он и только он мог вращать эту огромную машину широкозахватного

действия в любую необходимую сторону, и он же осуществлял контроль за «Прокуросудом». Создав все необходимые для процветания архипелага организации, этот великий триумвират, о котором в истории вы не найдете ни слова; хотя два других, прочно сидящих на ее страницах, являют собой ничто, по сравнению с ним, стал проводить в жизнь одно за другим, великие из величайших, по их мнению, мероприятия:

во-первых, каждый из них построил себе отдельную резиденцию – дворец, и окружил себя сотней, другой величайших прихвостней и прохвостов. Кого там только не было. Были и астрологи, и мудрые из мудрейших, факиры и тунеядцы, шарлатаны и шантажисты, льстецы, и наконец, различного рода министры, магистры, артисты и «атеисты» - верившие только в золотого тельца;

во-вторых, каждый из них завел по множеству разных дач и квартир для личного отдыха и приема гостей, а также и множество друзей и подруг – последних явно больше, чем первых. Кроме того, десятки милovidных секретарш оберегали покой своих великолепных покровителей. Кому, как не им, они были обязаны своими щегольскими нарядами, а иные даже современнейшими лимузинами различных марок. Естественно никто из них не мог себе позволить такой роскоши, как гарем или сераль, что бросало бы на них общественную тень. Только одному губернатору это было позволено, ибо это позволяла его религия, но он

уже был довольно стар и дряхл, и не мог идти ни в какие сравнения с персидскими шахами, с турецкими султанами, с индийскими набобами или магараджами, окружавшими себя лучшими розами своих и чужих владений, в которые частенько запускали руки. Но губернатор жил, уповая (в кого он верил – понятия не имею), на того в кого верил и в свое удовольствие. Больше того, у него были: «резиденция», где ему выплачивали пособие; несколько слуг с секирами и без секир (для устрашения), автомобиль весьма неприглядной формы, образца затертого года и собственная упряжка из... старенькой, выдавшей виды, лошаденки и обыкновенной телеги. Но оставим губернатора. Пусть живет. Продлим ему полномочия покуда жив, а там посадим на его место следующего дармоеда, из его же родственников – это и есть олицетворение порядков. Итак, мы уже упомянули о дачах, но не упомянули о том, что в них происходили различного рода пьянки и оргии, с рок-н-роллом, твистом, стриптизом и порнографическими этюдами. Секретарши и прочие подружки мазали свои губы ядовитыми помадами, носили юбки фасона – выше колен с разрезами открывающими привлекательные части бедер в стремлении превзойти друг дружку. Многие из них мечтали сделать карьеру, а ради этого, на что только не пойдешь... Говорят, что некоторые из них, благодаря этому проникали на подмостки театров и прочих увеселительных заведений;

в-третьих, каждый из них завел себе сотню, другую осведомителей, сообщающих своим благодетелям о деяниях и замыслах их же друзей. Куда там тягаться с ними таким организациям, как иностранные разведки, да это вообще мелочь по сравнению с новой всесильной организацией на архипелаге;

в-четвертых, каждый из них принялся за создание, якобы для охраны своих резиденций, регулярных полков, дивизий, корпусов, армий... и это мероприятие проводилось в жизнь, куда как успешно. Теперь, в случае чего, было на что опереться. Можно было теперь созывать совещания на всех уровнях и даже, время от времени, вспоминать о героической миссии умопротропов;

в-пятых, каждый из них завел органы печати, задача которых состояла в затуманивании мозгов троглодитов, и крике о полной поддержке демилитаризованному триумvirату; и надо сказать, что с помощью этих органов, они многого добились;

в-шестых, каждый из них создал целый ряд уникальных радиостанций, день ночь кричащих о божьей милости, ядерной войне и всеобщем процветании до и после этого, а также и возможностях процветания в современности.

В-седьмых, каждый из них (и это, само собой разумеется), за короткий для истории срок, создал тысячи фабрик и заводов, выпускающих все, начиная от пуговиц, и кончая ядерными боеголовками. А ка-

кова была реклама: «все для войны и нужд населения»; «процветание зиждется на всеобщей потасовке»; «мир спасут ракеты и радости, получаемые в цивилизованном мире». Словом заводы дымили на радость всему населению. Часть этих заводов выпускала предметы общего пользования или потребления, если их можно было употреблять, не опасаясь за несварение желудка, или колики. Особенно радовали население новые фасоны одежд, сшитые стандартно по форме военного образца и покроя. Везде и всюду, , во всех организациях и производствах люди баррикадировались в особые униформы, дабы их можно было отличать друг от друга.

«Вот это железнодорожник, а вот это ученик троглодитской школы, а вот, вот это; да что ты слепая что ли?» – говорила одна домохозяйка другой. – «Вот же он, мальчик, ходящий в детские ясли».

«Теперь вижу», – отвечала соседка. – «Хорошо скроено; но когда же и нам будут выдавать форменное обмундирование? Так и хочется в него облачиться. На радость себе и злобу соседям».

«Не печалься, скоро!» – отвечала соседка.

Это, естественно, к заводам и предприятиям не относится, а потому перевернем пластинку, и...

В-восьмых, каждый из них завел специальные лагеря для перевоспитания невоспитанных, а таковых развелось с ростом цивилизации целая уйма, и тюрьмы для временного успокоения расшатавшейся нерв-

ной системы любого из пациентов. Во главе каждой из этих организаций стояли свои испытанные и надежные люди, которые, подобно церберу, делали невозможное, обращая внимание подданных своих, на путь истинной веры и благопристойного поведения, что было, особенно, необходимо для всеобщего процветания архипелага;

В-девятых, каждый из них покрыл сетью, различного типа, дорог отведенные участки, и это тоже было сделано для процветания. Правда, многие места оказались покрытыми сетью таких дорог, на которых ломалось и портилось все, что туда попадало; но это не представляло из себя такой важной темы, как, например, автострада для диссертации;

В-десятых, каждый из них создал сотни различных увеселительных заведений на радости и прихоти обывателей, но на самом деле для выкачивания средств из их карманов. «Хлеба и зрелища» – древняя поговорка, но она оправдывает себя и наши дни.

Проделав, таким образом, огромную работу, поистине титаническую работу, каждый из «святой троицы» не успокоился на достигнутом, ибо, основная цель коренных преобразований состояла-то не в прогрессе ради прогресса, а в прогрессе выжимания всего того, чего еще не было выжато. В процессе своей деятельности, они создали мелкие побочные организации, к которым относились и такие: как школы, где учились многие из немногих; больницы, куда по-

падали немногие из многих, и ряд других душеспасительных организаций для всех! В их число входили: богоугодные заведения, в которых «упаси бог» денег не брали за вход, но каждый дарил на свечки, лампадки и прочее, столько, сколько мог; пивные, куда каждый, кто был волен в своих действиях, нес столько, сколько у него бренчало в кармане. Я не говорю: о шикарных отелях, типа – все для вас, но с вас тоже причитается... умопомрачительная сумма; о барах или ночных ресторанах, куда был вхож любой, кто мог бы внести соответствующую мзду сразу же по приходу заинтересованным в этом лицам: швейцарам, вышибалам, официантам и другим подозрительным субъектам.

Теперь мы видим, что правление «святой троицы» привело архипелаг «Держи Карман Шире» ко всеобщему счастью и благополучию, чего они и добивались. Победное шествие промышленности позволяло им задирать свои носы, и настолько высоко, что этим моментально воспользовалась целая свора подхалимов, сумевшая возвеличить «святую троицу» над миром живущих, и поднять их, на еще более недостижимую высоту. Сотни портретов новоявленных святых заменили сотни икон; любое учреждение носило чье либо имя (реликвия при жизни), а внутри его от крыши до фундамента целые гирлянды их, вдохновляющих на новые подвиги, портретов являли собой дух единства и украшения. Народ привык к молитвам, так создадим богов, или богоподобных идо-

лов из тех, кто правит, благо они не возражают против этого. И пусть себе люди молятся столько, сколько их душам и умам нужно. Превращенные в богоподобных идолов деятели из «святой троицы» еще выше задрали свои носы, и до такой степени высоко, что глаза их могли видеть только солнце – этот великолепный символ земного счастья; но, увы, под ногами у них была земля, которая и кормит, и поит, и носит на своей широкой груди любого из смертных. Земля требовала их взора, поглощенного только, сверкающим в беспредельных высотах, солнцем, и это возмущало ее все больше и больше; и наконец она, окончательно возмущившись, вывела их из состояния созерцания миражей, и заставила их посмотреть на плоды своего правления новыми глазами. Не сразу они поняли, свою оплошность, ибо глаза их не сразу свыклись со столь отвлеченными от солнца предметами, на которые они бросали взоры свои; но земля, непрерывными толчками, напоминающими землетрясение, заставила их прозреть, и они увидели...

О том, что они увидели, и что из этого вышло я расскажу вам в следующей главе; главе заключительного пребывания «святой троицы» на до сих пор еще не открытом архипелаге Держи Карман Шире.

ГЛАВА 4

ТРЕСТ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ.

(ПОЧТИ ПО О. ГЕНРИ) И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО.

Они прозрели. Они увидели, что земля, на которой они стоят стала гореть у них под ногами, не только в переносном смысле этого слова, но и на самом деле. Года величайшего расцвета и года оскудения. Земля превратилась в нечто голое и безжизненное; а народ требовал хлеба, а где его было взять? Собственно говоря, много еще чего требовал народ, но накормить его они были не в силах. И вот тогда, когда они увидели, что земля горит у них под ногами, то стали сомневаться в успехе своей затеи.

«А не пора ли нам смазывать пятки»? – обратился ГП к МС и ЛИ. – «Мы порядком нажились на этом предприятии. Забудем все наши «мелкие» распри, и объединенными усилиями построим новый корабль и уплывем отсюда подальше, пока не поздно, захватив все то, что уже нами добыто».

«Да», – ответил МС. – «Я с тобой согласен ГП, но ты, по-моему, обвел меня вокруг пальца, ты прихватил себе еще и то, что принадлежит не только мне, но и ЛИ».

«Забудем прошлое, это предрассудки» – отвечал ему ГП. – «Лучше смотаем удочки, пока удочки не смотали нас, а это хуже, чем распри».

«Чепуха». – Вмешался в разговор ЛИ. – «Чепуха. Я полагаю, что нам нужно объединить свои усилия, и выжимать соки, до того момента пока они полностью не будут выжаты. Объединимся же, и каждый получит то, что он заслужил»!

«Ишь, какой хитрый!» – завопил МС. – «У тебя сил больше, значит, тебе больше и достанется. Нет, не выйдет. Это я тебе говорю, не будь я МС».

Это совещание проходило на очень, и очень высоком уровне, но журналисты – любители совать свои носы куда не следует, туда не допускались. Совещание было совершенно секретным. Долго еще длилась у них грызня, и, возможно бы, и по сей день не закончилась, если бы ни ГП, наиболее умный и хитрый из этой шайки прохвостов.

«Вот что, друзья!» – Объявил он. – Хватит лаяться. Давайте-ка лучше свалим всю вину на Нособитого и его организации. Пока разберутся, что к чему, мы его же и вздернем, раз он заслужил это. Затем: составим заговор, осудим несколько троглодитов, потом казним и их, и объявим, что это дело рук других заговорщиков, которых, после этого, опять казним.

«Здорово, молодец!» – Воскликнул МС. – «Этот ты ловко придумал, но что же дальше?»

«Я тебя понял», – обратился к ГП ЛИ – он повысил уровень своих знаний за этот период. – «Все остальное беру на себя»!

Тут они стали говорить так тихо, что даже вмонтированные в стены магнитофоны не смогли записать их изречений.

«Ха, Ха, Ха»! – засмеялся МС. – «Мы объявим губернатора врагом народа, и произведем очередной переворот»!

«Вот именно, – подтвердил ЛИ. – «Народ, или там кто-нибудь застрелит его прямо в объятиях какой-нибудь красотки, и эти фотографии, которые успеют сделать фоторепортеры, покажут истинное лицо этого, насквозь прогнившего строя, существующего на архипелаге.

«Браво»! – радовался МС. – «Браво»!

«Далее», – развивал свою мысль ГП, – «Мы устроим всеобщие выборы, и всем от велика до мала дадим избирательные права. То-то обрадуются. Ведь выбирать-то они будут опять-таки нами назначенных людей, так что все нам едино»!

«А пока они выбирают, или там готовятся к выборам», – изрек МС. – «Мы будем: делить и множить, множить и делить, а это не плохо. Я уверен.

«Только надо создать комиссию по подготовке комиссии, которая выберет комиссию по выборам в члены комиссии, которая и будет являться той офи-

циальной комиссией, которая и будет проводить эти всеобщие выборы!» – Смеялся ГП. – «А на это уйма времени понадобится».

Сказано – сделано. Боцман Нособитый был арестован своими же приспешниками в тот же час, когда он сам собирался произвести повальный, но тайный обыск в зале исторического заседания, для вывода на чистую воду «троицы», и спасения, таким образом, своей шкуры. Он думал, что тогда-то и он сможет войти к ним на равный пай, но не тут-то было. И так, он был арестован. Состоялся короткий суд, где большинство свидетелей говорили о его зверствах, а также о зверствах подопечных ему организаций. Он был приговорен к повешенью, но после подачи кассации, этот приговор заменили более легким, как сказали народу; то есть он, боцман получил пожизненную каторгу, чему сотни, нет тысячи, нет миллионы троглодитов были рады. Но на самом деле, боцман был утоплен, так как наши деятели боялись такого свидетеля в живом виде. Он утонул прямо в тельняшке, показывая пример беспримерного спокойствия. В тот же день были утоплены и те, которые топили, и те, которые утопили топивших, вследствие аварии, кто знает?! Поскольку следы заметены, то сразу же был составлен заговор. Был убит губернатор, и, наконец, назначены всеобщие выборы, состоявшиеся в затертом году затертого столетия, на еще никому неведом архипелаге Держи Карман Шире.

Прошло еще много времени, прежде чем народ, не захотевший иметь такое имя, как троглодиты, быть пушечным мясом, понял, что его обманывают, а когда он это понял, то туго пришлось «святой троице». Конечно, она «святая троица» пыталась еще некоторое время, с помощью бунтов и переворотов, выборов и перевыборов по сверх демократическим системам, держаться на архипелаге, или там, на материке, и выкачивать последние капли, того, что еще не было выкачано, но затем и ей пришлось подумать, уже не просто о путешествии туда откуда приехали, а просто бегстве. За время их правления на архипелаге, тысячи их транспортных кораблей везли в заморские царства и государства, награбленные ими богатства, и, возможно, часть из них где-нибудь да хранится, но большая часть этих богатств канула в неизвестность; либо корабли потонули, либо то, что они везли, присвоено другими. Но нашей «святой троице» некогда было задумываться над этими проблемами, потому что их армии и подвластные им народы твердо усвоили отныне, что им нужно, и без чего они могут обойтись. Действительно: налоги да поборы, которые драли с них, превышали их заработки, а это и привело все население архипелага к возмущению.

Дальнейшая история троглодитов была неимоверно веселой, так как эрудированные члены безответственной шайки решили, что лучше быть продавцами кваса на улицах современного города, чем получать по заслугам... И здесь дело не обошлось без

обмана. Они объявили, что выезжают на короткую экскурсию для ознакомления с очагами бедствия, а затем вернутся, и жизнь наладится.

«Мы перетряхнем аппарат сверху донизу», – заверил население ЛИ, – «И вот увидите, как вам будет хорошо, а пока до скорой встречи!»

На чем они уплыли, и куда они приплыли, и что случилось с архипелагом – этого, не знает ни один историк; да и откуда же ему знать, если один из рыбаков, рыбачивший в одном из четырех океанов, выловил только одну бутылку, которую ему обменяли на воздух, а в действительности отняли, предварительно избив. А что же было в бутылке? А в бутылке было все то, о чем мною уже написано; и еще то, о чем я писать не осмеливаюсь. И далее еще то, что у них на корабле создалось столь морально-разложенное неустойчивое положение, что их корабль затонул.

Они долго кричали СОС, но потом быстро составили соответствующие документы, запечатали их в бутылку, и выбросили в одном из четырех океанов земного шара. Вот ведь, как было!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Само собой разумеется, что многие торговые дома, и в том числе дом «Ограбиловы и компания», надулись и лопнули от злости, а раз уж они лопнули, то стоит ли продолжать то, что само собой приходит к концу. Да, стоит, но об этом расскажет пятая и последняя глава это части.

ГЛАВА 5

И СОН, И БРЕД, И ДОМ.

«Послушайте-ка, доктор!» – обратился к лечащему врачу один из его пациентов. – «Вот этот дурак, утверждает, что именно он открыл еще неведомый материк «Держи Карман Шире». Как же! Шиш ему! Ха-ха-ха! Он называет себя Маринованной Селедкой. Он сумасшедший – верно, доктор. Всыпьте ему сотню уколов, а я посмеюсь. Ха-ха-ха!»

«Сам ты умалишенный!» – Огрызнулся его сосед. – «Тебя-то я уж знаю, как миленького. Обобрал меня как липку, а теперь пятки смазываешь. У, скотина ты, а не Гончий Пес. Дайте ему, доктор, нашатыря, он его очень любит!»

«Успокойтесь, друзья мои!» – Ласково увещевал их доктор. – «Ведь час тому назад вы заявили, что видели только сон, а теперь снова делите шкуру не убитого медведя. Нельзя так. В океане произошла катастрофа и ГП, и ЛИ, и МС погибли, – такую весть нам принесла бутылка».

«Как это я погиб!» – Поднялся с койки здоровенный детина с мутно-зелеными глазами. – «Я те погибну, я те погибну! Погибну, так они – вот они – оба злодеи все мое добро отберут, а у меня только в чеках осталось».

«Успокойтесь, дружок», – говорил ему доктор, – «Вы живы, живы. Вы только изменили свое имя и все тут».

«Я те изменю! Я те изменю! Боцман, свистать всех навверх! Аврал! Боцман, вышиби из него дух, и приведи в полную готовность наш славный «Тихий Ужас»! – Заорал это детина, и рванулся, было, к врачу, но его удержали крепкие ремни, которыми он был привязан к кровати, а кровать в свою очередь была прикована к полу, впрочем, как и все остальные в этом помещении. Но, затем этот здоровяк, видя беспомощность своего рывка, сел на место, то есть на койку без простынь, подушек, матрацев и одеял, заплакал.

Оба его друга, увидев это, или услышав, присоединились к нему по части рыданий – о, это была серенада!

«Ну, что тут у вас», – улыбаясь, спросил вошедший, это был главврач, – «Что за какофония?»

«Они хотели бы взяться за руки, но это им не удастся, коль койки стоят в разных углах», – ответил врач.

«Ну, если бы им это удалось!» – Воскликнул главврач. – «То пришлось бы вызывать пожарную команду. Дайте им, что-нибудь снотворное, а то их вопли нарушают гармоническое спокойствие в других палатах», распорядился он, и ушел.

«Успокойтесь, друзья мои!»! – Вкрадчиво увещевал своих пациентов доктор. – «Я дам вам вот по такой сладкой конфетке, и вы сразу же очутитесь в объятиях своих друзей, родственников, близких и знакомых. Я не шучу – это истинная правда. А потом я вам дам по сто грамм вот этого нектара. Вы его так любите!»!

«А ты не врешь!»! – Заявил один из них. – «Дай мне первому (он перестал рыдать), а этим давать не обязательно, они еще молоды. Ты лучше дай им кас-торки. Ха-ха-ха!»!

Его гомерический смех долго раскатывался по палате, но когда его же друзья стали смеяться, еще громче, чем он; он остановился, удивленно захлопал глазами, а потом опять зарыдал.

Слава богу, никто не успел укусить доктора за палец, когда он давал им по конфетке и по полстакана газированной воды. Видели бы вы их неописуемую жадность. Двумя руками держит стакан и чмокает. Ах, как хорошо! Ах, как хорошо!

«До чего только белая горячка не доводит». – Посмеивался врач в общей канцелярии. – «Ума ни приложу, как их вылечить?»

«Да, но вам повезло», – добродушно ухмыльнулся его собеседник. – «Вы то сумели составить целую повесть из их бредней, а я и одной страницы воспроизвести не могу. Пробовал магнитофон – ничего не выходит! Куролесица какая-то и только. Вы то

хоть знаете, чем ваши дышат? А вот, чем дышат мои, кроме воздуха, непонятно! Давайте, коллега, поменяемся ролями, хотя бы на одну неделю. Я вам своих, а вы мне тоже своих – в порядке обмена опытом».

«Нет, коллега, нет. Я к своим привык. Они у меня, если мне память не изменяет, года по полтора лежат, и уверяю, мне иногда с ними весело». – Отвечал ему, уже знакомый нам врач. – «А сейчас они спят так сладко, что их можно положить рядом на одну постель, не опасаясь за последствия. Но уж, если они проснутся, то, будьте здоровы, тумачков и шишек не сосчитать будет. У каждого из них, понимаете, своя записная книжка есть, это главврач разрешил, так они туда мнимые долговые суммы записывают, и кичатся ими друг перед другом, словно чеками. Вот, взгляните, одна из них, принадлежащая «Гончому Псу», так он себя величает, потому что в молодости был вором и неоднократно судился за это, но отбывая сроки, иногда убегал. Я взял ее, как наиболее интересный экспонат, для своей работы. Сумасшествие излечимо, если, но это, коллега, уже моя тайна. Да-да, – пока тайна. Прошу вас быть в числе слушателей, на моей диссертации в сентябре этого года, и тогда тайна раскроется».

«Но», – продолжил он. – «Вернемся вот к этой книжице. Здесь столько данных и названий, что им может позавидовать любой статистик, или любой разведчик. И будь мой пациент здоровым, то он наверняка стал бы сам разведчиком, или экономистом, а

к этому у него есть данные. Второй, мой пациент «Маринованная Селедка», как он себя величает – ему кажется, что он замаринован в бочке, менее интересен, как человек, а третий, так называемый «Ломовой Извозчик» – само воплощение тупости и ограничения. Просто я поражен, как это он свихнулся. Он действительно собирал лом и возил его на телеге, зарабатывая себе на жизнь. Но вся беда, в конечном счете, была в том, что и первый, и второй, и третий сошлись еще задолго до попадания сюда. О, они вели славную жизнь. Я собирал материалы об их деятельности, где только мог, и выяснил, что их страсть к спиртному, и их увлечения («Маринованная Селедка» работал старшим засольщиком селедки), способствовали полному расстройству их мозга по части соображения».

«Простите меня», – прервал его собеседник. – «Это, кажется, из моей палаты. До чего же доводит пьянство?»

«До белой горячки», – отвечал он сам себе. – «Но мы с вами еще побеседуем коллега, и я на досуге, если вы позволите, одолею ваши обобщенные записки, которые вы так интересно озаглавили».

1954 г. Переработано в апреле 1965 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, то, что читатель мой, вычитал из этой повести, оказалось просто бредом и вымыслом нескольких сумасшедших. Но оглянись вокруг себя и посмотри внимательно на бесчисленные недостатки, а вернее на безобразия, что во все времена творились и творятся на всем белом свете. Много? Да, много! Я сознательно вставлял в рукопись свои, чисто авторские отступления, которые вы читали в этой повести, ибо многое не только видел и слышал, но и чувствовал, как это ни странно. Вы все это прекрасно поняли. Словом, я вдоволь поиздевался над тем сором, что у нас дома или под ногами, но на что мы почему-то закрываем глаза. Мне непонятно стремление к модернизации того, что давно уже непригодно, и требует гораздо больших затрат на себя, чем на что-то новое, вновь созданное. Читаешь и поражаешься: везде экономия и доход, да, еще в каких цифрах – хоть сейчас в коммунизм! А на деле: большая половина из этого чепуха и расход. Но самое главное, чему я посвятил повесть – моя личная неприязнь и ненависть к милитаризму, к реваншизму, к войне.

Подумайте сами, что такое являют собой, хотя бы, и в гротесковом виде «святая троица», взятая вместе с «умопротропами»? – Ничто иное, как мир, некоторых держав в переносном смысле. То, о чем мечтали «умопротропы»*** осуществлялось, и может

повториться еще, если их вовремя не остановить. «Тихий Ужас» – пока еще являет собой «Размокшую Лохань», но на нем в подавляющем большинстве «умопротропы», и он плавает и в наши дни, пока еще никого не топя, но...

На этом я заканчиваю свое послесловие, так как не собираюсь делать из него политическое выступление.

Апрель 1965 г.

Примечания:

- * Яиниссиба. Абиссиния (Эфиопия). В 1935 году фашистская Италия напала на Абиссинию, и в 1936 году захватила ее. Это являлось предтечей Второй Мировой войны.
- ** Трестрестстолвинраззак. Трест ресторанов и столовых, и виноразливочных закусочных.
- *** Умопротропы. Такого народа никогда не существовало – пришлось его выдумать.

НОВЕЛЛЫ

БОРИН

Я познакомился с ним в больничной палате, где находился по случаю профилактического лечения своей болезни. Палата наша, рассчитанная на пять человек, была достаточно просторной и светлой, и представлялась как для стационарного лечения, так и для лечения так называемых дневников; то есть эти люди приходили только на процедуры и после отдыха уходили домой, разумеется, после очередного обхода лечащего врача. Но им всем, как и нам стационарникам, полагалась кровать, на которой они в основном и коротали свое дневное время.

В описываемый мною период на режимном лечении находились только двое: я, да еще бывший механик, ранее ходивший в море на судах малого каботажка. В механики он выбился из мотористов, после окончания специальных курсов. Имени и отчества его я не помню, да и никто его не звал по-иному, как просто Борин. И врачи и медсестры, и санитарки, вероятно по привычке, а лежал он в больнице ранее несколько раз, так и называли его, разве что изредка по-другому. На остальных трех кроватях дневали разные люди, которые иногда менялись по случаю излечения, но близости с ними у меня не возникало, да и не могло возникнуть, хотя отношения со всеми были

дружескими. Но к одному приходящему, назовем его пришельцем – «филармонистом», у меня была неприязнь, которой и не могло не быть, но которую я тщательно скрывал. Но о нем несколько позднее.

Так вот именно Борин привлек меня своей беззащитностью, и вместе с тем достаточной долей юмора, и бесконечными воспоминаниями о своей работе – касающихся в основном произошедших случаев в далеко не развеселой моряцкой жизни. Было Борину что-то около семидесяти пяти лет. Жил он одиноко в двухкомнатной квартире, но по случаю утери здоровья и постепенного ухудшения зрения, он в последнее время нуждался в помощниках. И если кто-то из сердобольных соседок, или знакомых пожилых женщин, там у него дома, мог постирать, вымыть полы и сварить пищу, то в палате я стал для него своего рода медбратом, или некоторой панацеей от некоторых бед. В столовую он не ходил, ему все приносили в палату, где он и питался. Глядя на его потуги (Тогда больничное питание было весьма скудным и его явно не хватало), над продуктами, что ему иногда передавал тоже уже пожилой и больной человек, его приемный сын, кстати тоже одинокий и уже пенсионер, как и Борин; да еще волочивший ногу, поврежденную где-то во время работы на полуострове Канин Нос; я чем-то и как мог, помогал Борину.

В молодые годы мне довелось многократно бывать в разных точках этого полуострова, в том числе и поселке Шойна, где этот приемный сын и трудился,

так как я достаточное время находился за штурвалом самолета АН-2, выполняя с экипажами работы по перевозке грузов – в основном рыбы. Я и сейчас помню ландшафт и очертания этого полуострова, его реки и озера, и тем более все те места, где жили или временно трудились люди разных профессий, начиная от оленеводов и кончая рыбацкими бригадами по вылову наваги. Но все мои сотни часов налета остались втуне, ибо были не официальными. От предложенного мне переучивания на вертолеты я отказался, а командир авиапредприятия настаивал именно на этом, несмотря на мои доводы о летном поприще именно на самолетах. Что тут было поделывать? – остался диспетчером по управлению движением воздушных судов. Но оставим эту прозаическую или лирическую вставку в рассказ в покое и вернемся к Борину.

Так вот, у Борина была когда-то семья, но жена некоторое время назад скончалась, а дочь проживала в Апатитах и крайне редко навещала отца. Во всяком случае, в этой Мурманской больнице она при мне ни разу не появилась. Приходили к Борину изредка и его бывшие, тоже постаревшие, сослуживцы и что-то приносили ему. Я упоминал выше о своей помощи ему. Но в чем же она заключалась: носил ему таблетки, менял воду, резал хлеб и продукты, заваривал чай и помогал сестрам и санитаркам по его транспортировке на некоторые из процедур. Словом персоналу это нравилось, и меня неофициально звали нянькой Борина. Борин много чего рассказывал мне о своей

удалой морской молодости, но я ее ни в коем случае не желаю вводить в повествование, несмотря на то, сам он и сожалел и шутил, и смеялся над своими поступками, и даже кое-что смаковал. Мужик есть мужик, бывший моряк тем более.

Но вот упомянутый мною «филармонист» постоянно влезал, когда не спал, в наши разговоры с Бориним. Ну, раз Борин рассказывал мне о себе, то и я ему тоже что-то рассказывал. И именно в самые «пиковые» моменты наших бесед вторгался высокоумудренный, совершенно мало чего знающий и мало в чем разбирающийся, но весьма представительного вида этот субъект, получавший в основном только одну капельницу, но отсыпающийся от каких-то ночных потуг аж до вечера в больничной палате.

Поскольку я в тот означенный мною период кроме наземной штурманской работы, еще и ведал музеем Авиации, то о последнем я и больше всего рассказывал Борину. Но заговорю ли я об авиационном оружии, о самой авиации, о монетах тех стран, где бывал и не бывал, как этот «филармонист», как дока, был тут как тут и молот несусветную чушь в основном касающуюся его личности. Как он! и где он! и когда он! Однажды я напрямую спросил его, что он заканчивал, кроме музыкальных курсов, если он их вообще заканчивал, и кем и где он служил? В итоге выяснилось, что служил он кратковременно в каких-то вспомогательных частях, но ему присвоили звание ефрейтора; а занимается он разговорными и

музыкальными жанрами. Какими именно не уточнялось. Но нам с Бориным и этого оказалось достаточным, для того чтобы ущемить его себялюбие и несколько потеснить в болтологическом процессе.

Но продолжу. Как-то Борин, когда мы с ним остались вдвоем, рассказал мне одну историю, которая и побудила меня к тому, что я пообещал ему: «Если у меня появится желание и возможность напечатывания рассказа о нем, то я его и напишу».

С длительным, более чем шестилетним опозданием я и взялся за перо. Так вот и выходит, что о Борине я кое-что написал, а о той истории пока слова не было» но так как она короткая и поучительная, то я и приведу ее. Как-то Борину предложили путевку то ли в пансионат, то ли в санаторий «Рыбак Заполярья» и он решил поехать, предварительно отправив в те места свою семью, то есть жену и дочь, а затем и сам, наконец, выбрался из Мурманска. В тот раз, несмотря на перелет в самолете до Адлера, он успел пару раз «причаститься» – принять на грудь несколько морских капель обычного ликероводочного эликсира, а затем, взяв такси, отправился к своему будущему. По дороге таксист с его разрешения посадил еще пару крепких молодцов кавказкой наружности и приятности. После третьего «причащения» в машине – они пили чачу, Борину стало совсем хорошо и он почему-то стал играть с ними в карты прямо в такси. Надо сказать, что Борин и ранее бывал в этих местах и место, где находился этот самый означенный пансионат,

знал, как свои пять пальцев. Знал, то знал, но слегка опомнился лишь тогда, когда обратил внимание на какую-то незнакомую местность, и почти полное отсутствие даже карманных денег на мелкие расходы. Он даже немножко разбуянился и вступил в жаркие переговоры с собутыльниками – игроками и водителем такси; но они втроем хорошо его отвалтузили, намяли ему бока, и практически выбросили на дорогу.

Словом, побитый и неухоженный, он не осмелился появиться на месте отдыха, но появился перед своей семьей, обитавшей неподалеку от этого пансионата уже несколько дней.

«Куда ты хоть дел свою сумку, запомнил ли хоть номер такси», – спрашивала жена.

На что Борин отвечал, что это ему попросту неизвестно, но, возможно, что сумку он, вероятно, оставил дома. Конечно же, Борин улетел трезвым и с сумкой, но он как-то пытался сглаживать сложившуюся обстановку.

На другой день они вынуждены были уехать, так и не попросив помощи из Мурманска у друзей, да и смысла просить о помощи не было, ибо путевка Борина почему-то тоже была в означенной сумке. Хорошо, что у жены кое-что с собой оставалось. А так: на Борина надейся – сам не оплошай.

С каким смаком, с каким юмором он рассказывал об этом наиболее выдающимся событием в его

жизни; так заразительно смеялся, что из его глаз капали слезы счастья.

Спустя некоторое время наступил срок моей выписки из больницы и я, разумеется, предупредил о нем Борина. Он плакал, уговаривал меня остаться еще на пару дней, что, конечно, никто не разрешил бы; и, кроме того, твердил одно и то же: дескать дома у него для него тоска зеленая, и если я не буду к нему приезжать, то ему станет совсем худо. Но вот этого я ему пообещать как раз не мог, и, не потому что добираться до него было долгим двухчасовым занятием, а потому что мне надо было не только работать в аэропорту и заботиться о музее Авиации, где я был во всех ипостасях и аспектах одним единственным, и за что мне платили жалкие копейки; но и, кроме того, требовалось время на участие в редакции одной из газет и на телестудии – все, разумеется, как и другие общественные дела вершилось бесплатно. Да еще мне приходилось часто выезжать в Мончегорск, где жили моя дочка и внучки, так что забот и без Борина у меня был полон рот.

Через пару лет, попав в очередной раз в эту больницу, я узнал, что мой однопалатник отошел в мир иной. Как это ни грустно, но тут уж ничего не поделаешь; разве что этот рассказ стал его частицей в моей памяти.

Апрель 2004 г.

ИСПОВЕДЬ

Лет двадцать тому назад я попал по путевке в Зеленогорский санаторий «Северная Ривьера».

Дело было зимой в феврале. Погода стояла в основном прекрасная и морозная, так что я занимался хорошим зимним отдыхом – вдоволь катался на прокатных лыжах, а вечером посещал санаторный культурный центр, где находились: достаточно большой кинотеатр, шикарный огромный с паркетным полом танцевальный зал, библиотека, бильярдная, кафе что-то там еще.

Вообще оба здания санатория с находящейся между ними обширной столовой составляли прекрасный комплекс на берегу Финского залива. Все номера были двухместными, и, как правило, их одновременно занимали вновь прибывающие пациенты.

Моим соседом оказался бывший армейский финансист, дослужившийся до полковника и где-то устроившийся на работу также по финансовой части. Ему было немногим более шестидесяти лет. Он интересовался моей стихотворной деятельностью, и кое-что у меня даже читал. Ему нравилось. Я чувствовал, что он хочет мне что-то рассказать или чем-то поделиться, но какие-то сомнения владели им.

Однажды вечером, когда ни он, ни я никуда не пошли, он вдруг обратился ко мне с вопросом: мог бы

я написать нечто такое прозаическое, совпадающее с его рассказом, но как бы не затрагивающим его лично, тогда он что-то расскажет. Я отвечал ему, что, конечно, смогу, но раз, как он сказал, что он никогда не будет читать, то, что я напишу, да еще и через два-три года, то я и выполню его поручение, если когда-нибудь возьмусь за это.

То, во что он посвятил меня, оказалось достаточно интересным и глубоко интимным, но я, как и договаривались, не торопился выдавать на-гора его откровения, и более того, я забыл об этом поручении.

Ну, мало ли кто чего рассказывает. Тогда сразу эта история показалась мне весьма поучительной, но затем не очень... Меня больше интересовала поэзия, с нею я был даже, несколько, на ты, а проза – она вся оставалась в молодости, мало привлекала меня. Правда, иногда, я кое-что писал, но это для газет, а в девяностых годах прошлого века еще и занимался весьма большой антирелигиозной работой, на которую потратил много лет. Возможно, она будет когда-нибудь опубликована, а нет и суда нет.

Но много позднее я неожиданно вспомнил об исповеди того стареющего финансиста, с которым когда-то коротал зимние вечера. Конечно, я сам стал намного старше по возрасту, чем тогда был он. К тому же мне захотелось проявить себя в новеллистическом жанре, которым я вообще никогда не занимался (Ну разве что случайно он проскакивал в моих более

ранних рассказах), так что будем считать мое сочинение и полу рассказом и полу новеллой, кому как угодно.

Но теперь позвольте перейти к самой сути изложения когда-то услышанной мною исповеди.

Года три тому назад, повествовал мой рассказчик, со мною произошла не то чтобы беда, но какая-то по возрасту совсем не подходящая драма. В финансовом отделе нашего предприятия появилась молоденькая, несколько старше двадцати лет, очень даже симпатичная девушка, тоже финансистка, попавшая к нам по распределению после окончания института. К ней все относились исключительно хорошо. Со всеми у нее находился общий язык, и все интересовались ею. А надо сказать, что весь контингент нашего финансового отдела состоял из четырех женщин и двух мужчин, гораздо старше сорокалетнего возраста, и, хотя у меня был свой небольшой и отдельный кабинет, я тоже заходил к ним в общий отдел не только по необходимости, но также из за какого-то неожиданного возникающего интереса к ней. А там больше интересовались тем, что, не завела ли она себе жениха, да такого, чтобы смогла выйти за него замуж. Уж очень им всем хотелось побывать на ее свадьбе и вспомнить свои вешние годы.

И вдруг словно гром. Она, смеясь, сказала, что ей встретился такой парень, но вместо свадьбы они отметят это событие в небольшом кафе с друзьями, а

затем уедут в свадебное путешествие. Кем он работал и где, нам было неведомо?

«А как же родители»? – спрашивали ее товарищи.

«С родителями будет все несколько позднее», – смеялась она. – «В следующий отпуск». И уехала.

Спустя месяц, я по какой-то необходимости зашел к ним в отделение, где снова и увидел ее. Она сидела за своим рабочим столом, и вся как-то сияла невыразимой лучистостью и чистотой обаяния.

Я даже полуоткрыл рот, но, глядя на нее, забыл, зачем пришел. Я онемел. Что-то резануло меня. Я что-то промычал и диком грудном трепете спешно покинул их помещение. Мое сердце бешено стучало в груди, и казалось, что вот-вот взорвется. Что со мною случилось? Что со мною стало? Необъяснимо! Голова моя гудела, а лицо, я ощущал на нем как бы цвета побежалости, раскалилось так, как будто бы его жгли огнем. Но я побоялся взглянуть на себя в зеркало, я сидел за столом в каких-то вибрациях и тряске, низко опустив голову, и ничего не делал. Да и что я мог делать, если соображение надолго меня покинуло.

Кто-то зашел ко мне и что-то советовал. Я помню одно, что мне было сказано: у вас вероятно жар, может быть, вызвать врача. Но я отмахнулся, выдавив из себя, что все уже проходит.

И я пришел в себя лишь только к обеденному перерыву, но никуда не пошел. Надо было наверстать упущенное, то есть выполнить запрограммированную работу.

Мне было горько и почему-то обидно, но вопрос: почему и на кого? был бы столь же не ясен, и даже глуп, так что я пенял на самого себя.

Потом я осознал, что это во мне произошла вспышка какой-то дикой любви, которую я даже не испытывал в молодости. Разумеется, я ни с кем не делился случившимся. Куда там! У меня два сына и дочь, и у всех уже есть свои дети – мои внуки и внучки, и с женой все в порядке; но какая-то тоска зеленая, и необъяснимые волнения порой овладевали мною.

И вот случилось так, что по истечению целого года, я узнал, да не только я, но и весь наш отдел, что она собирается от нас уйти и куда-то уехать. Обида жгла меня, но еще больше жгло желание поделиться с нею своими переживаниями, но все это сдерживалось боязнью нанести ей непоправимую психологическую травму, отзвук которой затронет и меня.

И все-таки незадолго до ее отъезда, когда весь коллектив, кроме меня и ее, ушел на обед, я подошел к ней; она пила чай и пригласила на чашку и меня, и я не отказался; и едва сделав пару глотков, решил. Я попросил ее выслушать меня и не поминать лихом, так как ничего обидного ей не скажу. Она вниматель-

но посмотрела на меня и как бы кивнула головой: согласна.

И я торопливо и сбивчиво стал говорить ей, что меня постигло, но она не прерывала меня; и только тогда, когда я закончил, ответила, что она сама догадывалась, уж очень не адекватным было мое поведение при виде ее, но не думала, что у меня это все так серьезно.

Успокойтесь, или я заплачу, говорила она, и слезинка скатилась по ее щеке.

Через минуту, другую я спросил ее, правильно ли я поступил, что посвятил ее в свои переживания. На что, получив ответ, что она сама этого не знает, но может быть для меня это окажется, возможно, полезным, ибо я снял с себя и стресс, и груз любовной тяжести.

До своего отъезда, она не сторонилась меня, не отворачивалась, и даже о чем-то иногда говорила со мною, но в глазах у нее была какая-то затаенная грусть.

С тех пор прошло почти два года, а я ни с кем до Вас не поделился этой своей печалью, и потому спрашиваю: а правильно ли я поступил?

Я отвечал, что я не психолог, но думаю, что этим поступком Вы как бы сняли с себя камень, и, возможно, предотвратили какой-нибудь кризис для Вас; а что касается этой молодой женщины, то здесь мой

ответ будет двояким. Разгрузив себя, Вы загрузили ее, и Ваше откровение было для нее достаточно опасным, с моей точки зрения; но с другой стороны она все реже и реже будет вспоминать об этом, если не случится еще что-нибудь подобное; и когда-нибудь в старшем возрасте, вспомнив это, ей захочется поделиться с близкой подругой, но все же полагаю, что этого не произойдет – слишком уж интимная личная тематика. Во всяком случае, я ни в коей мере не осуждаю Вас, да и она тоже не будет осуждать Вас, разве что иногда скажет: надо же, как бывает.

Теперь, по истечении почти двадцати лет, я, вспоминая лицо рассказчика, даже не осуждаю и себя за то, что написал эту новеллу.

Событие, канувшее в лету, не было мною выдуманно, и как к этому отнесутся читатели – их дело, а я ставлю точку.

Апрель 2004 г.

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ

УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторые люди, часто делают умозаключения, пользуясь, каким-либо случаем. Если рассуждать правильно, то это положение в корне неверно, и тогда возникает вопрос, что же нужно для умозаключения о человеке?

Совместная жизнь с ним. Длительное изучение его мыслей, характера, поступков. Отношение к труду, положение в обществе, целенаправленность мышления, образование, род занятий – помогут сделать правильное заключение; но следует учесть, что, изучая человека, необходимо изучить себя, и прислушиваться к суждению людей о нем и о себе.

1954

ВЕЖЛИВОСТЬ

Что такое вежливость? Иные говорят, что это культура человека. Да, вежливость – это культура в широком понятии. Можно быть неграмотным, но вежливым и наоборот.

Что же включает в себя вежливость? Что является ее основой? Основой является отношение человека к окружающим: дома, на занятиях, на работе, в общественных местах и на улице.

- Уважай старость.
- Не смейся над людьми, где попало, и когда попало.
- Не унижай и не унижайся.
- Не говори в обществе о себе.
- Помогай, когда просят, не забывай, что тебе помогали.
- Обращайся, как подобает, и отвечай на приветствия.
- Будь терпелив и выдержан.
- Если спросил, то выслушай ответ до конца.
- Не перебивай других в разговоре.
- Не старайся взять то, или иное раньше других.
- Не трогай чужие вещи без разрешения.
- Не делай подлостей.
- Не указывай пальцем на человека.

- Не вступай в спор, где спорят о том, в чем не разбираешься.
- Не вмешивайся в чужой разговор без необходимости.
- Умей убирать за собой.
- Не говори о том, чего не знаешь.

Все это входит в вежливость, ибо она так необходима, а ее так мало к нашему стыду.

1954

О ДЕТЯХ

Дети до года – крошки; от года до трех лет – пухленькие игрушки, ходячие на принципе переставления ног, мамина и папина забава – очень курьезны; от трех до пяти лет – трусишки. Уже умеют кричать о еде, и могут самостоятельно надеть чулки и штанишки; от пяти до семи лет – любопытные, ибо начинают кое-что понимать; от семи до восьми лет – сплошные хлопоты родителям, то-то радость. Все мы с этого начинали.

1955

О НАУКЕ

Науки развиваются, растут. Создаются новые теории происхождения земли. В частности теория О. Ю. Шмидта.

Земля возникла из космической пыли – такова ее краткая суть. Назревает вопрос, откуда взялась эта пыль?

Даже материальные, взвешенные частицы, находясь в хаотическом движении, естественно сталкиваются, но происходит при этом их соединение, или нет и почему? Может быть, происходила химическая реакция, или мелкая пыль оседала на крупной, но тогда откуда же однородность пластов. Почему в железной руде нет поваренной соли? Температура – правильно она понижалась, уменьшая хаотичность, но по каким причинам она понизилась? И, наконец, самое главное: давление газов, соединения которых дали белковые соединения, то есть жизнь, должно быть меньше при понижении температуры, а это не способствует соединению.

1955

ЗАМЕТКИ И ФРАЗЫ

Человек, самая сложная «биологическая машина», созданная когда-либо природой. Человек будет все больше и больше познавать жизнь, приближаясь к пределу, не достигая его. Особенно трудно человеку познать себя. Сколько еще скрытых тайн хранит в себе человеческий организм.

Фантазия – работа отвлеченного мышления.

Новизна и воля – залог успеха.

Умалишенный – не имеющий ума, сумасшедший – потерявший ум.

Чем больше познаешь, тем больше расширяешь кругозор.

Самолюбие, но не себялюбие! Это я понимаю так. Многие наоборот.

Ловкость – качество изворотливых людей.

Мания не говорит о знании.

Человека можно сделать животным, обратное положение невозможно.,

Шутка должна иметь предел. Шутки, не имеющие предела, есть насмешки и издевательства.

Человек без стремлений, жалок.

Я, прежде всего человек, а потом гражданин.

Характер и качества человека относительны.

Силой знание не возьмешь.

Судьбы, как таковой нет, есть закономерности вытекающие друг из друга.

Угодники – жалкие люди.

Ложь не достойна, но иногда необходима.

О ВОСПИТАНИИ

Мы, люди, рождаемся не только для того, чтобы дать жизнь грядущим поколениям, но, и для того, чтобы они – будущие потомки пользовались всей нашей сознательной деятельностью: знаниями, культурой; чтобы их жизнь была еще плодотворнее, еще краше, еще счастливее, чем в наше время, время великих исторических событий.

Поэтому воспитанию нового поколения нужно уделять, как можно, больше времени, забот, внимания; и тогда они, окрепнув и возмужав, смогут влиться в огромную армию труда, строящих новое, социалистическое общество.

Основное воспитание ребенок получает в семье, как в первоисточнике; дополнительное и основные знания, в школе; затем, становясь взрослым, то есть полноправным гражданином, в массах трудового народа.

С детства на сознание ребенка влияют факторы окружающей его среды, а их регулярные повторения воспринимаются им, как должное.

Отсюда: основная задача семьи, школы и других воспитательных учреждений – привитие ребенку новых качеств, качеств человека нового общества.

О ВЕРОЯТНОСТИ

Теория «вероятности», основанная на туманностях, как нельзя более, выражается, в современной жизни, у людей, постигших общие черты жизненных явлений, с омраченным прошлым и безвестным будущим; что и приводит последних к туманным догадкам по всякому поводу, особенно там, где мышлению не хватает знания, а сознание ограничивается личными помыслами.

Вот почему из туманных догадок многих человеческих умов стихийно складываются целые теории вероятностей и не вероятностей. Оставим полемику о том, что есть ли такие теории или нет? и скажем прямо: они не написаны, но взгляды на жизнь распространяются с невероятной быстротой и добавляются суждениями, и разносятся, опровергаются или принимаются, как должное.

Я не говорю здесь о точных науках, где требуются точные сведения и глубокое знание предмета; нет, я веду речь об обычных жизненных вопросах, затрагивающих многих и многих людей.

Пример из политики. Жизнь нанесла удар громадному большинству людей в результате политических разногласий, точнее и конкретнее, империалистических войн, и заставила каждого человека, от подросткового возраста, и до глубокой старости, не только слушать и читать, то, что преподносят, но и

самостоятельно, без вмешательства извне, мыслить по любому поводу, который предоставляется, вне зависимости от его значения.

И вот здесь-то, и появляются догадки основанные: на личном чувстве, на слухах ползущих «по беспроволочному телеграфу»; и, как правило, они неверны, туманны, так как не имеют основы, а если она и есть, то извращена донельзя.

Только имея твердые знания, основывающие ход истории, можно и нужно обуславливать то или иное событие, с точки зрения материализма, но не с точки догматики, поставленной в рамки: как было, так есть и так будет – основанной в основном на материальном положении людей, и подогреваемой выпадами асоциальных элементов.

В порядке подтверждения. У нас очень многие не понимают значения союза с демократическими государствами, и на оборот, пытаются протестовать против поставок промышленных и продовольственных товаров, выдвигая утверждения: мол, у самих не хватает продукции, мол, в случае войны будем все равно изолированными, то есть одинокими в борьбе, и так далее; но такие понятия в корне неверны, ибо, повышая уровень экономики друга, мы укрепляем свою обороноспособность, обороноспособность своей страны.

Помогая в продовольственном и промышленном отношении, мы укрепляем веру народов в социа-

лизм, веру в будущее. Помогая слаборазвитым странам, мы уменьшаем влияние государств, навязывающим свою политику, политику человеконенавистничества, бизнеса и войн. Любая страна, отколовшаяся от империалистических блоков, увеличивает соотношение сил в пользу мира.

Все это можно понять только тогда, когда перестанешь жить только своими помыслами, когда поймешь, что общее дороже личного.

1955

ВАЖНОСТЬ

Что бывает, когда дети важных персон не проходят по конкурсу на экзаменах в учебное заведение? А бывает вот что: генерал-майор с лысиной, лет под пятьдесят стоит в очереди, вернее пытается стоять, ибо его ноги опережают ноги других просителей, которые, как и все гражданские не имеют такого же уважения, как подчиненные, по части пропускания без очереди.

Вся эта толпа мам и пап толкается, деликатнее, стоит в очереди к секретарю приемной комиссии. Здесь есть и врачи, и инженеры, и, даже больше... но мы говорим о генерал-майоре. Наконец ему удастся проникнуть в приемную. Аудиенция длится минут пятнадцать; общий прием – два часа, отсюда волнение очереди, внутреннее, переходит во-внешнее, а когда совершается такой переход, то он сопровождается не только «вежливостью» речи, но и более эффективными средствами: руками и ногами, которые то приближают, то удаляют всю эту массу от дверей секретаря.

Надо думать, что если бы здесь был бы не университет, или, даже, не приемная секретаря, а что-нибудь вроде прилавка с папиросами, той самой марки, что в ходу у любителей, но которая является дефицитом, или еще проще, пивной ларек в дни получки, то было бы гораздо хуже.

Генерал выплывает, нельзя сказать, что сияющий, но зато твердо знающий, что его сынок или дочка будет сидеть на университетской скамье, в то время как другие... Не следует говорить о других, то есть о тех, у кого в доме нет персон.

Сентябрь

1956

г.

«СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»

КОРОТКО ОБ ИГРЕ АКТЕРОВ

Собственно говоря, трудно понять к какому жанру принадлежит постановка «Свадебное путешествие», не то водевиль, не то пьеска с опереточными обрывками; тем более это трудно понять, потому что сама игра артистов была какой-то безвкусной, полу смешной, полусерьезной, иногда полу курьезной, нередко полу глупой. Местами зритель надрывался от смеха, местами удивлялся.

Да, действительно, заползая под стол, каждые пять минут, артисты кировоградского Русского театра вполне оправдывали или определяли наши сомнения, сомнения зрителей. Не только сущность постановки, но и постановка ее на сцене, игра живых людей – играет не меньшую роль.

Роли исполняют люди, но для того, чтобы исполнять их не требуется наигранных голосов и зазубренных движений; требуется отображение жизни, требуется упорный труд. Играть надо так, чтобы зритель находился во власти происходящего, чтобы он был захвачен спектаклем, так как его захватывает жизнь. Зрителю необходимо видеть в артисте себя, а когда он это почувствует, то сольется со сценой, с исполнителями – будет играть сам, не замечая этого.

Артист должен быть таким, как это сказано у Шарля де Костера «Я ваше зеркало» в знаменитом «Уленшпигеле».

Разберем сначала мужские роли. Начнем с профессора. Трудно поверить, что грамотный человек, ибо он верит, верит без всяких на то оснований, любым бредням. Конечно, в этом виноват автор (фамилию я сознательно не упоминаю), но артист должен чувствовать, а не работать по шаблону, записанному на бумаге; он должен приспособливаться к действительности, смягчать по возможности авторские недостатки. Радуйтесь! на сцене профессор – невежественный старик. Посмотрим далее за игрой исполнителей ролей молодых аспирантов – трех неразлучных друзей. Зритель, пожалуй, смеялся больше, чем надо, но над чем? По-видимому, смешны были исполнители. Они не показали правды, и не только не показали, а усугубили авторские промахи. Обратите внимание на то, что всем троим, было предписано по сценарию твердить сначала – нет, а потом все да отображая любовь. Вероятно аспиранты – дети, не достигшие совершеннолетия, уж очень забавно, чересчур девственно.

Автор это здорово придумал. Ай да, дети – уже аспиранты! Уже разбираются в любви. А может быть, люди науки только в тридцатилетнем возрасте начинают чувствовать, как хороша жизнь, и как прекрасна любовь. Возможно, раньше они и понять не могли этого? Кто знает.

Особенно, фальшивость игры была заметна у артиста исполнявшего роль Марка Громова. Более удачно выглядел, исполняющий роль Константина Котова – его игра привлекала к себе естественностью.

Приступим к разбору героинь, если так можно выразиться. Артистка, исполняющая роль Настеньки, произвела отталкивающее впечатление; она походила на разряженную и размалеванную куклу, которую дергают за веревочку. По-видимому, она сама играла без всякого желания. Другая артистка, исполняющая роль Зои Александровны, дочери профессора, как-то старалась сыграть лучше, но и у нее все выходило на манер привычной односторонности. Две другие артистки, поскольку существенных ролей не играли в этой постановке, конечно, не могли уже «заворожить» зрителей, очаровав его своей молодостью; эффектной игрой, ибо им всего-навсего надо было сказать, вернее, произнести, несколько слов, и два три раза появиться на глаза, что они и делали, но довольно-таки безуспешно.

Таким образом, несмотря на то, что игра артистов заставляла довольно часто смеяться, она не оставила себя в памяти у зрителя, и с закрытием занавеса улетучилась. Так всегда было, есть и будет, если артистки, да и авторы, не хотят понять жизни, пока не познают отображаемого. Жизнь сложна, но она требует правдивого отображения.

Апрель 1955 г.

ФЕЛЬЕТОН БЕЗ ИМЕН

Некий гражданин, проживающий в городе «П», искушенный всеми дарами жизни, по случаю посещения местной общественной столовой, выразил невыразимую, на редкость сжатую, радость по части шеф-повара и прочих работников.

Выше упомянутые работники, этой передовой организации, до сих пор вспоминают, тот, некий день, с коей поры пришлось коренным образом изменить мытье средств и орудий для потребляемой пищи, дабы изобилие останков, после жевательного процесса предков, не вызывало соответствующего расстройства желудков современного потребителя.

Какое это замечательное слово потребитель, настоящий, здоровый человек; как это приятно подать ему еду в современной посуде, достойной в былое время, разве что монарха, в образе нищего, восседающего на перевернутой бочке из-под гнилых помидоров; еду, какой едва ли удостаивается человек, сменивший общественное питание на домашнюю кухню; еду, с ее вечным подряхлевшим репертуаром в полуистертом, замасленном прошлогоднем меню.

Как не возрадоваться потребителю, когда из кухонного окна, словно из рога изобилия, появляются яства, пищевые и вкусовые качества которых (не говоря о физическом количестве диетических порций, и

моральном упадке получателя при виде сего), достойны сравнения с нектаром и амброзией.

Пища богов! Но разве она доступна простому смертному, отрешемуся не только от ясноликих, но и от различных постов и воздержаний. Конечно, нет! но и простой смертный не доказывает, что это необходимо ему; что вы, что вы, товарищи повара? он нуждается в обыкновенных овощах и мясе, он думает о супе, который предназначен не для пополнения упитанности поросят, ему нужна порция отяжеляющая не только карман, но и желудок. Ему, потребителю, приятно созерцать чистую посуду, но если эту посуду моет по совместительству буфетчица, или кто-либо еще, то хлеб и все прочие продукты несказанно увеличивают, как вкусовые, так и питательные качества.

Так иди смело в ногу со временем современный потребитель! Иди!

ЛЕГЕНДА О ДЕРЕВЕ

Росло в лесу дерево, стройное с золотой кроной. Пришли в лес люди, срубили его под корень. Пришли за деревом тракторы и вытащили его на берег северной реки. Скатали дерево в воду – плыви. И оно поплыло туда, где его ждали руки опытных мастеров, чудесные руки деревообработчиков. Выплыло дерево на быстрину и стремительно понеслось к морю подгоняемое струями золотого потока. Вдоль и поперек бороздили этот поток буксиры, стремясь вырвать бревно из водного плена, но не тут-то было. Уплыло бревно, но не на край света, а в Белое море.

Радуйся заморский лесозаводчик русскому бесплатному лесу поставляемому, поистине золотыми потоками, несметными кубометрами. Неси свои золотые струи северная река Мезень в Белое море.

Казалось бы конец легенде, но концовка должна быть гораздо серьезней. Кто-то должен нести ответственность за многие тысячи кубометров леса, приносящие многомиллионные убытки государству.

ЖИЗНЬ

Для чего человеку дана жизнь? Для чего? Для того, чтобы человек брал из нее все, что мог бы?! Но тогда он бы перестал быть человеком. Человеку, прежде всего надо давать, а не брать, то есть, говоря элементарным языком, созидать что-то новое – я имею в виду, материальные ценности, но не исключаю и духовные, которые, как известно, влияют на сознание, создают облик нового человека.

Жизнь прекрасна в своем многообразии. Человек не может быть отделен от нее, ни в коей мере, ни в каких случаях.

Переживая самые тяжелые потрясения, человек остается верным ей, жизни, оставаясь человеком, то есть мыслящим, исключая случаи помешательства, при которых действия его не контролируются двигательными центрами высшей матери – мозгом.

С точки зрения биологии человек – животное, но животное высоко развитого мозга, сознающего жизнь, и поставившее ее себе на службу. Благодаря этому он способен проникать в жизнь во всеобъемлющем ее масштабе. Он познает и внешний и внутренний мир, открывая в нем все то новое, и то, что недоступно было вчера, доступно сегодня; и то, что недоступно сегодня, завтра станет ясным.

Но прежде, чем многословно говорить о светлом завтра, нужно сегодня спросить: а что ты сделал для этого? что ты создал? Или, может быть, твоя жизнь сводится к потреблению созданного разумом былых поколений?! Да, каждый из нас потребляет созданное иными, но становясь человеком в полной мере, то есть становясь полноправным, получив определенное развитие, членом человеческого общества, каждый обязан не только отдать должное старому, но и рассчитаться с ним в полной мере; и не только рассчитаться, но и пополнять общий запас, непрерывно пользуя и увеличивая его.

В чем суть жизни? – в созидании. Да, именно в созидании. Человек не может не созидать – в этом весь его смысл. В противном случае он исчезнет сам по себе, как нечто сброшенное со счетов; но так уж устроена жизнь, что этот окончательный случай в ней возможным не предоставляется, исключая глобальные катастрофы.

Перестать созидать – равносильно мировой катастрофе, равносильно всеобщей ядерной войне, где разрушение созданного будет проходить с большой скоростью.

Создавая себе подобного, человек, прежде всего, стремится, как можно лучше украсить жизнь нового существа, воспитать его в духе времени, дать ему, все то полезное, чем обладает современное общество, а затем, в дальнейшем уже получать от него.

Чаще всего речь идет в основном об ячейке общества – семье; но так и все общество можно уподобить семейной ячейке, с той лишь разницей, что в дальнейшем семейная ячейка будет отходить все более и более на задний план, и, наконец, люди придут к такому времени, когда потребление и производство будут только общественными. Допускаю полемику. Но сам человек без общества не являет собой ничего ценного, как, впрочем, и его жизнь. А раз он и немислим без общества, то я выше изложенное свожу в единое. Жизнь – это развитие. Развитие – это обогащения, как знаниями, так и ценностями, которые он же, человек, и создает.

Так создавай же человек новую жизнь! Учись в ней! Делай ее лучше и краше, не останавливаясь на достигнутом!

Я ценю жизнь, потому что мне дано право участвовать в ней, что-то получать от нее и что-то давать ей. Я люблю жизнь! Да и как не любить ее, если она неповторима.

ЛЮДИ И ХАРАКТЕРЫ

Разные бывают люди, тем не менее, характеры их порой одинаковы. Но и люди, и их характеры с течением времени, под влиянием определенной среды, или под нажимом определенных обстоятельств, постепенно меняются; и дело может дойти до того, что почти одинаковые когда-то по характерам становятся абсолютно противоположными по мыслям и взглядам; и тогда друзья становятся сравнительными «врагами», а «враги» сравнительно близкими.

Имеются в виду враги с маленькой буквы – недруги, если так можно выразиться. Это понятие, отвлеченное от классовых врагов, понятие, отражающее отношение внутри какого-то узкого круга людей.

Независимо от ума, образования и всего того прочего, чем наделила человека природа, он может навсегда порвать все связи с тем, что ему было когда-то дорого; без чего жизнь казалась ему не мыслимой.

Можно привести множество примеров, но я ограничусь лишь тем, что замечу: есть родители ненавидящие детей; есть дети безразличные к родителям; есть близкие, которые становятся далекими, а далекие – близкими; полезные люди могут оказаться бесполезными и, наоборот, бесполезные могут приносить пользу; любовь может разлучить друзей и переходить в ненависть, в привычку, в отчужденность. Все это взято из жизни. И все это случается в любом месте,

где проживают люди. Интересы одних связаны с интересами других, или, наоборот, не связаны, хотя жизнь довольно тесно переплетает их тропы.

Но все вместе люди с разным умом, мнением, характером, как это ни странно, образуют в целом единый монолит – общество. И как оно в целом зависит от них, так и каждый зависим от него. Так что, несмотря на различие характеров, на отдельные недостатки того или иного индивидуума, и, несмотря, на отдельные казусы, происходящие в жизни людей, наше советское общество не только совершенствуется, но и неудержимо развивается – без чего, как я уже писал ранее, жизнь невозможна.

1964

БУДНИ

(начальные главы из незаконченной повести)

ГЛАВА 1

В обычный июльский день, бывший выпускник вечерней школы Виталий Северов, из окон дополнительного поезда Ленинград – Москва, любовался приближающейся громаде города.

Москва, как-то там? Он никогда там не был, разве что ребенком. Сумрачное небо – сизый дым растворился в нем. Эта окраина города сегодня выглядела довольно неприглядно, но сердце все равно наполнялось гордостью и воспоминание о частом ленинградском дождеке пропадало, улетучивалось с приближением высотных зданий, все отчетливее вырисовывающихся в безбрежных просторах серого воздуха.

Виталий вспомнил проводы на станцию, мать, которая, хотя и была довольна решением сына, ехать учиться в летнюю школу, не выдавшую своих чувств, в день отъезда, и легкая мимолетная грусть овладела им.

Мерной дробью стучат колеса.

«Граждане пассажиры! Поезд прибывает в столицу нашей Родины, Москву». – Как будто бы рядом,

прозвучал из репродуктора не знакомый, но ясный и четкий голос девушки – диктора.

Зазвучала музыка. Поезд подходил к перрону Ленинградского вокзала. Москва встретила Виталия бесконечной сутолокой, непрерывным движением машин, выкриками шоферов многочисленных такси.

«Вам, куда? Довезу. Сколько? Эй, парень! с огоньком доведу, дома в пять минут будешь!» – кричали ему; но Виталий приехавший не домой, не к бабушке на калачи, шутками останавливая красноречие таксистов, пробирался к станции метрополитена.

Метро. Вот он впервые в метро. Нарядные станции, марши эскалаторов и восторг дополняли впечатление.

«Молодой человек, отодвиньте свой чемодан! Ах! Вам сходить. Что Курская? Следующая». – И, подхваченный народом, Виталий выбрался из вагона.

Курский вокзал. Предъявив воинское требование и получив билет, Виталий ожидает свой поезд в пассажирском зале, затем проходит к буфету, ставит его на пол и становится в очередь. Но что это? Незнакомый человек в серой кепке, в поношенном черном костюме берет за ручку его чемодан, и пытается унести.

«Гражданин! Это мой чемодан! Оставьте на месте!» – возмущается Виталий.

«Ах, ты сопляк, да я тебя!» – процеживает сквозь зубы «добродетель», но Виталий уже держит свой чемодан.

Собираются любопытные. Что!/? где там помочь, ждут, что дальше.

«Сопляк паршивый! Да на кой он мне нужен, пропади ты пропадом!» – заявляет благородная личность и исчезает в толпе зевак.

Виталий облегченно вздохнул. Теперь он не выпустит чемодан из рук, поскольку там все: и документы, и тетради, и фотографии родных, не считая снеди и кой-какой одежды.

Через полчаса объявляется посадка на поезд. Виталий спешит, надо занять верхнюю, самую верхнюю полку, ибо место у него сидячее, а ехать до Харькова. Впереди Виталия, поставив чемодан на землю, стоит солдат, доставая проездной билет; сзади напирают. Момент. Где чемодан? У солдата чемодан пропал! Завопили люди... Десять минут бесплодных поисков, настроение в конце испорчено.

«Вот это да», – думает он. – «Вот это сволочи. Среди белого дня, и как в воду канули».

ГЛАВА 2

Цельнометаллические вагоны, только-только входящие в моду, резко отличались, от тех старых полутемных вагончиках, своей внутренней отделкой и довольно внушительным видом; но все это не производило большого впечатления на человека, побывавшего в метро и видевшего, хотя и издали, высотные здания. Гораздо больше привлекали внимание пассажиры – попутчики. Поезда сближают людей всех возрастов, всех профессий и званий, особенно, если у этих людей хорошее настроение, и они не страдают меланхолией. Сангвинический, хотя и не и не окрепший характер Виталия, пришелся по вкусу не только сидящим напротив морякам, но даже и двум веселым старушенциям, которые через каких-то полчаса общего знакомства, принялись угощать своими запасами всех окружающих; а над Виталием установили негласное опеку.

Были в вагоне, да и где их нет? любители выпить, любители сыграть партию в шахматы и домино. Скучать не пришлось, шум и смех, стук костей на чемоданах, веселые шутки, сказки-присказки, размышления вслух – все наполняло вагон неудержимой жизнью; которая, как это ни странно, привлекала даже угрюмых скептиков, заставляя их время от времени улыбаться, а то и самих рассказывать забавные ис-

тории из времен молодости и прошлых, более веселых дней.

Состав был обычным пассажирским, медленно ползущим, а потому, пользуясь частыми остановками, пассажиры пополняли свои запасы свежей горячей картошкой, солеными и малосольными огурчиками, яблоками и вишнями, первыми помидорами и кулечками лесных ягод. Более «сознательные», не тратящие времени по мелочам, мчались к буфетам, таща оттуда преимущественно бутылки с зелеными наклейками и исцеляющее жажду пиво. Но вот раздавался гудок, поезд трогался; отставшие мчались в след, на ходу впихивая в карманы добычу, изъятую в ларьках, цеплялись за поручни, и отдышавшись, возвращались к прерванным занятиям, или приглашали к своему пиршеству окружающих. К вечеру утомившиеся люди, накричавшись, набегавшись и наигравшись, принимались за более серьезные занятия: как-то чтение, рассказывание мрачных историй, показывание фотографий, и прочим, облегчающим груз дневных, или путевых, или жизненных впечатлений. Виталий упомянул о своих планах, и уже всем стало ясно, особенно старушкам, что он избрал трудную дорогу, нелегкий путь.

Бабушки наперебой уговаривали его идти учиться в писатели, так как он прочитал им пару своих стихотворений, и позабыть такое страшное дело, как самолеты. Наивные, милые старушки; в этот момент они забыли, что над землей летали и летают ты-

сячи молодых людей, чувствуя в этом свое призвание, радуясь каждому предстоящему полету; в этот момент они думали, как спасти заблудшую овцу, но не добившись отказа от первоначальных замыслов сидящего, легкомысленного человека, стали его упрашивать летать потише и пониже, вызывая улыбки у окружающих.

Виталий в жизни не сидел в самолете, он еще толком не представлял себе, что такое летчик? что такое летать, но мысленно видел себя в заоблачных высотах, в океане надежд миллионов молодых людей.

С чего это началось, почему он ехал в летное училище? Правильно ли он поступил, что пошел по комсомольскому набору или нет? Да и что мог ответить на эти вопросы восемнадцатилетний паренек. Он вспомнил время приписки, учебу в вечерней школе, разговор с военкомом; он вспомнил свое желание поступать в институт, но оно оказалось несбыточным; потому что вечерняя школа – это не дневная школа, это школа для рабочих, говорили ему, а рабочие не считаются учениками, и их можно взять в любое время в армию, если возраст и здоровье соответствуют годности и сроку призыва. В любом случае – армия. Перед Виталием был поставлен вопрос: либо окончить десятый класс и пойти учиться в летное училище, либо уйти служить с незаконченным средним образованием по призыву, который должен был быть весной, а тогда на дворе стоял декабрь. Он избрал

первое. Не будем гадать на кофейной гуще, что было, то былшем поросло.

Что такое призвание? Призвание можно почувствовать только в процессе работы или учебы, за редким исключением, особо даровитых людей. Какое же было призвание у Виталия? Это было не призванием, это было желанием, это была молодость, не учитывающая свои ошибки. Подавляющее большинство людей чувствует уважение к своей работе, с гордостью отзывается, и целиком и полностью отдаются ей, несмотря на то, что в детстве они мечтали стать совсем иными, чем есть. Бывает и так, что сначала людям не нравится их трудовая деятельность, и тогда они меняют ее на другую работу, или, постепенно привыкая, отдаются ей всей душой, забывая о прошлом неудовлетворении и поиске.

У Виталия, в конце концов, и выбора не было; было предложено летное училище, с первоначальным образованием, общим для всех будущих летчиков в авиационной школе, и он поехал в летное. Правда, он гордился тем, что его считают здоровым, что скоро он сам будет водить, возможно, тяжелые корабли, и жизнь становилась светлей и радостней. Он впервые прошел летную комиссию еще в Ленинграде, обнаружив, при этом, хорошее зрение и слух, крепкий здоровый организм, и теперь уже сам желал, со всей присущей страстью молодости, летать. Воображение рисовало ему огромные скоростные машины, или маленькие, все делающие, по его желанию, самолеты на

которых он будет летать, а придет время – станет испытателем, почему-то морским летчиком – испытателем, а почему, этого он не знал.

Старушки, наговорившись, умолкли и стали укладываться спать на нижних полках, а Виталий, забравшись на самый верх (матрасов на них не было), погрузился в бесконечные думы, медленно переходящие в сон.

Утром старушки сошли. Их места заняли: какой-то толстенький дяденька, сразу же позвавший проводника и потребовавший матрас; и молодая женщина. Виталий сел завтракать с моряками. Эти рослые ребята – черноморцы, служившие кто по третьему, а кто и по четвертому году, интересовали его. Завязалась обстоятельная беседа. Как более бывалые, они преподносили ему будущее, и весело смеялись над его невоенным видом. Не доезжая Харькова моряки сошли, и вниманием Виталия завладела, та самая молодая женщина, севшая накануне на место одной из старушек. Она обстоятельно рассказывала ему историю своей жизни, упомянула о разводе с мужем, взгрустнула о своей бездетности, и Виталию, до сих пор почти не знакомому с женщинами, стало ее жаль. Оказалось, что им по пути от Харькова, и они вместе ждали на вокзале симферопольский поезд.

Еще несколько часов езды, прошедших в разговорах, в играх, поглощении пищи минули. Станция N,

на которой сходил Виталий, приближалась. Он сердечно попрощался со своей спутницей и соседями, которые, в свою очередь, пожелали ему успехов в начинающейся самостоятельной жизни, и направился к выходу.

ГЛАВА 3

Был полдень или несколько позднее пополудни, неважно, но в общем погода отвечала чудесному настроению юноши, шагавшему по дороге мимо полей меж высоких трав и бурьянов, между колосящейся золотой пшеницей, посевами сахарной свеклы, да редкими кустиками.

Лазурное небо, ярко слепящее солнце и немилосердная жара – первые спутники Виталия, шагавшего в неведомое, далекое и манящее, но пока неизведанное, сопровождали и радовали его. Вдали что-то застрекотало. Виталий долго всматривался в бесконечную синь; вон он какой зеленый и звезды на крыльях. Из-за горизонта вынырнул и прошел почти над его головой, ровно рокоча мотором, небольшой самолет, и скрылся в такой же далекой синеве.

Вот и городок, куда по назначению должен был прибыть Виталий, вот и казарма, точней огромный сарай – первое помещение для прибывших, а вот и первые поселенцы этого строения, загорелая и шумливая молодежь. Ого! Да сколько тут ребят? удивлялся Виталий, пробираясь между трехъярусных железных коек, тянувшихся бесконечными рядами вдоль стен и столбов.

Подошедший сержант, определил место новичку, предварительно зачислив в какую-то группу, и записав фамилию.

Первое знакомство состоялось. Молодежь знакомится сразу, не примеряясь и не присматриваясь, не выбирая среди всей разношерстной массы будущих друзей; они подбираются потом, сами по себе, в процессе жизни, учебы, а в тот момент все были одинаковы; все либо с десятилеткой, либо со среднетехническим образованием, все шумливые и веселые, и все равны. Здесь под выдавшей виды крышей собрались юноши со всего Союза, горящие желанием летать, и как можно скорее. Здесь находились спокойные и быстрые, вчерашние школьники и студенты, говорящие на разных языках, но имеющие один общий – русский, объединенные одной целью. В первые же дни, ребят остригли наголо и ознакомили вкратце с будущим, заодно проверяя санитарное состояние и чемоданы, извлекая оттуда карты, ножи, если последние не попадали под стандарт к перочинным. И вот, между построениями и хождениями на завтраки, обеда, и ужины, между подъемами и отбоями, началась подготовка к вступительным экзаменам, и начались прогулки по окрестностям города и речушкам в индивидуальном порядке, и в массовом количестве желающих побродить или выкупаться.

Приемные испытания проходили, как показалось Виталию, не на должной высоте. Казалось, больше обращают внимание на физическую силу человека, на здоровье, чем на знание физики, элементарной математики, и вообще на все школьные знания. Всем известно, что око – это глаз, но что такое в

сущности «око», не всем известно. По всей видимости, строение глаза не было известно этому самому здоровому, пожалуй, самому здоровому и сильному из ребят, как и многое другое, но отнюдь не помешавшее его приему в летную школу. Некоторые скажут: подумаешь, не знал устройство глаза, подумаешь, не разбирался в физике и математике, подумаешь, был не в ладах с географией; зато здоров, и нечего обсуждать! Увы, этот человек не смог толком учиться, по безграмотности, в теоретическом батальоне; но его все же, по распоряжению свыше, посадили в дальнейшем на самолет, где он также потерпел полное фиаско. Что скажут некоторые. Бывает? Нет, не должно быть. Нельзя портить жизнь человеку. В наше время нельзя жить по принципу и «медведя» научить можно. Техника требует, прежде всего, от человека знания, а потом уже его физическую силу и выносливость, дабы он развивал и продвигал ее вперед, а не топтался на месте, или тормозил ее развитие.

Виталий, успешно выдержав приемные экзамены, и пройдя мандатную комиссию, был зачислен курсантом в энскую летную школу.

Переодетые в, пока еще плохо «сидящую», форму, зачисленные в отдельные роты теоретического батальона, переехав в новые казармы, правда, только с печным отоплением, совершенно неузнаваемые, разве что по привычкам, ребята слились в новую дружную семью, начав новую армейскую жизнь.

ГЛАВА 4

Рота, подъем! Виталий по привычке, быстро одевается, и, вот уже во дворе перед казармой выполняет, как и все, комплексы утренней физзарядки. Морозный воздух бодрит. После второй пробежки туалет, а после размеренная жизнь – занятия.

Кстати о физзарядке. Автору этих строк хочется дать совет столпам армейского физического воспитания, а именно: пробежка, но не соревнование по скорости, хороша только после физических упражнений; только после того, как тело разогрелось, мышцы разработались, а не до этого. ему непонятно, почему человек проснувшись, должен бежать, как на пожар. Сердце – это не игрушка. Тревога – это другое дело, это не частое явление. Автору кажется, что этот вопрос в армии не был продуман. Возьмите любую машину и попробуйте сразу на всю мощь, что будет? Ничего не будет – машина сломается. Аналогия с сердцем. Ему тяжело пропускать кровь, ему тяжело работать. Если вникнуть в суть дела поглубже, то можно понять, что этот принцип закалки не правильный. Несколько лет такой закалки и сердце изнашивается. Впрочем, читателя в данном случае лекция не интересует, а посему не буду уклоняться в сторону.

Шел 1953 год. Недавно умер Сталин. Совсем недавно Берия был объявлен врагом народа, а в курсантской среде все это, исключительно болезненно,

переживали грузинские ребята. Надо сказать, что в Грузии в то время наблюдалась не то что бы ненависть к русским, а какая-то антипатия, и грузины не скрывали ее, а наоборот подчеркивали. Они почему-то считали себя поставленными от природы выше над другими народами нашей страны. Национализм – страшная вещь, приводящая порой к резне и измене Родине.

Грузины, где их было большинство, старались насадить свою власть, свои порядки, то есть брать всех под свою опеку. Порою доходило до столкновений. Все это имело место и в энской летной школе. Самое главное и удивительное здесь в том, что русский, украинец и другие представители разных народов, никогда не заводили такие порядки, которые бы способствовали разъединению народов нашей страны. Никто другой не старался командовать, образно говоря, «парадом», но почему же они стремились к этому? А, вот почему. Еще при Сталине, а он по национальности был все-таки грузином, в Грузии постепенно утверждался национализм. Раз Сталин вождь всей России (правильнее всего Советского Союза), раз Сталин грузин, то Сталин – это мы, то во главе страны стоим и мы. Раз Сталин вершит и правит, то правим и мы. Жизнь нанесла страшный удар этому понятию уже в первые же годы после его смерти. В 1953 году грузинская молодежь с недоверием и враждебностью отнеслась к аресту врага народа – Берия. Он тоже грузин. Так, кто же, в конечном счете,

виноват? Виноват был в этом человек, получивший неограниченную власть в стране. Он был больше бога, если удариться в область религии; его имя знал весь мир. Ему поклонялись люди многих религий и вероисповеданий, ему поклонялись и все те, кто считал его вождем всех стран и народов!

Я не хочу в частности обвинять тех или иных грузинских товарищей, я не провожу линию национализма; я просто делаю свои выводы. Среда духовно питает человека, направляет его, исправляет его и помогает ему, и воспитывает. Попробуйте у ребенка, которому всегда говорили: «Ваня, вот это твое, и вот это тоже твое, и давать это никому нельзя», да еще твердили это в течение года, попросить игрушку – он заплачет, и даже больше, он может ударить вас, что зависит только от того, как ему говорили: это твое. Разве не так же были воспитаны многие из детей бывших, настоящих кулаков. Разве не в этой среде наиболее частым фактом была измена Родине? Разве это не удар? Так вот, кое-что похожее исподволь насаждали и в Грузии. Впоследствии Виталий дружил с некоторыми грузинскими ребятами, и они были замечательными людьми, впрочем, как и все парни, если в их сознании имелись, далекие от национализма, понятия чести и совести.

Виталий был в водовороте этих событий и толкований, да и как не быть, если, на глазах, происходили столкновения и драки. Если дело доходило до открытых комсомольских собраний, где товарищи

исключали из своих рядов, рядов комсомола, курсантов позорящих это звание; а это были в основном грузины.

Для Виталия 1953 год был не только годом переживания всех этих событий, это был год напряженной учебы, большой подготовки к летной практике. Дни проходили за днями в учебном корпусе и в казарме. Курсанты – молодые и дружные ребята по десять часов в день отдавали занятиям в классах, а в свободное время увлекались сначала переводом бумаги на письменные сообщения домой, что в последствии, конечно, уменьшилось.

Миновали первые три месяца. Пройден курс молодого бойца. Прошли занятия по тактике, и наступил долгожданный день присяги. Но не будем сейчас подробно останавливаться на этом, а перенесемся в упущенное автором прошедшее время, насчитывающее все тот же трехмесячный армейский стаж, и познакомимся с основными действующими лицами этого повествования.

Прежде всего, с курсантами познакомился их будущий командир роты, майор Светкин, человек небольшого роста, с обилием наград на груди за военные заслуги, с довольно испитым морщинистым лицом.

«Я ваш отец, вы мои дети; и что я скажу вам – это будет для вас законом. Вам это ясно, или нет. Например, я зову к себе своего подчиненного, а что

должен сделать подчиненный? а подчиненный подойти и отрапортовать. А как он должен подойти? а вот как; и маленький отец с жестикуляцией, бегая вокруг строя, на ходу давал подробные объяснения. Позднее, он показал себя довольно хорошим, для курсантов, командиром, хотя и был непревзойденным пьяницей; но это в будущем, а тогда была неизвестность.

Затем курсантам представили командиров взводов. Как-то не принято обрисовывать фигуры ротного офицерского состава, но я все-таки вкратце опишу их наиболее характерные черты.

Командир первого взвода был наполовину не то казах, не то узбек, с фамилией похожей на имена пророков ислама, надменный и важный, излишне властный, и исключительно хвастливый «меломан». Любил заменять свою строевую фуражку летной, хотя на самолете никогда не летал.

Командир взвода, в котором находился Виталий, тоже старший лейтенант, как и командир первого взвода; больше походил на следователя, чем на командира. Исключительная личность – любитель курсантских тумбочек и конспектов, любитель доносов и мелких угроз; он заслужил, пожалуй, только неприязнь, и это особенно хорошо проявилось в день его рождения. Кто-то подшутил. Им была обнаружена бумага, на которой печатным шрифтом четко выделялась его фамилия и надпись «на добрую память»! а вместе с нею он нашел черную записную книжку и

черный карандаш. Что сделало его лицо черным? Никто не знал. Но факт остается фактом. Правда, вышестоящие знали о его удивительных способностях, что, вероятно, и послужило поводом: расследование не производить. Но хитрая слащавая усмешка, бегающие глаза и чуть-чуть вытянутый нос – все типа «господин Искарриота», позаимствованного у Беранже, выдавали его намерение отыскать виновника этого аттракциона.

Добряком – курсанты называли командира другого взвода, который, в отличие от первых двух, меньше занимался построениями, проверками, взысканиями, и, более всего любил отдых. Этот пухлый, достаточно полный человек, добрый семьянин, любитель почти всего съедобного; по возможности старался больше отсутствовать, чем находиться в казарме.

Но, пожалуй, самым лучшим был командир второго взвода. Строгий и взыскательный, знающий свое дело, он сумел снискать уважение не только в своем взводе, но и во всей роте. Он любил, в свободное время, хорошую шутку, смех; он понимал в отличие от других, что курсанты не только подчиненные, но и друзья, с которыми иногда можно поделиться своим мнением, и дать ряд добрых советов.

В заключение стоит отметить и старшину роты, хозяина каптерки, первого заместителя всех командиров взводов, любителя раздавать наряды вне очереди; но, в общем, туго понимающим свою роль и значе-

ние. Он назначал в наряды, давал увольнительные, и он же приходил в роту до подъема и уходил только после отбоя. Конечно, ему-то приходилось труднее всего.

Чтобы не возвращаться к этой теме потом, хочу сразу сказать, что большинство из ротных старшин – сверхсрочников, не такие уж любители службы в армии, так как на самом деле у них не было перспективы на «гражданке», за редким исключением. А вот это-то как раз и стимулировало их желание оставаться в армии.

Вот они, основные герои. Но увы, в повествовании им отводится самый минимум из возможного, ибо речь идет в основном, о жизни курсантов, о их радостях и горестях.

ГЛАВА 5

«А ты, почему спишь. Два наряда вне очередь. После отбоя мыть полы в коридоре и умывальнике».

«Да, что вы, товарищ старшина, я уже встал»

«Бегом, на зарядку».

«Што, што. Я покажу тебе, как надо», – вмешивается помощник командира взвода Гургенадзе, тоже курсант в звании сержанта. – «Я доложу взводному, и он тебе покажет».

«А иди ты, знаешь куда, со своим собачьим лаем?»

Курсант уложился в норму подъема; и вот он уже мчится сломя голову в колонне, сначала туда, где виднеется здание столовой, затем назад и далее, пока семь потов не прошибет его и его товарищей. Но вот физзарядка закончена.

«Эта скотина на меня опять донесение строчит» – заметил Виталий.

«Да, он порядочно всем насолил», – замечает второй.

Густо намыленное лицо не дает ему говорить далее. Он, шумно фыркая, брызжет по сторонам водой, смывая последнюю пену, и продолжает: «Не горюй, Виталий, через полгода в полки перейдем, там другая жизнь будет»

«А я, Валентин не горюю, я просто комментирую; что у нас сегодня?»

«Самолетовождение, строевая подготовка – любимый предмет, затем, кажется двигатели».

«А как ты думаешь: скоро нам выдадут наши шинели, или опять всё разговорами закончится? Смотри ребята один за другим ангину зарабатывают. Конец ноября, морозы по десять градусов, а ты изволь в строю в одной гимнастерке маршировать».

Друзья вытираются, заправляют койки, чистят сапоги и пуговицы.

«А ты любил когда-нибудь, Валентин?»

«Я, да как тебе сказать, а ты?»

«Не знаю, любил ли по настоящему или нет, но влюблялся уже несколько раз и причем, казалось до смерти. Первый раз я влюбился, пожалуй, лет восьми, в девочку четырнадцати – пятнадцати лет, затем уже семнадцатилетним. Ей было шестнадцать лет. Она даже не подозревала о том, что я люблю ее. А я был настолько робок, что при встрече только молчал и краснел. В общем, было весьма не весело».

«А сейчас как, ты, кажется знаком с какой-то Ниночкой?»

«Ну, брат, это скучная история, я расскажу тебе после, слышишь, опять построение».

Перед завтраком тренаж. Курсанты сидят в классной комнате, и, слушая треск и писк зуммера, записывают: кто всё, кто на половину, а кто вообще не пишет, а болтает, отвлекая других.

«Эта ежедневная морзянка по сорок минут мне плешь проела», – шутит кто-то.

Фраза выводит всех из строя. Поднимается общий шум и смех. В класс заглядывает дежурный офицер.

«Встать, смирно»!

«Сидите, сидите, так, так посмотрим, все пишете»?

«Все»!

«А вы, чем занимаетесь, ваша фамилия»?

«Чугунков», – раздаётся с задней парты.

«А я вас не спрашиваю. Когда вас спрошу, тогда петь не так будете. Ну, так что же, долго молчать будем? Занимаетесь посторонним делом. Играете, а я за вас морзянку учить не буду».

«Товарищ, капитан, в балду играть интереснее, сами посидите»?

«И вас я не спрашиваю, Ключевский»! Дежурный, в классе нет дисциплины, садитесь товарищ, курсант Кусков».

«Чугунков», – поправляет, стоявший курсант.

«Не важно, замечу в другой раз, будет плохо»!

«Так точно, будет плохо», – выкрикивает повеселевший Чугунков, садясь на свое место.

Капитан уходит. Недовольных нет. только Гургенадзе хмурится, но ему это не впервой.

«Виталий, расскажи свою историю».

«Слушай, это не история, это короткий рассказ. Помнишь, как мы приехали в школу?»

«Помню, ну и что из этого?»

«Однажды, когда мы ходили, тогда еще в гражданской одежде, с ребятами в парк, как обычно к танцплощадке; мы, то есть я и Крошкин решили пофланировать по аллеям. Гуляли, гуляли, да и встретили двух девчонок лет по семнадцати восемнадцати, я, даже точно не знаю, сколько лет Нине. Мы разговорились и познакомились. Стали гулять вместе. В парке танцы закончились, и они пошли домой, а мы провожать. Вот собственно говоря и все знакомство. Затем я иногда навещал ее, но между нами ничего серьезного не было, если не брать во внимание поцелуи. Потом, ей надоело целоваться со мной (она была легкого поведения, а я рос в семье, где не было девочек), и мы разошлись. Вот и вся любовь»

Прозвучал звонок. Все шумно направились к выходу.

«Валентин, а ты, наверное, ждал что-нибудь из ряда вон выходящее? Могу сказать правду. Она ло-

жила на кровать и тащила меня к себе; но робость, проклятая робость пересилила мое желание»

За завтраком Виталий упорно молчал, вероятно, переживая вновь, все то, о чем он рассказал товарищу.

«Виталий, что грустишь»? – спросил сидевший напротив Хлебников».

«Не трогай его, Иван, а то он разволнуется», – съехидничал Вовка Гранский, не то друг, не то враг, но, в общем, недоброжелатель Виталия, и, скатав хлебный шарик запустил в него.

«Гранский, ты когда-нибудь допрыгаешься!» – воскликнул Виталий.

«Я не прыгаю, я из тебя истребителя делаю!» – смеется Гранский – полу армянин с русско-польской фамилией, а ты сердисься. Сердитые только на бомбардировщиках летают. А ты скажи, кем ты хочешь стать?»

Назойливый, маленький, он специально выводит Виталия из себя. Но сегодня его происки не действуют. Виталий на провокации не поддается. После завтрака Гранский сзади налетает на Виталия, оба валятся в снег.

«Отстань от меня, тебе говорят!»

«А я и не пристаю к тебе бомбовоз!» – вызывающе выкрикивает Гранский, так, чтобы все слышали.

ГЛАВА 6

Черт возьми! Очень холодно стоять. Все окна пересчитаны, а смены все нет и нет. Жаль, что у меня и часов нет, думает Виталий, обходя в очередной раз объект своей охраны. Но вот приходит замена со всеми штампованными аргументациями и атрибутами, и повеселевший, слегка замерзший Виталий, разрядив карабин, выпив крепкого чая в неприветливой, но теплой караулке отправляется спать.

Спать – это не то слово. Здесь не спят и бодрствующие по обязанности, и имеющие право на двухчасовой отдых, ибо этот караул знаменит своим мрачным прошлым. Когда-то здесь находились солдаты, которые тоже стояли на часах, смеялись, шутили, и не подозревали, что та ночь, какая им выпала на долю, окажется последней. Прошло с тех пор года два, но память прошлого, отдается в сердце каждого стоящего на этом посту в этом карауле. Никто толком не знал, как произошло нападение; караул находился на удалении нескольких километров от училища и городка; а оставшийся в живых, расстрелявший все патроны, раненный паренек помешался, и от потрясенный через пару дней скончался, почти не приходя в сознание. И только, благодаря в основном ему, склад с оружием был спасен. Весь караул вырезали и перестреляли, а трупы убитых нападавших, часть из них скрылась, являли собой остатки враждебных элемен-

тов; тех, которые снабжали немецкие дивизии хлебом и фуражом; тех, кто успел скрыться от правосудия; тех, кого выявляют и в наши дни, воздавая по заслугам.*

Затявкала, общая любимица, маленькая собачонка, потом залилась звонким лаем в сторону темнеющих кустов. Курсанты обшарили кустарник. Нет никого.

Наверное, птица, или возможный уж, который мог ползти, где попало, испугали собачонку?» – предположил кто-то.

«Вероятно!» – согласились остальные».

Наступило утро тихое и спокойное, выпавший ночью снежок, слегка похрустывая под ногами, радовал курсантов. Впереди день. Большой день, нет, пожалуй, не очень, ибо однообразие сожмет его до минимума. Это обычный будничныи день, разве что будут пропущены занятия; а вечерняя самоподготовка и сам вечер, проведенный в казарме – копия прошедших дней.

В учебе, в нарядах и караулах летело время. Учебный год подходил к концу. Виталий окреп, чуть вырос и возмужал. Пилотка, что раньше была непомерно велика; гимнастерка, что раньше так неуклюже сидела на нем, теперь сравнительно гармонировали и даже придавали особый вид.

Курсантов радовала подходящая на всех порах весна, на которую они возлагали большие надежды; командиров выправка своих подчиненных; преподавателей знания обучаемых – все шло своим чередом. Как никак, а первое время приходилось не сладко: слишком много нового, слишком много умения; уже не говоря о грубости, которую иные с усердием применяли в зависимости от звания; а теперь «так точно» и «никак нет» стали, чем-то нормальным, своим, врожденным свойством.

1961

*Примечание** Действительное событие, произошедшее в Кировограде, где Виталию тоже приходилось бывать в карауле.

СЦЕНАРИЙ СВАДЬБЫ

(один из вариантов)

Тамада (стоя с бокалом)

Уважаемые гости, друзья и подруги! Разрешите мне от вашего имени, от имени всех, желающих счастья и радости жениху и невесте – союзу венчания любящих сердец, поздравить (имена невесты и жениха) с исполнением сбывшейся мечты – вступлением в брак, с рождением новой семьи, и пожелать им большого, доброго, действительно пленительного счастья в океане жизни!

За жениха и невесту!

За счастье и любовь!

Слово родителям.

Тамада (имена жениха и невесты)

Сегодня отмечая Ваше знаменательное событие, нельзя не сказать, по праву и справедливости, о Вашей гордости. И мы гордимся вместе с Вами теми, кто родил, воспитал и вырастил Вас; кто дал Вам путевку в жизнь. Это Ваши родители! Уважаемые гости! Поднимем бокалы, за родителей!

Здоровья им бодрости и гордости за своих детей!

Слово свидетелям, дружке и подружке, как водится
на Руси.

Танец жениха и невесты.

Танцы (перерыв)

Тамада

Отдохнули, пошумели, покурили, поговорили.
Пора и за дело браться. Сперва браться, а потом бра-
таться. Предлагаю вашему вниманию стихотворение.

Свадебный спич молодым

В раздумье добрая Россия.

У нас раздумью места нет.

Всегда в зените небо синее –

Был каждый солнцем обогрет.

Жара любви в груди пылает,

И кровь ускоренно течет.

Но в томной неге сердце тает –

У нас застольный бал идет.

У Вас, друзья, пора младая,
Ее совет вершит любовь.
И пусть кудесники гадают
Про вечно сказочную новь.

А Вам загадывать не нужно.
Я спич любви провозгласил:
Живите счастливо и дружно,
И горько! Сколько хватит сил!

Слово желающим.

Шутки свидетелей.

Танцы (перерыв)

Тамада

Странное нынче время: все время выборы, перевыборы, поборы и недоборы; затмение какое-то, но не во всем же, а?!

Вот, например, раньше: «А ну-ка девушки! А ну, красавицы!»! а теперь: мисс район, область, страна, планета! Думаю, что дальше будет вселенная, там

где-то в галактиках. Но сколько же подготовки, сколько сноровки, а еще больше закулисной мишуры!

И бывает же! Кому-то в голову придет светлая мысль, что среди нас и искать не надо!

Наполним бокалы, поднимем их, и выпьем за белоснежную невесту – красавицу! И тем самым утвердим ее в звании: Мисс венчального бала!

И пусть она царит не только в сердце своего избранника. Пусть она будет искоркой в наших сердцах, напоминая нам о грядущем и вечном.

За Мисс венчального бала!

Если, (имя невесты, род занятий, учебы – все кратко), то (имя жениха, занятия, престижность и прочее – тоже кратко), то пожелаем ему быть всегда твердым, стойким, спокойным и улыбчивым на выбранном поприще; а в семье терпеливым, любящим, уступчивым и добрым.

За доброту и улыбку!

Насколько я знаю, у жениха и невесты есть уже общие интересы. Они оба (можно сказать, откуда родом) земляне и любят нашу землю. Да, это верно!

Ничто не существует в отрыве от земли. Но как бы там не было, всему надо учиться и всерьез, несмотря на уверенность, что уже...

Тамада (читает стихотворение)

Женитьба прекрасная штука,
И Вам без нее не прожить.
Любовь – это тоже наука,
В которой не стоит тужить.

Она и на подвиг выводит,
Она на просторы зовет.
И воздух пьянящей свободы
В бессмертие вечно берет.

Так выпьем за добрую пару,
За молодость славных людей,
За чашу бесценного дара,
И будущих милых детей!

Шутки гостей, свидетелей. Напутствия.

Перерыв, танцы.

Тамада (добавочный тост)

Золушка потеряла туфельку. Разумеется, не кто-нибудь, а сам принц нашел ее туфельку. Но странное дело: он примерял и примерял эту туфельку – символ крылатой любви, разным девушкам, до тех пор, пока она не пришлась в пору той девушке, которая сразила его на балу с первого взгляда.

Я с удовольствием поднимаю тост: за Золушку, потерявшую свою символическую туфельку; за принца, за их светлые порывы, благодаря которым и мы с вами, полные веселья и радости, продолжим сказку свадебного бала!

За молодых!

Заключительный тост.

Уважаемые взрослые! Молодежь называет Вас предками. Ну, что тут скажешь?

У Вас предостаточно юмора, но сегодня, в этот радостный час и на Вас, нет-нет, да и нахлынут великопечальные воспоминания. И тогда проходят и любые печали и хвори.

Предлагаю тост за Вас, за вашу былую молодость, за Ваш не стареющий возраст, за Вашу удачу. За то, что Вы давали и будете давать кой-кому еще сто очков вперед! Были когда-то и мы рысаками!

Молодежь, все вместе!

Ура, Вашим предкам! Ура!

Далее тамаде практически невозможно вести свадьбу, в каком-то определенном русле. Теперь можно расслабиться и самому окунуться в общий поток застолья и веселья. Ваш покорный слуга повел достаточное количество свадебных мероприятий, но всякий раз готовился к ним, конечно же, изменяя сценарий.

1991

О РАССКАЗЕ «ОПУС».

В русском языке есть только одна буква, которая может жить сама по себе в начале слов, без участия других букв. Я имею ввиду начальную букву многочисленных слов на «О». Тот, кто попробует с помощью другой начальной буквы что-либо создать, обречен на мучительные роды своего детища, уже до рождения обреченного. Тем более, что ни одно слово повтору не подлежит.

Тот, кому мой рассказ покажется очень кратким, так как не все слова на букву «о», которые он знает, здесь употреблены, тот пусть попробует свои силы, не забывая о стиле, смысле и общепринятых в русском языке: управлении, согласовании и примыкании. С сочувствием!

В начале было сакраментальное: «Ольга, отдайся. Озолочу»!

ОПУС

Отошествование обиженного одиозного ортодокса.

Опыт обобщенного, обработанного, оглуленно-остроумного, обормотско-остросюжетного, обстоятельно-образцового, обжеванного обозрения.

Однажды, овдовевший, обрюзглый, обрыхлевший, облысевший, одряхлевший отставной обер-офицер Осип Онуфриевич Ожгибеев, озадаченно, озверенно-озлоблено отобедав: крошкой, отварной оленевой, окороком; обожравшись оладьями, омлетами; открыв остекленное окно; отбросив ошметки: обглоданно-объедочные остатки – обомлевшему Огюсту – опаршивейшейся одноухой овчарке; одев онучевые опорки; отвязав оголодавшего одрообразного охранника овечек, обозвав обузой, обременив ошейником; отправился обыкновенным образом осматривать окультуренный, отцветающий, очищенный, оформленный огород, окруженный относительно отличной оградой около одеревенелых околичных осин.

Обветшалый отрешенно-обязательно ошетинился, облаялся, осверипел.

«Орангутаны, опоссумы – обнюхавшиеся «олдрижи», опившиеся «одиссеи»! – основательно окрепившись, оторопел. – «Опа! Обанкрочусь»!

Орда отродья, одуренных оглоедов, оборванцев, обуреваемо-охамевших отроков-огольцов, отверженных остолопов, ожесточенно-омерзительно опустошала обозначенный обособленный орешник, облепиху; оставляя отломанные обломки обкраденных образцов.

«Отпетые «оффенбахи», обмыленные оборвыши! Отдеру, отлуплю, отдубашу! Обмараетесь! Обмочитесь!

Офигелые, отважные, обкупившиеся опиумом оторвиголовы ответно обматерили. Обнаружились. Осмелившись освистать, оловянные обалдуи, обмызганные осколки, образованно-образцовые оболтусы, обольщившиеся обезьяны, обостренно обхамывая оборонялись; обоснованно, обоюдовыгодно, остервенело-обрабатываемые, оробев отступали, отползали обратно оглашая: «Облом, облава»!

Отважно обкатанные оборотни, огретые оплеухами, откатившись оторвались. Отпакостились.

«Овидии», орясины, оплевки отодранные. Одолел, однако, беззаконных, обредевшихся однодельцев»! – ополоумело, обалдело-обрадованно обмолвился он.

Овальные обабки, опята, обрастающие овражный ольховник, обвивая осокори, опунции, орхидеи овладевали оными.

Очумелые оводы, осы осыпали объемные овсянники, озвучивая окрестность огульно-однообразным, оркестрово-однотонным, особо основательным остервенением.

Однонаправленная одухотворяющая, обычная, обостренно-одурящая осень.

Отгулялись овцебыки, ориксы, отпаслись овцы. Ожелтевший огонь, обагрено, озарив отцветами овсюги, ольшаники, овощные, ожег озеленение осота, одуванчиков, олив, олеандров – общно-обжаренное обозначенное олицетворение отдельной обожествленной, опыленной отрасли.

Ой, опадут, омертвуют! Обидно очень.

«Ориноко» – отождествляемый, отводимый ответленный отток, обтекающая означенные ориентиры, останавливался; обсыхал, образывая остаточные оазисы осоки.

Окуни, омули, осетры, омары обвалью обменно-опустевшего озера «Онтарио», отыгрались одностатным окаменением. Обыватели, ограничившись одеколоном, отравили омут. Обезрыбело.

Одутлые овсянки, орланы, обездоленные оляпки, олуши, обессиленно отпевшись, открячавшись, отгалдевшись; оставляя отваливающееся охораши-

вающее оперение, отлетались. Отстоящее, отапливаемое, отпугивающе-отработавшее орнитологическое обжитое отделение обесптичившись, отключилось от обихода. Опростоволосились, обмишурились олухи.

Ознабленно обветренные облака – «оптический ореол», обгоняя обозы, орбитально-ортодромически облетали округу. Оклюдированная оккупация.

Одновершинные, одноствольные, опушечные, одубело-осемененные отцвевшие остовы-особи основательно ослабились, одряхляясь опрокидывались.

Однорукие, одноногие, одноглазые, одноухие, обезображенные обитатели-односельчане обетованной общины, оброчного Образумцева, обходя опухолево-онкологические, ортопедические, офтальмологические, объективные отделы, откровенно отшучивались; оскорбляя организованных очковтирателей объектов, отголосившись, остепенело откланивались.

Отзвучал октавный орган. Отгромыхала оргия одиноких отблесков.

Оприходовав облегченно одышку, осанился. Обладательно облокотился об обрубок оструганной оглобли.

Отдохнув, обмызганный, оволоселый, охламонисто оглядел овчарню, овин; ознаменовался отборным обругиванием, ошалело-одалевшим отрадным осатанением. Объягнившись одержимой очередью,

очаровав откровением обезображенные оконечности, осопливевшись онемел. Отчего оседлал «овна», отбросив оолитовый оберег.

Опохмелюсь, остолбеню, облазю. Объявятся, – обстругаю, обмолочу, оскотиню оратаев.

Огурцы, обмотанные омерзительными овчинами, одиноко отдыхали, ожидая обременительного обрыва, отрывались охотно. Обслюнявив, отведал. «Очинно, особенно отменны», – оживился охотник опрокидывания опьяняющего отвара.

Остаканившись, откашлялся. Охмеленно-ожиревше отрыгнул.

«Онемевшие, оморфные оогамки, откликнитесь»!

Опосля, охуливая оцелотов, охнул. Ослабился. Опустившись осоловело осел. Окосел.

«Одилии», «одетты» обуржуазенные, охмуряют окоянные ослушни-цы-очаровательницы. Одолею обаятельных обладательниц, обманщиц, обструкционерок, опрокину однозначно. Одновременно.

«Отзовитесь! Обожаю! Обаблюсь! Отдайтесь обреченные, откормленные отпрыски общества! Озолочу отшельниц, отчаянно оценю, обласкаю, обозначу, обеспечу олигархок»! – обалдело ораторствовал. – «Обвею опекой»!

Оправляясь, обеспокоился. Озираясь, окликнул отпущенного ошелудевшего обликом, обшивевшего отпрыска осипших, отбредавшихся оскальников, означился отупением. Охрипел. Отяжелело очухался. Одряклело ойкнул.

«О, оне обе ослицы. Обезличу, обездушу, обдую, оглашу, опутаю, обману обормоток. Обляпаю обет. Облапошу охламонок обворожительных. Оспорю, обряжу, облагодетельствую. Остепеню отродье, обмусолю. Организую обезумелых. Оплодотворю, осрамлю остроумок образами основательными. Опечалили одинокого, ограничили оргазмами. Остерегайтесь! Обжую, обкатаю».

Окончательно отрапортовав оптом, оскабился оскоминой. Осип. Обессиленно остановился.

Отдышавшись огласил: «Ох, Олимпия Ольгердовна Остопупова! Оставшаяся Офелия Оскаровна Офицелова! Околею, отойду обуреваемый. Отдайтесь отъявленные! Охо-хо. Обмою, обнажу. Обещаю, обвенчаться! Осуществлю омерзение одичалки обедневшие»!

Откупорив очередную острохрустальную особого, отпил, объемисто осушивая, оживился. Оторвался от основополагающего отупения.

Окрысился, обрядившись: «Одалиски, отравительницы, опричницы»!

Окончив, отупело онемел. Обреченно обмяк.
Отвоевался. Откачнулся.

Откинувшись оземь, обмолвился: «Обедню от-
служите, олигофренки»!

Осанился. Откантовался отчаянный, отпрыгал-
ся отрешенный. Отжил. Охолодел.

1997

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Много, много лет тому назад я впервые услышал фразу о некоей Ольге, которой предлагали озолотиться.

В последствии, разные вариации изначальной шутки доходили до моих ушей, но никогда не превышали двух-трех, ну, может быть, четырех фраз, которые по-разному дополняли вышесказанное.

Меня озадачивали не только высказывания по этому поводу, сколько возможность написания рассказа на букву «о», куда бы входили и некоторые изначальные фразы, разумеется, в переделанном виде.

Я работал над этой темой лишь изредка, от случая к случаю, забрасывая ее на годы, так как считал никчемной.

Шли годы, может быть, прошло более тридцати лет, когда неоднократно дополняемая шутливая вещь, вдруг показалась мне не только шутливой и непотребной, но почему-то и чуть-чуть утонченной. Возможно, я делился с кем-то, не помню, что могу написать на эту тему почти полновесный рассказ; гораздо больший, чем у кого-либо, если таковой вообще имеется, и только на букву «о» без единого повтора слов. Таким образом, появился «Опус», тем более, что появилась возможность его публикации.

«Опус» был опубликован в газете «Вести Кольские» за номером девять в июне 1997 года, с небольшими отклонениями от моего текста, под псевдонимом «Остап Откосный», что вполне соответствовало содержанию.

Можно было, конечно, пристроить еще несколько фраз со словами на эту букву, но мне показалось, это не просто излишеством, но и измывательством, как над собою, так и над возможным читателем.

1998

Постскрипtum к «Опусу» добавлен в связи с подготовкой к печати прозаического сборника; но надеюсь, что почти всем понятно, почему он, почти весь, заполнен видоизмененными, редко употребляемыми словами? производными от обычно употребляемых слов, и нестандартными оборотами речи. Кому не понятно, тот может обратиться ко мне лично, ибо много, и еще раз много, будет вопросов; и мало, совсем мало будет понятных ответов. Но один четкий: а как иначе? К сожалению, иначе невозможно.

2004

КТО МЫ

Цель этого материала – рассказать о становлении и развитии Русского государства. Статья ни в каком случае не подразумевает ущемления национальных, моральных и нравственных интересов любых этнических групп и народов, проживающих на любой территории.

Согласно мнению крупнейшего русского историка Николая Михайловича Карамзина (1766 – 1826): «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнения, изъяснения настоящего и пример будущего.

С точки зрения Сергея Михайловича Соловьева (1820 – 1879) – замечательного деятеля русской исторической науки: «Историку не нужно говорить читателям о значении и пользе истории отечественной; его обязанность – предуведомить их только об основной мысли труда».

Не надо ничего высасывать из пальца, не надо изобретать уже давно изобретенный велосипед. Надо гордиться тем, что у нас были, есть и будут великие историки, не чета современным Кердерам *, уводящим нас куда-то в сторону от основных аспектов нашей истории, истории обновления и развития русского народа, начиная с древних славянских племен. Бу-

дем отталкиваться, на основе исторических изысканий, именно от названия нашего народа – «русский» – так как только с 13 века появляются названия «Белая Русь» и «Малая Русь».

Процесс сложения русской народности протекал параллельно с формированием украинской и белорусской народностей, и известную роль в этом сыграло постепенное накопление местных различий в условиях распада единого древнерусского государства. Эти явления объяснялись не только племенным членением восточных славян. Это, в первую очередь объяснялось социально-политическими факторами, особенно в условиях освободительной борьбы против ордынского ига, когда происходила этническая консолидация тех или иных княжеств.

Итак, КТО МЫ?

О за днепровских землях, лежащих за Скифией и о более северных народах уже были упоминания великого древнегреческого историка Геродота (Между 490-480 – около 425 г. до н. э.); Страбона (64/63г. до н. э. – 23/24г. н. э.) – древнегреческого историка, который говорит о том, что мало что можно узнать о народе выше устья Дона по причине холода и бедности страны; Тацита (ок.58 – ок.117 г.) – римского историка, говорящего о быте славян-венедов. С его слов мы имеем первое свидетельство о быте славян, которых он представляет уже оседлым народом, отличным от кочевников. Он относит славян к племенам европейским.

Более поздний историк, древнерусский летописец Нестор (11 – нач. 12 в.), автор «Повести временных лет», сообщает нам уже более глубокие сведения о славянах, живших уже в первом столетии новой эры, на территории России, гораздо раньше болгар.

Карамзин упоминает (предполагает), что славяне уже существовали уже за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов на восточных берегах Балтийского моря. Внутри же страны могли жить андрофаги, меланхлены и нервы геродотовы.

И далее: «Самые древние жители Дакии – геты, покоренные Траяном (римский император) могли быть нашими предками... Заметим еще какое-то древнее предание народов славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим (Македонским) – победителем гетов (родственников дакам)».

Точного утвердительного ответа на вопрос, откуда пришли славяне, нет, как нет упоминания о возможном приходе славянского племени из Азии, и о вожде, который их вывел, но сохранилось предание не подлежащее никакому сомнению о первоначальном пребывании славян на берегах Дуная, продвижении на север и восток вследствие натиска какого-то сильного врага. Остались многочисленные подтверждения этому в местных названиях. А врагов у славян было много: с запада – кельты, с севера – германцы, с юга – римляне, с востока азиатские орды.

Только на северо-востоке славянское племя смогло найти себе убежище и укрепить здесь, и ос-

новать государство, и уже смогло само влиять на восток и запад.

По летописям преданье таково:

Спустя много времени после Вавилонского столпотворения (попыток постройки Вавилонской башни и дальнейшего смешения языков; в переносном смысле – Вавилонское столпотворение – суматоха, хаос), осели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян и разошлись по земле племена и прозвались своими именами по названию тех мест, на которые они пришли и сели. Те, которые сели на реке Морава, назвались моравами, другие чехами, хорватами, сербами и т.д.. Позднее моравы, чехи – под давлением волхов (волохов – были и такие древние народы) частично перешли на Вислу-реку и прозвались ляхами, а от тех ляхов прозвались поляне (поляки). Часть этих же славян расселилась по Днепру, и многие племена прозвались другими именами: древлянами, дулебами, бужанами (река Буг), лутичами, дреговичами, кривичами, родимичами, вятичами, угличами и др..

Славяне же, осевшие на берегах озера Ильмень, основали Новгород. По летописям нет четкой даты основания Новгорода (известен с 859г.), но к приходу туда на княжение Рюрика, которого призвали сами славяне, это был уже достаточно большой и сильный город.

Предание упоминает и о начале Киева некоторое время спустя после основания Новгорода. Лето-

писец рассказывает, что трое живущих среди полян, знающие, разумные звероловы – братья Кий, Щек и Хорев с сестрой Лыбедью – жили на трех горах и построили город, и назвали оный по имени старшего брата, т.е. Киевым (известен с 860г.). Кроме того, Кий имел прозвище «перевозчик», т. к. возле Киева был речной перевоз. Хотел Кий поселиться и на Дунайских берегах, после хождения в Константинополь срубил там городище, но тамошние жители не пустили его на житие, и именуется то место на Дунае городищем Киевцом.

Нестор в повествовании своем основывается на сказаниях и не ручается за точность и истинность преданий.

По Карамзину: «Может быть, эти люди и не существовали, но два обстоятельства во всем Несторовском известии достойны особенного замечания: первое, что славяне имели сообщение с Царем-городом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до похода россиян в Грецию».

Так же по летописям нет объявленного времени постройки древнейших русских городов: Изборска, Полоцка, Смоленска, Чернигова и других, но они уже существовали в девятом и тем более, начале десятого века. В те же времена упоминаются и такие города как Ростов и Муром. И если привести скандинавские упоминания, то в них также говорится не только о финских странах, но и об их соседях, живших от

Пермской губернии на востоке и до мест несколько южнее устья Северной Двины народах.

Внимательно посмотрите на карту: балканские, придунайские, приднепровские, новгородские и более северные земли еще издревле были заселены славянскими племенами. Теперь это крупнейшая в Европе группа славянских народов, численностью более 277 миллионов человек (1977г.), говорит на славянских языках. И потому надо знать и помнить о братьях по роду и племени, по духу не только внутри России, раздираемых более чем достаточными противоречиями, но и о тех, кого эти противоречия уже столкнули в братоубийственных войнах, в особенности на Балканах.

Конечно, сами по себе славянские племена и славянские образования без присутствия на их или окружающих их землях иноплеменных народов не существовали. Согласно Несторовским сказаниям жили тогда на территории будущей России многие иноплеменные: меря вокруг ростова и на озере Клещине или Переславском; мурома на Оке, где сия река впадает в Волгу; черемиса, мещера, мордва на юго-востоке от мери; ливь в Ливонии, чудь в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; норова там, где Нарва; ямь или емь, в Финляндии; весь на Белозере; пермь в губернии сего имени; югра, или нынешние березовские остяки, на Оби и Сосьве; печора на реке Печора.

В основном многие из тех былых народов исчезли или смешались с россиянами, но многие суще-

ствуют и говорят между собой не только на общенациональном русском языке, но и схожих языках, что можно именовать отчасти говорами и диалектами.

В данной статье не рассматриваются вопросы этноса: племени, народности, нации.

Нас с вами интересует сейчас консолидация славянских племен, которая, в конечном счете, привела к так называемой Новгородской Руси, а затем и к Киевской Руси, хотя эта трактовка почему-то не воспринимается.

По словам летописцев, к 9 веку наши предки овладели всею нынешнею Россиею Европейскою, но до времени Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно по коленам, не думали соединять народных сил в общем направлении и даже изнуряли их войнагми междоусобными. И эти междоусобства и делали их уязвимыми. Еще в 6 и 7 веках, господствуя в Дакии (территория будущей Румынии), обры или авары повелевали дулебами, как и бужане на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен славянских и впрягали их вместо волов и коней в свои колесницы; но сии варвары великие телом и гордые умом (пишет Нестор) исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицей в земле русской.

Скоро появились другие завоеватели: на юге козары (хозары), варяги на севере.

Прогнав варягов за море, перестав платить им дань, славянские племена продолжали междоусобст-

во; и тогда стали искать себе князя. По летописцу пошлы от соединенных племен славянских и финских пошли за море к варягам-руси; эти варяги, прибавляет летописец, зовутся русь, точно также как другие варяги шведами, иные – норвежцами, англичанами, готами. Что касается англичан, то речь тут, в соответствии с объяснениями, идет о норманах. И, конечно же, мнение о скандинавском происхождении варягов-руси, мнение древнейшее в науке и в народе. После этого мнения, основанного на очевидности, некоторые хотели и хотят дать место предположению, что князя варяго-русские и дружина их были происхождения славянского, и указывают преимущественно на Поморье (Померанию), как на место откуда мог быть вызван Рюрик с братьями.

И далее по Соловьеву: «...скажут: славяне должны были обратиться к своим же славянам, не могли призывать чужих, но имеет ли право историк настоящие понятия о национальности приписывать нашим предкам 9 века?» И далее: «...да и вообще в наших предках мы не замечаем вовсе национальной нетерпимости: немец, лях, татарин, бурят становились полноправными членами русского общества, если только принимали христианство по учению православной церкви – это была единственная основа национального различия», «...но в первой половине 9 века ее не существовало. Различие часто бывало только в названиях».

И с другой стороны: связь северных славян с варягами и финскими племенами была издавна и постоянной, и, возможно, поэтому (плюс войны между собой) они и не хотели иметь своим князем славянина. К тому же под именем варягов также подразумевались дружины, часто составленные из людей, покинувших свою родину и т. д.

Совершив небольшой экскурс в сторону предыстории появления Рюрика на славянских (русских) землях,.. (а до того нам был известен только легендарный предводитель новгородских славян по имени Гостомысл, а был первым князем или посадником (первая половина 9 века)? перенесемся в другую область – область духовной жизни славянских племен.

Северные славяне, в отличие от южных, нередко изнеженных, в силу своего расселения в областях со сложными климатическими условиями были достаточно сильными и добрыми, сносили голод, всякую нужду, питались грубой сырой пищей; удивляли греков смелостью и находчивостью, и быстротой действий; и считая, что главная красота мужа в силе и крепости, легкости в движениях, мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности являлись на многочисленные собрания людей. При всем этом греки хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица (Н.М. Карамзин).

Сии люди, на войне жестокие, оставляли в греческих владениях долговременную память ужасов. В борьбе за какие-либо драгоценности, впрочем не нуж-

даясь в них, так как закапывали в землю, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Практически они не знали ни лукавства, ни злости. И, по простоте нравов, обращались с пленными дружелюбно, назначая тем срок их рабства, и давая право на выкуп или свободную равноправную жизнь с собой.

Отмечается общее гостеприимство, и ответственность за гостей – чужеземцев перед народом.

Купцы, ремесленники охотно посещали славян, так как у них не было ни воров, ни разбойников. Но бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого, ибо долг гостеприимства оправдывал само преступление.

Древние писатели хвалили целомудренность как жен славянских, так и их мужей. Славянки не хотели переживать мужей (?), добровольно сжигались с умершими. Это отмечалось и возможным способом, исключаящим мужеубийство. Были и жестокие нравы матерей по части умерщвления новорожденных девочек, если семейство было многочисленным; и права детей, умерщвлять престарелых и больных родителей, оставаясь при всем остальном очень заботливыми. Правда, то, что описано выше было не везде. Например, у древлян в частых распрях совершались убийства друг друга, увод или похищение девиц без согласия родителей и другое. Сходными с древлянами были также родимычи и вятичи.

Хлебопашество было известно славянам издревле, и именно оно вывело их из кочевого состояния – может быть даже за несколько веков до рождения Христова.

Некоторые думают, что славяне узнали о скотоводстве в Дакии, что не совсем точно, так как они соседствовали с другими народами: скифами, сарматами и т.д.; предполагается, что именно от них и переняли славяне скотоводческий опыт.

Уже в 6 веке славяне питались просом, гречихой с молоком и умели готовить. Любимым напитком был мед.

Они носили и порты и рубахи, и иногда даже кафтаны, но сражались почти оголенные в одних портах. Женщины носили длинные платья, украшаясь бисером или металлами добытыми на войне или вымененными у купцов, которые совершенно безопасно привозили в славянские земли товары и меняли их на скот, полотно, кожи (значит знали ткацкое дело и выделку шкур), хлеб и разную добычу. А начиная с 8 века славяне уже сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в немецких городах чиновничьему народу.

Были у славян в средневековье цветущие города: Виннета или Юлин приустье Одера, Арконы на острове Рюгене, Демин, Вохгаст в Померании и другие.

Быв в империи и виде собственными глазами изящные творения греческих художеств (Н.М. Карам-

зин), занимаясь строительством городов и торговых, славяне приобретали и понятия и знания. Они занимались резьбой по дереву, окраской изделий, выделыванием изделий из глины с изображениями на них диких зверей и птиц; изготовляли также копья, мечи, кинжалы и даже ножи с серебряной оправой.

В 17 веке на южной стороне Толлензского озера в Прильвице, найдены медные истуканы славянских богов, работы своих художников, впрочем грубых, так как изготовлялись в более ранний период предшествовавший описываемому времени. Было у славян и каменосечное искусство.

Но жизнь славян не только в 6 веке, но и в более позднем времени, была подвержена всякого рода опасностям и трудностям. У них не было досуга, терпения, да и достаточных знаний в строительстве – вот почему их первые города были ни чем иным как собранием шалашей и хижин, которые окружал забор или земляной вал. Там же строились и храмы (более высокие, чем хижины), деревянные кровы для идолов (богов).

Главным были пища и кров, а потом уже удовольствия. Северные венецы в 6 веке рассказывали греческому императору, что они любят музыку и берут с собой в дорогу кифары и гусли. Тем более они знали волюнку, гудок и дудку. Любили славяне и песни до такой степени, что забывали об опасности, засыпая в полной беспечности, безо всякой осторожности, что позволяло врагам заставить их врасплох.

Любимейшим удовольствием и забавой у славян была пляска, народные игры и потехи.

Хотя древние славяне еще не знали грамоты, но имели некоторые сведения в арифметике и хронологии. Год они, подобно римлянам, делили на 12 месяцев со своими названиями. Столетие называли веком, то есть человеческой жизнью, что говорит о том, что наши предки были долгожителями – крепкими, здоровыми и выносливыми.

Они не знали единовластия, но соблюдали закон отцов и обычаи. А если у каких-то их предводителей и были дополнительные права, то они были ограниченными и, конечно, учитывалась их польза!?

До введения христианской веры, первую степень между идолами занимал Перун, бог молнии, мироправитель. Упоминаются еще идолы: Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла и Мокоша – но без обозначения их деяний в язычестве. Еще по польским источникам (Н. М. Карамзин) были в России, что не отвергается, бог веселья и любви Ладо; вероятно, отсюда и пошло лада-ладушка (Р. Евреинов), Купала, бог земных идолов; Коляда, бог торжества и мира. Были и поверия: лешие, кикиморы, домовые и другие. И они дошли до нас.

«Вот леший, где тебя носит кикимору безхвостую», – сказал, и жить стало чуть-чуть веселей.

Мало что известно об обрядах, жрецах и посредниках в пределах древней Руси, но они предполагались и имели место быть. Это плачевные тризны,

заканчивающиеся веселым торжеством и играми. О языке наших предков судить очень трудно, и он казался диким в сравнении с греческим, отшлифованным самой жизнью.

Но рассеянные по Европе, окруженные другими народами, славяне постепенно утрачивали единство языка, и в течение времени образовались основные его наречия: русское, польское, чешское, болгарское и другие. И хотя многие славяне языческие, особенно в Прибалтике, знали употребление букв и счет, но только с появлением Кириллицы в славянский быт вошел славянский особенный алфавит, и обязаны мы ему благодаря всемирно известным: Кириллу и Мефодию. И отсчет нашей азбуки мы ведем с 863 года.

Речь же о дальнейшем сплочении славянских племен и образовании Киевской Руси, становлении и развитии смутных времен пойдет несколько ниже.

Так или иначе, но все народы, развиваясь, движутся вперед, и в их истории существуют общие закономерности. На первом этапе впереди стояли семья, род, родовые отношения. И возникающее государство (по Соловьеву) становилось необходимой формой для народа, который не мыслим без государства. У некоторых бытует мнение, что именно город Киев стал столицей русского государства с 862 года, но это даже в приближенном допуске неверно, так как именно в 862 году Рюрик объявился в Новгородчине после того, как был приглашен на княжение.

Вот как это описывает Н. М. Карамзин в соответствии с Несторовским писанием: «Славяне новгородские, кривичи, весь и чудь отправили посольство за море, к варягам-руси сказать им: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. – идите княжить и владеть нами».

Братья Рюрик, Синеус и Трувор согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белозеро, в область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей.

Сия часть нынешней (Н. М. Карамзин) С.-Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской губерний была названа тогда Русью, по имени князей варяго-русских – более не знаем никаких достоверных подробностей.

Однако, мы помним, что европейцы в более давние времена называли славян россами, так что и померанские варяги-руси, и северные славяне имели между собой контакты, опираясь на объединяющие их названия русь, россы.

Я уже упоминал, что варяги, как завоеватели северных славянских и финских земель и бравшие с них дань, были изгнаны; а потом уже, в соответствии с летописями, что подтверждает и С. М. Соловьев, состоялся призыв князей. Несколько подробная детализация этих событий излагается мною для того, чтобы читатель не путал просто варягов с варягами-руси,

от которых, еще раз повторяю, и пошло название Русь, а затем уже и династия Рюриковичей. И было это в 862 году. И к тому же не совсем ясно, все ли из перечисленных племен приглашали Рюрика и его братьев, так как кое-где в иных трудах проскакивает слово «якобы»), что наводит на мысль, что, возможно, было и частичное прямое завоевание.

Но вот еще что, замечательный русский исследователь и писатель Сергей Марков в своей книге «Вечные следы» приводит данные о том, что в исторических трудах исландского историка Снорри (1178 – 1241) нет даже намека на имена Рюрика и его братьев, что подтверждает справедливое мнение о том, что лица эти легендарные и реально не существовали. Снорри никогда не встречал их имен ни в сагах, ни в скандинавских летописях, которые он так внимательно изучал. К тому же Снорри интересовался историей Руси и много о ней писал. Но тогда откуда пошла династия Рюриковичей? Сложный вопрос. И возвращаясь к изложенному выше материалу по поводу посылки посольства за море, думается, что, а за море ли? а может быть поближе в Померанию, где в основном и обитали варяги-руси, и они-то и пришли на Русь. Но Померания, это не Скандинавия и скальд Снорри, возможно, и не знал этих материалов, что наводит на мысль, а не мог ли он этим повлиять на рассуждения С. Маркова? Так или иначе, это было, и династия Рюриковичей существовала на Руси более шести столетий.

И еще небольшое дополнение к выше сказанному: не вяжется как-то изгнание варягов за море, а затем последовавший призыв к княжению, опять-таки из-за моря. К тому же и финские племена, имевшие общие границы со славянами, также жили и за морем (Финским заливом) и в других местах. Финский этнограф и языковед Матиас Кастрен (1813-52) исследовал расселение угро-финских и родственных им народов, почти до восточных границ России. Но в данном случае речь идет о призыве на княжество, которое и было принято Рюриковичами. Вопрос состоит только в том, с какой стороны Финского залива они пришли, если действительно пришли из-за моря?

Известно также, что спустя два года после смерти своих братьев Рюрик унаследовал всю власть и продолжил дальнейшие завоевания и постройку городов. И, конечно, понятно почему, в своей работе, я не затрагиваю вопроса о городе Ладога, который тоже считался, по мнению некоторых, одним из столичных городов.

Сохранились предания о смутах и в самом Новгороде и за его пределами, которые, в конечном счете, приводили к побегам побежденных в большей части на юг и суздальские земли. Предание говорит, что много бежало от Рюрика из Новгорода в Киев; здесь, на южном конце великого водного пути из Варяг в Греки, образовалось в то же время другое варяго-русское владение.

Было, говорит предание, у Рюрика двое мужей, не родных ему; они выпросили у него идти к Царьграду с родом своим, и когда шли вниз по Днепру, то увидели на горе городок и спросили тамошних жителей, чей он? Им рассказали историю создания Киева, и о тех бедах, которые преследуют жителей его – оплата дани козарам. Здесь Аскольд и Дир и остановились. К тому же (по Соловьеву), Киев был в то время притоном варягов и всякого рода искателей приключений. Понятно, что он не мог и быть в то время столицей Руси!

И стали Аскольд и Дир вождями и покорили окрестных полян. И случилось это гораздо позднее 862 года. Четкой даты начала родового правления Аскольдом и Диром нет, но известно, что в 866 году они осаждали Царьград. В эти же времена упоминаются и первокрещения в христианскую веру некоторых из россов.

И еще один момент, который мною чуть не был упущен. Почему, именно Рюрику достался Новгород? Да потому, что, по всем канонам дорюрикского времени, и более поздним, старшему из рода доставался главный кусок от общего пирога. А Новгород и был на Руси самым главным, самым мощным и опорным пунктом. Кстати, именно Рюрик возвел новый Новгород, поглотивший собой старый город.

Итак, с Рюриком у нас практически «все ясно», раз так, то пора переходить к княжению Олега. В 879 году Рюрик скончался в Новгороде, вручив перед

этим правление и малолетнего сына Игоря родственнику своему Олегу.

Олег продолжил завоевания и, присоединив к Новгороду многие другие земли, в 882 году пошел к странам Днепровским.

Более теплый климат и выгоды, приукрашенные рассказами, влекли Олега к Киеву. Он понимал, что Аскольд и Дир добровольно не сдадутся и потому (по легенде) скрыл дружину в ладьях и велел объявить государям киевским, что варяжские купцы, отправленные князем новгородским в Грецию, хотят видеть их, как друзей и соотечественников. И когда Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег, воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель (Олег) сказал: вы не князья и не знаменитого рода, но я князь – и, показав Игоря, промолвил: вот сын Рюриков! Дальше вершится обыкновенное убийство. При всей простоте нравов 9 века историки осудили это деяние. Олег же обогранный кровью невинных князей, знаменитых храбростью, вошел победителем в их город и жители признали (большой частью от страха) его государем.

Утвердившись в Киеве, сделав его стольным городом, по свидетельству летописца, Олег сказал: «Да будет Киев матерью городов российских». Есть несколько и другая интерпретация по летописцу; Олег сказал, что Киев должен быть «матерью городам русским».

А для любителей изящной словесности (по древнерусской письменности) по полному собранию это звучит так: «Се буди мати градом русским», «Беша у него Варязи и Словени, и прочи прозвашася Русью».

В этом выражении как бы закладывается смысл (согласно авторам примечаний), что варяги и славяне прозываются Русью, только по утверждению в Киеве. Но это, пожалуй, очень и очень спорно. Возможно, это было добавочным утверждением названия Руси на Киевских землях.

Случилось же это великое событие для всей Руси в 882 году. И надо полагать, что именно эта дата и делает Киев столицей для всей, созданной Рюриковичами, Киевской Руси.

Дальнейший ход истории Киевской Руси, да и вообще всей России, хорошо изложен в исторических исследованиях и монографиях, несмотря на разного рода политические взгляды более современных исследователей и, к сожалению, цензоров и заказчиков тех или иных трактовок.

Прежде чем подвести итог работе над темой: «Кто мы», я хотел бы совершить небольшой экскурс в смутные времена, постоянно шагающие в ногу с нашим развитием и бросающими это развитие в далеко не всегда ясную судьбоносность нашей Родины.

Вообще, «смутное время» – термин для обозначения для обозначения событий конца 16 начала

17 веков, но я отталкиваюсь не от этого понятия, а вообще от понятий, доставивших нашей стране много горестного, именно того, чего можно было бы и избежать.

Описанный мною в работе дорюриковский период 9 века несомненно можно считать первым смутным временем среди славян. В конечном итоге он оказался благотворным, так как закончился созданием государства. Это достаточно парадоксальный вывод, что изначально раздор и междоусобица между славянскими племенами их же и привели к сплочению и к государству, тогда как обычно наблюдается усиление разъединения.

Следующий смутный период (по моему глубокому убеждению, мое личное мнение, и дальше точно также, но без навязывания читателям), приходится на долю дробления в период кажущегося единства древнерусского раннефеодального Киевского государства. И именно это дробление и подарило нам ордынское иго (теперь опять оспариваемое) и более чем двухвековую борьбу с ним.

В этот период параллельно складывалось формирование, в зависимости от регионов, русской, украинской и белорусской народностей. И очень трудно сказать, как это было замечательно... и чем становится теперь.

«Мать украинка, отец русский, а сын говорит: а вот дед, то есть отец матери – был более белорусом, чем украинцем; так вот я и есть его продолжатель».

Прибавьте к этому, что у всех троих, под влиянием нашего родного времени, разные взгляды... И порой какая же свара царит у них за обеденным столом. Понятно, что это горькая шутка с долей правды? Или, наоборот, горькая правда с долей шутки!?

К следующему периоду относится сам период смутного времени, приведший Россию к династии Романовых, среди которых в последующее время вообще исчезли русские. Русскими окончательно с императрицы Фике (Екатерины 2й «Великой») они были только по принадлежности к Российскому трону, а фамилия – очень даже хорошее наследство. И есть претенденты и будут еще.

Кстати, были отчасти в различных местах России времена смутных деяний. Достаточно вспомнить Разина, Болотникова, Пугачева и других. И дай тогда, в то время, в руки Емельяна Пугачева хотя бы единство закабаленного крестьянства и разумные действия, вряд ли Екатерина Вторая справилась бы с ним за год с небольшим.

К следующему периоду смуты можно отнести период восстания декабристов. Множество объективных и субъективных причин обрекли его на поражение. Но, очевидно, разгромив декабристов, повесив пятерых из них и разогнав остальных по тюрьмам и сибирским ссылкам, Николай 1й не мог ни принять, ни понять чаяний передового дворянства! Итогом правления его стало «успешное» проявление себя в крепостнической России в Крымской войне (1853-56).

Вспомним русско-японскую войну (1904-05) при Николае 2м, приведшую к очередному сотрясению-ускорению революции в России.

Скажут: вот он говорит только о поражениях России. Да нет, речь идет только о том, что, так или иначе, потрясло Россию.

Следующим потрясением была Первая Мировая Империалистическая война. Вероятно, по мнению некоторых, нужно исключить это слово «Империалистическая». Эта трактовка уже не удобна?! Завтра, может быть, станет неудобной фраза: «Освободительная война Советского народа». Как тут быть? Сказать: «Освободительная война Российского народа» (России, или как? Казахи тоже воевали за свободу и независимость нашей Родины, но в теперешней России сколько их? А другие?). Вот и появляются на арене труды А. Кердера и подобных ему. Вот и узнаем мы из этой «истории» о битвах союзников в сто раз больше, чем о себе. Но ведь в школах то ее, эту историю уже подают... Печально.

Куда там, если даже и Куликовская битва под сомнением, а вдруг ее никогда и не было. Не находится доказательства, и все тут.

Так вот, именно, Первая Мировая Империалистическая война привела к сверхгигантскому смутно-му катаклизму, небывалому в истории.

Нынешнее всеобщее «переосмысление» событий, так или иначе связанных с нашей страной, начиная с 1917 года, является отчасти трагическим, что

делает нас уже непосредственными участниками очередного смутного времени, не только у нас в России, участниками возможной трагедии так называемого панславизма – идеи объединения славянских народов. Не хочу заканчивать на этой горькой ноте. Как говорят в народе: «Все образуется».

Итак, мы – потомки славян и примкнувшим к ним ослабянившимся варягов-руси, с большой примесью ослабянившихся народов – представляем собой единый и могучий русский народ в России, равно как и украинский народ на Украине, а белорусский – в Белоруссии. Мы разделены, но по духу в целом – едины. И на нас смотрят другие многочисленные народы и народности, населяющие наши территории. Мы равны с ними, ибо они уже не признают чье-либо старшинства, но мы должны быть с ними едины во всех горестях и победах на тех территориях и в этой стране, в которой нам дали жизнь наши предки.

1998

ПАМЯТЬ

19 октября 1997 года жители поселка Мурмаши совместно с воинской частью «Весна» и авиаподразделением пограничных войск на воинском мемориальном кладбище торжественно отметили 53-ю годовщину освобождения Заполярья от немецко-фашистских войск. Петсамо-Киркенеская операция началась 7 октября и закончилась 25 октября 1944 года взятием Киркенеса. В ходе боев были освобождены 15 октября Печенга (Петсамо) и 22 октября Никель.

В памяти многих ветеранов войны остались не только тяжелые бои, приведшие к полному разгрому немецко-фашистских войск, но и то прошлое, былое лихое военное время, время героической обороны Кольского полуострова. Многие улицы поселка носят гордые имена боевых летчиков – Героев Советского Союза. Это улицы Мисякова, Тягунова, Кайкова, Позднякова и Кутахова – будущего главного маршала авиации.

Великая Отечественная война, закончившаяся в 1945 году, кажется чем-то далеким и малоосозаемым, в особенности для молодого поколения. А если учесть, что в нашу жизнь с беспрецедентной наглостью вторгаются такие опусы, как «новейшая история 20 века» А. А. Кердера, спонсором которой выступил известный недруг Советского Союза американский миллиардер Джордж Соррес, где нет даже намека на

Петсамо-Киркенесскую операцию, а Сталинградской и Курской битвам отводится лишь однострочное краткое упоминание, то надо полагать, что смысл слов: честь, достоинство, Родина может отойти на второй план. На первый же выйдут беззастенчивость и нажива.

Прошло более 56 лет с того времени, как нога фашистского оккупанта впервые ступила на заполярные Советские земли. Многое и многое подтверждает истину, что никто не забыт и ничто не забыто. Но многие и многие участники и герои Великой Отечественной войны; многие и многие погибшие мирные жители оккупированных районов страны остались безвестными, и далеко не о всех защитниках отечества приходили весточки – «пропал без вести».

Но по всей стране в районах бывших боев действуют поисковые группы. Это благодаря их стараниям появляются новые данные о затерянных родственниках, бывших, боевых товарищах и друзьях.

Богатая событиями прошлых лет земля Кольского полуострова время от времени преподносит нам новые сведения из того, более чем полувековой давности, периода обороны Заполярья. Более 6 лет назад был обследован хвост самолета «Харрикейн» (Ураган) неподалеку от Медвежьего озера. Такие самолеты поставлялись нам по ленд-лизу – трехстороннему соглашению между СССР, США и Великобританией в период Отечественной войны из Англии.

Часть наших боевых летчиков с ноября 1941 года вступала в воздушные бои именно на этих машинах, противопоставляя их «мессершмиттам», которые были на вооружении немецкой армии.

В публикации в «Полярной правде» № 172 от 11 сентября 1997 года председателем областного объединения поисковиков Львом Журиным изложен в основном материал по поднятию и обследованию останков «Харрикейна» № 672.

Наши замечательные земляки Леонид Алексютин и Михаил Казакевич вместе с руководителем поисковой группы «Кобра» Андреем Короткевичем обнаружили тело погибшего пилота Аркадия Ивановича Булычева. Пулевые пробоины в местах сохранившихся деталей самолета говорят о том, что самолет Булычева был подбит в воздушном бою и, вероятно, пилот пытался его посадить на одно из болот в районе озера Медвежьего, что немногим более 10 километров от рек «Кица» и «Кола», в 30 километрах от озера Шонгуй.

55 лет хранила Кольская земля тайну гибели одного из своих защитников. И только благодаря обследованию истребителя «Харрикейн» и находке тела пилота с достаточной достоверностью установлено, что А. И. Булычев только незадолго до гибели получил звание младшего лейтенанта, так как кубики, удостоверяющие это звание, находились у него в одном из карманов. Из документов же, находящихся в другом кармане, были: красноармейская книжка, что

подтверждает его предыдущее звание сержанта Красной армии, и комсомольский билет в достаточно хорошо сохранившемся виде. В его летной сумке находились также: художественная книга, деньги тех времен, почти истлевшие фотографии, справки, некоторые сведения по немецким самолетам и другие бумаги. Тело же пилота хорошо сохранилось, так как находилось в герметичной почве болота.

По данным документов установлено, что А. И. Булычев родился в 1922 году в населенном пункте Платоновка, что сейчас является пригородом Тамбова. Комсомольский билет датирован 5 маем 1939 года. В 1940 году по окончании 10 классов он поступает в Борисоглебскую военную авиашколу и в ноябре 1941 года, по ее окончании, в звании младшего сержанта направляется в истребительный полк в поселке Шонгуй, откуда он и произвел свой последний вылет. Есть некоторые данные о воздушном бое советских летчиков с группой «мессершмиттов», так как в этот день на аэродром не вернулись три «харрикейна». Пилоты двух других сбитых самолетов в списке пропавших без вести не числятся. Видимо им удалось спастись. После обследования А. Копытков сообщил, что это случилось, возможно, 26 мая 1942 года. Но в настоящее время поисковой группой, а также и мною, автором этой статьи уточняется дата его гибели. К тому же у Аркадия нашлась родная сестра Зинаида Ивановна, знавшая лишь, что брат пропал без вести. Но во всем этом есть и свои странности, так как в

тамбовских сведениях А. И. Булычев числился пропавшим солдатом, вот у нас еще как бывает.

Останки пилота ожидают часа отправки к месту своего захоронения в Тамбовском мемориале памяти.

Октябрь 1997 г.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Великая Отечественная война, прокатившаяся по большей части территории Советского Союза, принесла не только неисчислимыe потери, как людские, так и материальные, но и обнажила волю и дух Советского народа, который, изгнав немецко-фашистских захватчиков, раздавил нацизм в его же логове.

Тысячи и тысячи мирных людей полегли на поле брани на оккупированных территориях. Тысячи и тысячи были замучены в фашистских лагерях и застенках.

Победа в мае 1945 года досталась дорогой ценой. Она вершилась на фронтах боевых действий, она ковалась всем Советским народом.

С первых же дней войны на Кольском полуострове враг обрушил массированные налеты на все крупнейшие города и заводы, морские базы и аэродромы, но, не смотря на численный перевес в живой силе и технике более чем в два раза и лучшую подготовку и вооружение, немецким дивизиям не только не удалось прорваться к Мурманску, но даже и частично сломить ожесточенное сопротивление войск: 14-й армии под командованием генерала Фролова В. А. и Северного флота под командованием адмирала Головки А. Г. и приданной им 1-й смешанной авиадивизии, а также авиации Северного флота, состоящей

из истребительного полка и эскадрильи бомбардировщиков.

Практически немцы имели в воздухе четырехкратное превосходство. Сегодня в канун празднования Дня Победы многим более доступно понимание тех или иных событий вершившихся в воздушных боях над Кольским полуостровом.

Это здесь у нас были сбиты знаменитые немецкие асы: такие как Герхард Шашке – командиром эскадрильи, старшим лейтенантом Зайцевым и Рудольф Мюллер – североморским летчиком Бокием с группой товарищей, неподалеку от аэродрома расположенного в Ваенге. К сожалению, в этом небольшом дополнении к статье, я не привожу имен наших пилотов, потому что все архивные материалы, по причине уничтожения музея Авиации мною убраны и хранятся в разных местах; но столь знаменитый немецкий ас, как Р. Мюллер командовал эскадрилей «Гордость Германии», и только что награжденный очередным железным крестом, полученным чуть ли не из рук А. Гитлера, был в итоге пленен под городом Кола.

В основном, посвящая эту статью летчикам боевой авиации и нисколько не умоляя боевых заслуг воинов всех родов войск, хочу напомнить только одну цифру: по некоторым данным, из 136 воинов – Героев Советского Союза в заполярье, 67 были летчиками.

Громкие имена: Б. Сафонова, П. Кайкова, А. Позднякова, А. Хлобыстова, Э. Сорокина – заполяр-

ного Маресьева, И. Бочкова, Е. Кривошеева П. Кутахова и многих других летчиков летчиков навечно вписаны в историю не только боевых действий, но и названия многих улиц наших городов и поселков.

Конечно, первоначальное оснащение боевой техникой и в авиации оставляло желать лучшего, поэтому техническое перевооружение боевых авиаполков происходило в ходе боев, и потому, в основном, летчики переучивались на новую технику непосредственно на прифронтовых аэродромах.

Сейчас я хочу напомнить, в дополнение к статье «Память» опубликованной в № 25 газеты «Кольские вести» за 1997 год, и напечатанную выше в этой же книге, о погибшем в бою в мае 1942 года, в районе озера Медвежьего pilote Аркадии Ивановиче Булычеве, найденном в августе 1997 года поисковой группой в составе: А. Копыткова, Л. Алексютина и М. Казакевича, спустя 55 лет после гибели.

В декабре 1997 года в городе Тамбове на родине боевого летчика в мемориале памяти состоялось торжественное захоронение его останков с участием военных училищ и войск тамбовского гарнизона. Тело pilota, хранившееся 55 лет в Кольской земле, нашло успокоение в родных краях.

В музее Авиации в поселке Мурмаши находился уголок памяти А. И. Булычева, где экспонировались его подлинные личные вещи, в числе которых находилась и ксерокопия хорошо сохранившегося комсомольского билета, так как сам подлинник был передан на вечное хранение его родным. Теперь му-

зая нет, но вещи бывшего боевого летчика не пропали. Они были переданы на хранение в музей Северного флота.

Жизнь продолжается. И какие бы радости, тяготы и невзгоды не сопровождали ее, нужна преемственность поколений. Чтобы помнили!

Не могу не привести свое стихотворение, переданное мною мурманской делегации для последних тамбовских проводов тела пилота.

ПАМЯТИ А. И. БУЛЫЧЕВА

Ты пролежал в родной земле полвека,
Ты защищал ее, и ты летал.
Ты был солдатом – гордым человеком,
И долгом ты призвание считал.
Тебя убили в ясном небе в мае,
Твой самолет упал на Кольский снег.
Когда тебя – героя отыскивали,
Тысячелетие заканчивало бег.
Людей так много, память берегущих,..
Тебе всего минуло двадцать лет,
Но ты опять вошел в ряды живущих,
Взяв комсомольский огненный билет.

Май 1998 г.

P.S. Небольшие изменения в тексте были выполнены мною при подготовке книги к печати.

2004 г.

ПОКОРЕНИЕ ВЕРШИН

Если осмотрительность и осторожность лишь несколько задерживали развитие того или иного жизненного «сюжета», мешая его подлинному развитию, то, вместе с тем, они же и позволяли преуменьшать возможность развития той или иной опасности, сопровождающей всякое развитие – идет ли речь об открытии Яном Флемингом антибиотиков, или об испытании водородной бомбы – все равно; но так или иначе, в те же самые понятия: осмотрительности и осторожности, примешивались и любопытство, и страх, и всевозможные надежды, связанные с какими-либо возможностями, которые в сущности и называются прогрессом; но который будет чрезвычайно замедленным и, практически мало эффективным.

Вот почему всегда и везде, с известной долей риска, (речь идет не о шампанском), необходимы какие-либо качественные сдвиги в любой технологическом процессе – иначе застой, регресс; а это требует, кроме вышеперечисленного, еще и смелости в деле принятия тех или иных решений.

На этом и базировалась древнегреческая легенда об Икаре, послужившая основой, как здравомыслию, так и решимости, которую реализовал (привожу в качестве примера) знаменитый русский летчик Петр Нестеров, выполнивший впервые «мертвую петлю», впоследствии получившей имя ее творца; на этом и базировались также открытия физиков области про-

цесса расщепления атомных ядер, которые, к сожалению, впоследствии, принося известную пользу человечеству, обрушили на его же голову неслыханные дотоле бедствия.

Так надо ли сегодня развивать технологии атомной промышленности?! Куда и к какому «счастью» приведет землян густая сеть атомной энергетики? Вопросы, вопросы! Увы, одни вопросы. И ответа на них нет, по крайней мере сейчас.

Так вот и на современные вопросы и ответы уйдет уйма времени, и, в основном, совершенно бессмысленно и безо всякой пользы для человечества; ибо вопросы будут напоминать более судачество, чем целесообразные деяния, а ответы не более чем отписки и отговорки.

Но если мифологические деяния во все времена и годы волновали и волнуют прошлые и современные поколения людей с отважными сердцами и открытыми забралами, ровно как и замечательные деяния истинных и незабываемых первопроходцев – пионеров в деле развития человечества в зримом мироздании, то в отличие от них глобальные аспекты макро и микромира несомненно дают лишь краткосрочный, пусть даже и необходимый эффект, который впоследствии может принести не только огромные убытки, не только с экономической точки зрения, но и превратить саму суть всех суммированных убытков в глобальные катастрофы, какие пока лишь приносили катаклизмы, подобные падениям «тунгусских метеори-

тов»; и созданные землянами, пока еще «местного значения» достаточно ужасающие последствия «чернобылей»!

Заметьте! – если Эверест уже нуждается в очистке от всевозможного мусора – продукта человеческой деятельности; а прошло всего лишь сорок семь (47) лет с того времени, когда новозеландец Э. Хиллари вместе с шерпом Н. Тенцингом (1953 год) впервые совершили величайшее восхождение на «вершину мира», то атомного (ядерного) мусора, по всей земле, куда как больше, и, ему не дано права лежать в «первобытном» состоянии, ровно как, и, так необходимым для человечества атомным электростанциям, отработавшим свой срок и уходящим в утилизацию на тысячелетние времена.

Нас, землян, ждут и глобальные внутреземельные и космические процессы... Речь идет и о выкачке и переработке недр; и о защите земной поверхности от внешних факторов. Но мы, в своем рвении, думая, что недра бесконечны, что верхние слои всяческих защитных сфер вокруг земли являются некоторой панацеей, глубоко ошибаемся!..

И отвечать уже будет некому!?

Февраль 2000 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подводя итоги в этой шестой книге, хочу заметить, что, возможно, читатель обратил внимание на то, что в ее основное содержание вошли рассказы и повести, и кое-какие заметки из времен моей молодости.

После 1961 года я почти полностью отошел от прозаических трудов, разве что незначительно правил повести и написал несколько рассказов.

В конце 1965 года я вообще прекратил литературную деятельность, хотя, иногда выполнял те или иные просьбы по случаю каких-либо дат, разумеется, исходя из альтруистических побуждений.

Чем же я занимался, кроме семьи, в свободное время? Бегал по лесам и весям, учился, проводил свадьбы и новогодние утренники и так далее.

Но резонный вопрос: почему не писал? Главное – неостребованность и полнейшее безразличие.

И даже тогда, когда разрешили печататься за свой счет, меня окатили ушатом холодной воды: в мурманском издательстве, вместо семисот рублей (по советским ценам), затребовали две тысячи рублей, пообещав поставить на очередь, которая, возможно, наступит через два года., но никак не раньше, и при этом опубликован будет лишь один авторский лист равный семистам стихотворных строкам – бумажная, небольшого формата брошюрка, максимум на сорок страничек, тиражом от тысячи до двух тысяч экзмп-

ляров. К тому же и на это недоставало какой-либо бумаги – хороший намек.

Ясно, что мои потуги на издание на этом прекратились.

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия я с новой энергией взялся за перо и не перестаю писать, и по сей день, в основном занимаясь лирикой. К тому же в девяностых годах я плотно занимался трудоемкой антирелигиозной работой, на которую потратил многие годы, подготовка которой к печати тоже займет еще много времени; но эта и еще, возможно, следующая поэтическая книга с практически уже собранным материалом, пока что только в проекте.

Нельзя сказать, что все другое мною было заброшено. Нет, я писал и публиковал некоторые статьи в газетах, часть которых поместил и в эту книгу; а также выполнял необходимые работы для музея Авиации смотрителем-директором которого и являлся; и кроме того еще что-то писал, в том числе и историю службы движения – службы управляющей полетами на территории мурманской воздушной зоны. Но эти труды, как таковые, не являются литературными, и предназначены для узкого круга людей, поэтому они и не входили, да и не войдут в мои книги.

В конце прошлого века я снова сделал попытку по части какой-либо публикации, и на что мне очень уважительно ответили: только через союз писателей, иначе ни-ни.

Была возможность публикации в Петербурге, но за нее брали даже не втридорога, а еще больше, да и книги должны были выходить в мягкой обложке. У меня таких средств не было, да и мягкий переплет меня не устраивал.

Но, наконец-то, все-таки мне удалось воплотить в реальность издание большей части из написанного.

Все мои книги выходили под моей фамилией, кроме второй «Литавры», изданной под псевдонимом Остап Откосный. Некоторые вещи из этой книги вставлены в третью книгу «Свет и тени» издания 2003 года, это большое стихотворение «Плащ» и поэтическая повесть «Дочка», которые я счел возможным опубликовать повторно для более широкого круга читателей; а также драматическая комедия «Троекратье Маргариты» вошедшая в сборник «Театр».

На этом практически все повторы закончены, что означает, что пятая поэтическая книга «Вехи» была составлена из ранее почти неопубликованного материала.

Писать о себе нет необходимости. Участвовать в каких-либо кружках и союзах нет ни малейшего желания – там кроме сутяжничества, да громов небесных на голову, ничего не будет, а тем более и не прибудет.

Остаюсь не вписавшимся в строгие рамки по-этом-исследователем, и да пребуду на этом попроще еще какое-то время.

С уважением Р. Евреинов Апрель 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Ветряная блондинка
Молодая семья
Карьера
Утро
Воздушный хулиган
Как я ходил на охоту
Мы убиваем время и ноги
Конструкция
Делатель капитанов
Запасение дров

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Треножник
Утята
Кролики
Африканец
Проказница
Сокол
Камберра
Друзья
Мукк

ПРИВИДЕНИЕ

(из воспоминаний)

ПОВЕСТИ

Молодость

Приключения «Святой троицы»

НОВЕЛЛЫ

Борин

Исповедь

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ

Умозаключение

Вежливость

О детях

О науке

Заметки и фразы

О воспитании

О вероятности

Важность

Свадебное путешествие

Фельетон без имен

Легенда о дереве

Жизнь

Люди и характеры

БУДНИ

(главы)

СЦЕНАРИЙ СВАДЬБЫ
ОПУС
КТО МЫ
ПАМЯТЬ
ЧТОБЫ ПОМНИЛИ
ПОКОРЕНИЕ ВЕРШИН
ПОСЛЕСЛОВИЕ
СОДЕРЖАНИЕ